

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск VII

Ставрополь - Волгоград
20

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МЕЖВЕДОМСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ЛАБОРАТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЙСКО–ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК VII

Ставрополь
2014

УДК 941/949 (470+438) “18, 19”
ББК 63.3. (2/4) (4 Пол)
К 76

Редакционная коллегия:

отв. за вып. *И. В. Крючков*, отв. ред. *А. Н. Птицын*,
Н. Д. Крючкова, *М. Е. Колесникова*, *И. К. Ким* (ВГСПУ),
А. С. Стыкалин (Институт славяноведения РАН)

К 76 **Российско-польский исторический альманах. Выпуск VII.** –
Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – 256 с.

ISBN 978-5-88648-881-4

Издание является многолетним совместным проектом двух вузов: Северо-Кавказского федерального университета и Волгоградского государственного социально-педагогического университета и посвящено различным аспектам истории Польши и польского народа в новое и новейшее время. Особое место в нём отводится проблеме российско-польских взаимоотношений.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся историей Польши и российско-польских отношений.

УДК 941/949 (470+438) “18, 19”
ББК 63.3. (2/4) (4 Пол)

ISBN 978-5-88648-881-4

© Издательство Северо-Кавказского
федерального университета, 2014

РАЗДЕЛ I ПОЛЬША И РОССИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЫ

РОССИЙСКИЕ ИСТОКИ АКАДЕМИКА АЛЕКСАНДРА ГЕЙШТОРА¹

Л.Е. Горизонтов

Александр Гейштор (1916–1999) родился в Москве, и, хотя уже в возрасте пяти лет покинул ее, Россия и ее столица продолжали играть важную роль в жизни польского историка. Это побудило обратиться к российским истокам видного ученого и общественного деятеля, президента Польской академии наук и Международного комитета исторических наук. Однако избранная нами тема отнюдь не сводится к выяснению происхождения и формирования отдельного, пусть даже очень неординарного, человека. История семьи, в которой вырос А. Гейштор, вполне типична для представленных в ней поколений «русских» поляков, что позволяет затронуть ряд ключевых аспектов русско-польского взаимодействия, таких как иерархия и динамика этнокультурных идентификаций, выбор поведенческих стратегий, русофильство и русофобия, миграции, межкультурный диалог, функционирование исторической памяти.

Главными источниками информации о семье и детстве А. Гейштора послужили беседы с ним в 1990-е гг. Р. Яроцкого, изданные в виде книги², а также опубликованные после смерти академика его генеалогические изыскания³. Эти сведения дополнились данными официальных документов, в том числе архивных⁴.

Известно, что в отцовской линии предков А. Гейштора были православные, перешедшие после Брестской унии в грекокатолицизм, а затем, к концу XVIII в., в лоно римско-католиче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода», проект №13-01-00070.

² Jarocki R. *Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze*. Warszawa, 2001.

³ Gieysztor A. *Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego*. 2001. № 5.

⁴ Автор выражает благодарность своему ученику магистру истории С. М. Слоистову за помощь в архивном поиске.

ской церкви¹. Пласковичи – родовое гнездо Гейшторов – находились в западной части Минской губернии, в Клецкой волости Слуцкого уезда (сейчас это граница Минской и Брестской областей Белоруссии).

Станислав Ян Гейштор, сын Игнация, в возрасте 25 лет принял участие в восстании 1863–1864 гг., в том числе в боевых действиях. Его невеста (первая жена) Пелагия Одынец (ум. 1869 г.) носила в лесной лагерь повстанцев еду и необходимые вещи. Однако, в отличие от многочисленных Гейшторов, оказавшихся в ссылке², Станиславу удалось избежать репрессий. После восстания он женился во второй раз на Эвелине Илькевич (1858/1859–1930) и содержал большую семью, арендуя у русских владельцев фольварки в дополнение к благоприобретенному имению Избище, под Пинском, в котором родился отец историка Александр Гейштор-старший (1876–1948). Финансовые обстоятельства заставили С. Гейштора перебраться на исходе века в губернский Минск, где им было приобретено пять доходных домов. По семейному преданию, он также служил чиновником³. Умер Станислав в конце 1911 г. и, следовательно, этого деда будущий историк не застал.

Согласно формулярному списку о службе А. Гейштора-старшего, в конце 1913 г. приказом по Министерству путей сообщения ему было пожаловано звание личного почетного гражданина⁴. Значит, эта линия Гейшторов, несмотря на древнюю родословную, не принадлежала к российскому дворянству, а полученный отцом сословный статус не распространялся на сына. Либо семья не подтвердила дворянского достоинства в ходе «разбора» шляхты, либо лишилась его в виде наказания. Как свидетельствуют документы, представители рода Гейшторов успешно ходатайствовали перед соответствующими инстанциями о причислении к дворянству⁵.

¹ Bardach J. Aleksander Gieysztor (1916–1999) // Lithuania. 1999. №1/2. S. 14.

² Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa. Warszawa, 2000.

³ Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001. S. 20, 29–30; Gieysztor A. Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 2001. № 5. S.101–102.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 21. Д. 1947. Л. 1 об.

⁵ Gieysztor A. Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 2001. № 5. S. 114–117. ◀

После окончания курса высшего городского училища в Минске отец около года проработал в дирекции Либаво-Роменской железной дороги, на которой также трудились два его дяди, а затем перебрался в Москву. Там он с 1895 г. служил на Московско-Казанской железной дороге и параллельно окончил бухгалтерские курсы¹. Железные дороги в России, сеть которых стремительно росла, оказались очень привлекательными для поляков, и высокий удельный вес в этой отрасли польского элемента еще в 1860-е гг. вызывал тревогу властей. Выражала обеспокоенность и правая пресса. Одна из публикаций влиятельного «Нового времени» попала в 1897 г. на глаза Николаю II. Императору, как сообщил министр внутренних дел И.Л. Горемыкин издателю газеты А.С. Суворину, «было неприятно напоминание о факте, который он хорошо знает. Но русских инженеров нет»². Страна испытывала дефицит и в других специалистах, в частности, квалифицированных экономистах, к числу которых принадлежал А. Гейштор-старший.

В 1900 г. он женился на Марии Макаровне Малышевой (1882-1907) – «румынке из Бессарабии», происходившей из зажиточной семьи и в год замужества принявшей в Кракове католицизм. Случилось это еще до выхода Указа о веротерпимости. Согласно адресной и справочной книге «Вся Москва» за 1904 г., Гейшторы проживали в принадлежавшем жене доме № 9 по Головину переулку около улицы Сретенка. Это сравнительно недалеко от места службы А. Гейштора-старшего. В то время наряду с работой на железной дороге он занимался табачной торговлей. После смерти Марии Макаровны трое детей от брака с ней – Софья, Эмилия и Эдуард (написание имен дается по русскоязычным документам), были отправлены в Минск. Когда умер дед Станислав, они в сопровождении своей тетки вернулись в Москву³. Тогда же переселилась в Москву с двумя своими детьми вдова деда⁴.

¹ Ibid. S. 102, 124.

² Суворин А. Дневник. М., 1992. С. 199.

³ Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001. S. 22; Gieysztor A. Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 2001. № 5. S. 103; Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa. Warszawa, 2000. Л. 2.

⁴ Gieysztor A. Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 2001. № 5. S. 102.

А. Гейштор-младший – единственный ребенок от второго брака, заключенного его отцом в середине 1915 г. с Барбарой (Варварой) Попель (1887-1954). Прадед по материнской линии Евстахий, сын Яна, подданный России, был сослан в Сибирь вместе с другими поляками за участие в венгерской революции 1848-1849 гг., подавленной российской армией под командованием наместника Царства Польского фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Обстоятельств этой семейной истории Гейштор не знал и сожалел о том, что не расспросил в свое время старших. В Иркутске родился отец его матери Базыли (Василий) Попель (1852-1945), который, покинув Сибирь, обосновался в Москве. Он еще говорил по-польски, но был женат на русской (его жена умерла в 1905 г.). Со всей семьей он уедет из России и будет проживать в Варшаве вместе с А. Гейштором-младшим в 1920-1930-е гг. Последний высказывал предположение, что представители мелкой шляхты Попели являлись греко-католиками¹.

Несмотря на причастность обеих линий семьи к повстанческой традиции, родители историка были от нее очень далеки, не принадлежа к числу национальных активистов. В политическом отношении отец разделял взгляды А. Ледницкого, который, в свою очередь, ориентировался на кадетов и добивался автономии Царства Польского в составе Российской империи. В 1917 г. он принял участие в работе возглавляемого Ледницким Польского комитета в Москве. В межвоенной Польше эта политическая линия вызывала резкое осуждение и даже послужила основанием для показательного судебного процесса против Ледницкого. Исторические споры 1920-1930-х гг. между пилсудчиками и эндеками по поводу обретения Польшей государственной независимости были А. Гейштору-старшему чужды².

Отец историка не избежал обрусения: в его польской речи присутствовали русицизмы, ему было легче писать по-русски, чем по-польски. До переезда в Польшу он ни разу не бывал на

¹ Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001. S. 22; Gieysztor A. Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 2001. № 5. S. 103; Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa. Warszawa, 2000. Л. 2.

² Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001. S. 24; Gieysztor A. Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 2001. № 5. S. 124.

этнически польских землях. Однако отец чувствовал связь с исторической Литвой, где продолжало проживать большое число представителей разветвленного рода Гейшторов. Надо полагать, что ему была присуща литвинская идентичность, способная сочетаться как с участием в национально-освободительном движении, так и с лояльностью по отношению к империи. Связь с польскостью поддерживалась принадлежностью к католическому костелу. А. Гейштор-старший вел по-польски переписку с родственниками из Северо-Западного края, использовал отпуска для поездок в родные места, хранил семейный архив (в том числе завещания, документы судебных процессов), который достался по наследству сыну-историку. Согласно последнему, имея «польско-литовско-шляхетские корни», он «всегда духовно ощущал себя польским, литовским помещиком». В то же время «духовность отца основывалась на историко-литературном мифе некоего идеального образа Польши»¹. Ю. Бардах пришел к заключению, что «Гейшторы из Пласкович жили на пограничье двух культур, но преобладала их связь с польскими культурой и сознанием»².

Возможно, родившаяся в Москве мать историка? до замужества вовсе не говорила по-польски. Она была очень привязана к русскому миру: «Духовно коренилась в русской культуре, искусстве. О польской имела лишь туманное представление, поскольку до времени приезда в Польшу по-настоящему ее не знала». В особенности Б. Гейштор увлекалась музыкальным и драматическим театром. Любила говорить о постановках Станиславского и пьесах Чехова. Сыну запомнился разбор «Чайки», который она сделала «как театральный критик». Не ограничиваясь участием в московской культурной жизни, мать часто ездила в Петербург. Она умела влиять на строгого, склонного к патриархальному укладу супруга, взяла на себя заботу о его старших детях, для которых стала «антимачехой». Об эмансипированности Б. Гейштор говорит ее работа на московской бирже³.

Большое значение для преобладания в семье того или иного культурно-национального тяготения имел ее состав⁴. Первый

¹ Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001. S. 22, 30.

² Bardach J. Aleksander Gieysztor (1916-1999) // Lithuania. 1999. № 1/2. S. 15.

³ Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001. S. 22–23, 26, 31.

⁴ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 75-99.

брак отца не способствовал укреплению польских начал. Второй брак более польский, однако, степень обрусения жены оказалась значительно выше, чем мужа. В Москве семья поддерживала широкий круг общения, который едва ли был сугубо полонийным. Надо, однако, учитывать, что в годы Первой мировой войны московская Польша существенно пополнилась беженцами и военнопленными. В польскоязычной «Википедии» даже ошибочно указывается на то, что и Гейшторы прибыли в Москву в потоке беженцев. Замужество Барбары, по оценке сына, открыло ей путь в польскую культуру. Решающим фактором, несомненно, явился переезд семьи в Польшу¹.

Согласно справочнику «Вся Москва» за 1916 и 1917 гг., А. С. Гейштор проживал в Мещанской части города недалеко от больницы графа Шереметева, известной сейчас как Институт скорой помощи имени Склифосовского. В справочнике указаны два адреса – по Докучаеву и 1-му Коптельскому переулкам: вероятно, отец занимал две квартиры поблизости как друг от друга, так и от места службы на Краснопрудной улице, одна из них могла быть служебной. Можно предположить, что «главной» была квартира в доме по Докучаеву переулку: она названа первой и оснащена телефоном (московские номера были тогда пятизначными). Однако раньше у А. Гейштора-старшего появилась квартира в Коптельском переулке: в справочнике за 1914 г. указана только она одна. В детской памяти осталась «зажиточная квартира».

В начале XX в. район активно застраивался, в том числе доходными домами, решавшими острый жилищный вопрос; накануне революции в них уже размещалось до 40 % москвичей. Именно в ту пору поэтесса М. И. Цветаева прощалась с привычным архитектурным ландшафтом Москвы, на смену которому пришли массивные шестиэтажные «уроды». Историческая репутация района благодаря обилию значных мест неважная, он хорошо известен полиции. Современный его облик не является для Москвы редкостью – смешение застройки разного времени. Много жилых домов 1970-1980-х гг., есть здания раннего советского времени, сохранились, однако, и фрагменты дореволюционной эпохи.

¹ Jarocki R. Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze. Warszawa, 2001. S. 22, 31.

Сопоставление старых и современных карт Москвы позволяет сделать заключение, что дом № 3 по Коптельскому переулку, принадлежавший Александру Федоровичу Шувалову, уже не существует и на его месте находится шестиэтажный жилой дом № 9 (строение 1) 1928 г. постройки. Владелицей дома № 12 по Докучаеву переулку значится в 1916 г. Агафья Леонтьевна Годунова. Судьба его требует дополнительного изучения.

Начинал А. Гейштор-старший службу конторщиком, затем стал счетоводом (1900 г.), старшим счетоводом (1906 г.), бухгалтером пути (1918 г.) и, наконец, помощником главного бухгалтера дороги (1920 г.). Как уже отмечалось, работа позволила повысить сословный статус. В 1916 г. годовой заработок составлял 1 620 рублей. Тогда же отец получил золотой жетон за двадцатилетнюю службу¹. В своей краткой автобиографии, датированной 1940 г., он писал об успешной службе, преподавании на курсах Московско-Казанской железной дороги и внедрении собственной системы бухгалтерского учета².

Нельзя не заметить, что служебный рост отца историка продолжался и после прихода к власти большевиков, более того, именно в советское время он достиг руководящих должностей, о которых упоминает его сын. Сохранилось датированное 18 мая 1920 г. «ходатайство о назначении бухгалтера Центрального счетоводства по учету оборотов и расходов путевого обслуживания Моск<овско>-Каз<азанской> ж. д. А. С. Гейштора на должность помощника главного бухгалтера». В указанном документе давалась весьма лестная характеристика работнику: «А. С. Гейштор... отличается отменными служебными качествами, исключительной трудоспособностью и знанием ж.д. дела и является в высшей степени желательным кандидатом на должность БП». Аббревиатура БП могла обозначать беспартийного. Предлагалось, чтобы Гейштор временно совмещал новую должность с прежними обязанностями руководителя счетоводства VIII отделения³. Начальник Главного управления путей сообщения утвердил назначение, о

¹ Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa. Warszawa, 2000. Л. 1 об.

² Gieysztor A. Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 2001. № 5. S. 124.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.1884. Оп.21. Д.1947. Л. 3.

чем информировала телеграмма от 23 июня 1920 г., копия которой была направлена в Главполитпуть¹.

Обращает внимание то, что вопрос о повышении Гейштора-старшего был поднят и положительно решился во время советско-польской войны. Поэтому вывод М. Кочерской о том, что «после революции не было для них (Гейшторов. – Л. Г.) места в большевистской России»², нуждается в корректировке. Отвечая на вопрос Р. Яроцкого о причинах поздней репатриации, А. Гейштор-младший говорил о неверии родителей в долговечность советского режима и их нежелании лишиться хороших условий. Только война Советской России с Польшей, по его мнению, поставила польскую семью перед лицом реальной опасности³.

Уехала семья Гейшторов в Польшу летом 1921 г., как только это позволила сделать предусмотренная Рижским мирным договором процедура. Собирались спешно, не дожидаясь истечения года с момента ратификации (апрель 1921 г.). По условиям договора, при оптации (выборе гражданства) учитывались несколько моментов. Желаящим выехать из России надлежало доказать сначала польским, а затем и советским государственным органам, что «они являются либо потомками лиц, принимавших участие в борьбе за независимость Польши в период 1830–1865 годов, либо потомками – не далее третьего поколения – лиц, которые постоянно проживали на территории бывшей Речи Посполитой, и вместе с тем ... они сами своею деятельностью, употреблением польского языка как разговорного и воспитанием своего потомства ясно засвидетельствовали свою приверженность к польской нации»⁴. Московские Гейшторы отвечали первым двум условиям, сформулированным во 2-м пункте 6-й статьи договора, с выполнением последнего условия у них могли возникнуть определенные проблемы. Вдова деда осталась в Москве.

Уезжали в неизвестность. «Многие, в том числе мои родители, – отмечал Гейштор, – для кого Польша являлась историко-духовным понятием, физически ее не знали. Возвращение в Польшу было приездом к мифу»⁵. Пока отец устраивался в Цен-

¹ Там же. Л. 7.

² Koczarska M. Aleksander Gieysztor (1916-1999) // *Mediewiści. Poznań*, 2011. S.31.

³ Jarocki R. *Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze*. Warszawa, 2001. S.22–23.

⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т.3.

⁵ Jarocki R. *Opowieść o Aleksandrze Gieysztorze*. Warszawa, 2001. S. 20.

тральной Польше, большая часть семьи провела несколько недель у родственников в Пласковичах, расположенных всего в семи километрах от новой польско-советской границы. Характерно, что выбор переселенцев пал не на знакомые восточные кресы II Речи Посполитой, а на Варшаву: крупный город, локомотив модернизации на польских землях рос теперь также благодаря своему столичному статусу. Расчет оказался правильным, и А. Гейштор-старший благодаря приобретенной в России квалификации смог занять место в дирекции варшавских банков¹.

Детские воспоминания будущего историка начинаются с суеты сборов перед отъездом из Москвы. Пятилетнему мальчику запомнилась сцена, когда после пересечения государственной границы пассажиры вышли около Столбцов (ныне западная окраина Минской области Белоруссии) из вагонов и ознаменовали встречу с Польшей молитвами и пением религиозных и патриотических песен. Согласно рассказам отца и сестры Эмилии, религиозным ритуалом руководил ехавший в том же эшелоне архиепископ Эдвард Ропп². Однако, присутствие Роппа, который был депортирован из Советской России еще в 1919 г., нуждается в проверке.

В Польше Александр узнавал о России от родителей, Эмилии, которая была на 14 лет его старше, и, очень вероятно, деда. Главная роль, несомненно, принадлежала матери. Если французскому языку Гейштора обучал приглашенный преподаватель, то русскому учила именно она, отлично его знавшая. Определенные языковые навыки мальчик приобрел еще в Москве. Занятия были весьма серьезными – со штудированием грамматики и написанием сочинений. И это происходило в то время, когда атмосфера во II Речи Посполитой вовсе не способствовала интересу к русскому языку. Родители приветствовали общение сына по-русски с русским сверстником. Значит, семья поддерживала контакты с проживавшими в межвоенной Польше русскими, число которых в начале 1920-х гг. было очень велико³.

Живя в Варшаве, мать активно приобщалась к польской культуре и со временем наверстала упущенное. Сравнение ею

¹ Ibid. S. 20, 27.

² Ibid. S. 19–20.

³ Ibid. S. 25.

уровня русской и польской культур не всегда складывалось в пользу последней. Польский язык Б. Гейштор так и остался несовершенным, что вызывало улыбки варшавян. Общаясь с польскими сверстниками и посещая школу, А. Гейштор-младший быстро в совершенстве овладел польским. Выдавало его лишь характерное для выходцев с Востока более мягкое, по сравнению с уроженцами этнически польских земель, произношение¹. Впоследствии в своих научных трудах он будет употреблять понятие «восточнопольского языка».

Функционирование в новую эпоху памяти о русско-польских отношениях в Российской империи является значимой научной проблемой. В силу возраста А. Гейштор не мог помнить России времен Первой мировой и Гражданской войн. Однако рассказы старших родственников в 1920–1930-е гг. сформировали доброжелательное отношение к этой стране. Случай этот далеко не единичный.

В преддверии визита в Польшу патриарха Кирилла в августе 2012 г. глава польского католического епископата Юзеф Михалик, который на четверть века младше Гейштора, вспоминал рассказы своих родителей о России. «Я ношу в памяти, словно какой-то код, наследие земель, отошедших к России в результате разделов, – сказал архиепископ в интервью. – Мой отец, который родился в 1898 г., окончил русскую школу..., знал дух того времени, но не имел комплексов... В нашем доме господствовало очень глубокое убеждение в том, что, в отличие от русского чиновничества, русский по природе своей – добрый человек. Приводились примеры глубокой, подлинной доброты этого народа». Не изменил этого убеждения даже экстремальный опыт ссылки, через которую прошли многие поляки².

Академик А. Гейштор, не будучи специалистом по истории XIX – начала XX вв., не написал, подобно С. Кеневичу, книги о своих ближайших предках (кстати, родовые гнезда Гейшторов и Кеневичей располагались неподалеку)³. Однако он интересовался родословной семьи и даже подготовил обширное исследование «Гейшторы из Пласкович», рукопись которого приносил на встречи с Р. Яроцким.

¹ Ibid. S. 23.

² Интервью Ю. Михалика 9.08.2012 // www.totustuus.net.pl

³ Kieniewicz S. Dereszewicze 1863. Wrocław i in., 1986.

Академик хранил записную книжку сосланного в Сибирь участника восстания 1863–1864 гг. Якуба Гейштора, в которой содержится информация о многих сотнях человек. Незадолго до смерти он предоставил ее ксерокопию в распоряжение В. Сливовской, осуществившей научное издание этого ценного источника. Решение о передаче записной книжки было принято А. Гейштором после участия в последней для него московской конференции, во время которой В. Сливовская говорила ему о подготовке базы данных ссыльных поляков XIX в. Последним доводом стала привезенная польской исследовательницей из Петербурга картотека Ю. И. Штакельберга. В личном архиве Гейштора хранилось большое число выписок и копий, свидетельствующих о постоянных занятиях историей рода, в том числе минской его ветви¹.

Как вспоминал Ю. Бардах, в 1990-е гг. произошло оживление интереса Гейштора к Литве. С 1992 г. он неоднократно бывал в ней, посещая гейшторовские места, – в Трокском воеводстве находятся древние истоки рода². Судя по рассказам Р. Яроцкому, приезжал он и в Белоруссию. В Москве до первой половины 1970-х гг. проживали сестры отца, а младший брат отца умер в 1976 г. в Горьком³. Будучи в российской столице, Гейштор навещался в подмосковное Томилино, где когда-то отдыхал с родителями летом (информация А.Л. Хорошкевич, выступавшей на конференции «Польша, Россия и Европа в судьбе историка. Памяти Александра Гейштора (1916–1999)», Москва, март 2013 г.).

Ощущение глубокой личной связи с Россией способствовало профессиональным и человеческим контактам Гейштора с российскими коллегами, для которых он был Александром Александровичем. Проведенное нами исследование показывает, что семейные предания и детские воспоминания нуждаются в тщательной проверке. Поиски в архивах России стоит продолжать – с московскими и, шире, российскими корнями А. Гейштора связано немало вопросов, остающихся пока без точного ответа.

¹ Śliwowska W. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa. Warszawa, 2000. S. 23–24.

² Bardach J. Aleksander Gieysztor (1916-1999) // Lithuania. 1999. № 1/2. S. 15–16.

³ Gieysztor A. Gieysztorowie z Płaskowicz // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. 2001. №5. S. 103.

ВЕНГЕРСКИЙ МИЛЛЕНИУМ 1896 г. В ПУБЛИКАЦИЯХ Л. ВАСИЛЕВСКОГО НА СТРАНИЦАХ «МИРА БОЖЬЕГО»

И. В. Крючков

Леон Василевский по праву принадлежит к числу ярких польских публицистов и политиков конца XIX – начала XX вв., его публикации по самым разнообразным проблемам развития Центрально-Восточной Европы являются востребованными и в наши дни. В России Л. Василевский считался известным журналистом, писавшим на различные темы из жизни народов империи Габсбургов.

Л. Василевский родился в Санкт-Петербурге 24 августа 1870 г. Окончив гимназию, он поступил в 1893 г. во Львовский университет, где изучал историю на философском факультете. Через год Василевский перебрался в Прагу, продолжив обучение в местном университете под руководством профессора и будущего первого президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика. Л. Василевский принимал активное участие в политической жизни, вступив в ряды Польской социалистической партии, где он познакомился с Ю. Пилсудским. В ноябре 1918 – январе 1919 гг. Л. Василевский занимал должность министра иностранных дел Польши. Он участвовал в работе Парижской мирной конференции в составе польской делегации¹. Л. Василевский был одним из разработчиков Рижского мирного договора с РСФСР и членом польской комиссии до демаркации границы между Польшей и РСФСР.

В межвоенный период Л. Василевский занимался научной деятельностью, возглавляя в 20-е гг. Институт исследований новейшей истории Польши, а в 30-е гг. – Институт по делам национальностей. Василевский в 20-30-е гг. не поддерживал полонизацию украинцев и белорусов, выступая за компромиссы с национальными меньшинствами. Он считался одним из крупнейших европейских специалистов по истории украинского национально-

¹ Зубачевский В.А. Геополитическая ситуация на востоке Центральной Европы накануне и в период работы Парижской мирной конференции // Восточная Европа после «Версаля». М., 2007. С. 64. ◀

го движения и истории малых народов Центрально-Восточной Европы. Уже в 1900 г. он издал монографию «Современная Галиция», до наших дней не потерявшую научную значимость и информативную насыщенность¹. Умер Л. Василевский 10 декабря 1936 г.

Мы же хотим осветить одно из направлений насыщенной интеллектуальной жизни Л. Василевского. С 1896 г. он постоянно публиковался на страницах российских альманахов, и прежде всего, в «Мире Божьем». В 1896 г. читающая публика, пожалуй, впервые узнала Л. Василевского как талантливое журналиста и публициста.

В 1896 г. в Венгрии с большой помпой отмечался тысячелетний юбилей создания Венгерского государства – Миллениум. Л. Василевский на страницах «Мира Божьего» в июле-сентябре публиковал материалы о данном торжестве, выходя за рамки хроники мероприятия, останавливаясь на истории и современном периоде развития Венгрии. Подготовка и проведение торжественных мероприятий дали ему возможность обратиться к наиболее актуальным проблемам развития Венгрии в конце XIX в.

Миллениум полностью определил политическую и культурную жизнь Венгрии в 1895–1896 гг., став для страны событием поистине эпохального значения. Начиная с 1895 г. Венгрия практически во всех уголках земного шара удачно рекламировала предстоящее мероприятие, что предопределило массовый приезд титулованной публики из различных государств, во главе своих гостей блистал император-король Франц-Иосиф. В присутствии почти 70 тыс. гостей он 2 мая 1896 г. торжественно открыл выставку.

Л. Василевский констатировал стремление венгров с помощью массовых торжеств продемонстрировать миру, как они из варварской орды превратились в один из развитых народов Европы, форпост европейской культуры и христианства на Востоке Европы². Даже многие представители национальных меньшинств Венгрии признавали желательность посещения выставки, где зевачи, тем более иностранцы, могли найти много интересного из

¹ Василевский Л. Современная Галиция. СПб., 1900.

² Василевский Л. Из культурной жизни мелких народностей // Мир Божий. 1896. №9. С.88.

жизни различных народов Венгрии. Правительство страны и частные лица не жалели средств на организацию выставки.

Празднование Миллениума дало возможность Л. Василевскому посетить Будапешт, который на него произвел благоприятное впечатление. Сама венгерская столица демонстрировала успехи венгров и других народов страны. Неизгладимое впечатление на журналиста произвел Пешт, застроенный красивыми домами, дворцами, имеющий широкие проспекты, удивительные скверы и ажурные мосты через Дунай. Проспект Андраши и будапештское метро для Л. Василевского стали самыми яркими подтверждениями успехов развития городского ландшафта Будапешта. Местное кафе «Нью-Йорк» в глазах публициста казалось лучшим в Европе. Но настоящим открытием и чудом стало завершение строительства грандиозного и эффектного здания венгерского парламента. Только для того, чтобы увидеть новое здание парламента, по мнению Л. Василевского, следовало приехать в столицу Венгрии. Для журналиста Будапешт – это настоящая западноевропейская столица, а не один из крупных городов Восточной Европы¹.

В то же время Л. Василевский обратил внимание на доминирование в городе мадьярского духа. Он пестрил вывесками на венгерском языке, немецкая речь вызывала недоумение со стороны даже официальных лиц Будапешта. Правда, Л. Василевский был уверен в том, что мадьяры сознательно игнорировали обращения к ним на немецком языке, тем самым демонстрируя свою независимость от Австрии, хотя он признавал слабый интерес венгерской молодежи к немецкому языку². Однако на окраинах города, в рабочих кварталах можно было услышать языковое разнообразие, там проживало более 40 тыс. словаков и 15 тыс. поляков.

Посещение выставки показало публицисту успехи народного хозяйства Венгрии, в том числе ее промышленности, сельского хозяйства и кустарного производства. Всего за двадцать лет страна из патриархального мира вступила в век индустриализации: «...невольно поражаешься энергии этого маленького народа и

¹ Василевский Л. Из культурной жизни мелких народностей // Мир Божий. 1896. №9. С.89.

² Там же. С.90.

прощаешь ему преувеличенный тон похвал и восторгов, с которыми венгры говорят о прогрессе своей родной страны»¹.

Л. Василевского волновал вопрос – как Венгрии за короткий исторический период удалось создать крупное промышленное производство? Успех заключался в усилиях государства, создававшего самые благоприятные условия для развития промышленности. Поэтому для него Венгрия «...является настоящим раем промышленной буржуазии»². Любой венгр, имевший небольшие накопления, при поддержке государства мог стать крупным промышленником. Индустрия освобождалась от поземельного налога, на несколько лет от промышленного налога, особенно помощь распространялась на те предприятия, которых до этого не было в стране: «Неудивительно поэтому, что фабрики растут в Венгрии, как грибы после дождя, а капиталы стекаются туда непрерывным потоком»³.

Л. Василевский обратил внимание на рост в Венгрии стремления к полной экономической независимости от Вены. С одной стороны, реализация таких планов была выгодна венгерской буржуазии, а с другой стороны – сторонникам полной независимости страны от Австрии, в получении экономической самостоятельности последние видели промежуточный этап в реализации главной стратегической задачи – обретении Венгрией полного государственного суверенитета⁴.

Наблюдая за выставкой, журналист не мог не заметить впечатляющие достижения системы образования страны. Университеты, гимназии занимали лидирующие позиции в культурной жизни Венгрии, правительство не скупилось в выделении средств на их развитие. Труднее было с оценкой роли начальной и средней школы в развитии образования и культуры в стране. С этими функциями школы, по мнению Л. Василевского, справлялись только в мадьярских районах. В регионах, где проживали национальные меньшинства, школа становилась источником насильственной ассимиляции, мадьяризации детей, что вызывало неприятие Л. Василевского: «К сожалению, венгерская школа в боль-

¹ Василевский Л. Из культурной жизни мелких народностей // Мир Божий. 1896. №9. С.89.

² Василевский Л. Из Австрии // Мир Божий. 1896. № 7. С. 94.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же.

шинстве случаев преследует цели, имеющие мало общего с народным образованием, служа политической системе мадьярских шовинистов»¹.

Журналист называл глупостями рассуждения некоторых венгерских и австрийских газет, о том, что румыны и словаки выступают против развития светского образования, поддерживая свои религиозные школы ввиду их реакционности. Л. Василевский подчеркивал, что и румыны, и словаки прекрасно понимали, что в светских школах, ставших инструментом мадьяризации, их дети потеряют свою национальную и религиозную идентичность, и им ничего не оставалось, как защищать религиозные школы, где дети могли получить пусть и скромное образование, но на национальном языке².

У Л. Василевского большие сомнения вызывала венгерская статистика о количестве детей, посещавших школы, гимназии, и о численности студентов университетов. Он полагал, что общей бедой Венгрии являлась неточность статистических данных, соответствующие структуры работали откровенно плохо. Поэтому статистические сведения давались завышенными, приукрашивая политику правительства.

В самом начале выставки Л. Василевский заметил военный раздел, мимо которого он не смог пройти. По его мнению, страсть к военному делу заложена в национальном характере венгров. Поэтому экспозиция венгерских гонведов, в разы уступавших по численности общеимперской армии, получилась интересней и содержательней, чем экспозиция армии Австро-Венгрии³.

Не меньший интерес вызвал исторический раздел выставки, последовательно отражавший основные этапы прошлого народов Венгрии и, прежде всего, мадьяр. В нем были собраны экспонаты из венгерских, австрийских, итальянских и российских музеев. Франц-Иосиф разрешил привезти на время выставки 500 предметов из своей сокровищницы. Будапешт за поддержкой обратился

¹ Василевский Л. Из Австрии // Мир Божий. 1896. № 7. С. 96.

² Там же.

³ Там же. С. 97.

даже к турецкому султану, и тот позволил привезти из Стамбула экспонаты общей стоимостью в 1 млн. гульденов¹.

По данным Л. Василевского, общая стоимость экспонатов достигла 20 млн. гульденов. Устроители выставки сконструировали макет Буды времен турецкого господства. Эта экспозиция пользовалась большой популярностью у посетителей выставки. Некий комизм ситуации в «средневековой» Буде заключался в том, что все турки были выписаны из Боснии и Герцеговины, и они со своим владением сербским и хорватским языками быстрее понимали русских, чем венгров и немцев. «Средневековая» Буда получилась жалким подражанием прошлого венгерской столицы. Импровизированная старая Буда, созданная инженера Марморек-ком, производила неизгладимое впечатление на посетителей и по-своему являлась произведением искусства.

Правда, в организации восточных оргий в так называемой «средневековой» Буде устроители и посетители выставки, которые с большим удовольствием подчинялись ритму жизни восточного города в средние века, входя в соответствующие роли, несколько переусердствовали, вызвав резкую реакцию прессы². После этого организаторам выставки пришлось усмирить дух так называемых восточных оргий, к большому недовольству части посетителей. Был в импровизированной Буде гарем, но посещать его мужчинам категорически запрещалось. Таких забавных моментов на выставке, на взгляд Л. Василевского, было много, но они только оттеняли общий положительный настрой и веселье, царившие на данном мероприятии.

Большой интерес среди посетителей, по мнению журналиста, вызвал этнографический раздел выставки. Он заставлял их задуматься о поликультурности и поликонфессиональности страны, вспомнить этнические особенности народов Венгрии. Особый колорит разделу предавали экспонаты, отражавшие жизнь древних венгров, привезенные графом Зичи из Средней Азии и с Кавказа.

Оригинальностью оформления своей экспозиции, по мнению публициста, отличались хорватский и боснийско-герцеговинский павильоны. Правда, в организации выставки вмешалась полити-

¹ Василевский Л. Из Австрии // Мир Божий. 1896. № 7. С. 98.

² Там же. С. 99.

ка. Хорваты, протестовавшие против политики Будапешта в Триедином королевстве, отказались принимать участие в праздничных мероприятиях. Поэтому правительству страны пришлось самостоятельно организовать хорватский выставочный павильон. В то же время он показал Л. Василевскому и другим посетителям выставки то, как Хорватия отстала от Венгрии в экономическом отношении¹. Пожалуй, это был значительный промах организаторов выставки, так как это вновь привлекло внимание общественности Австро-Венгрии и зарубежных государств к неравноправному характеру взаимоотношений Будапешта и Загреба.

Над боснийско-герцеговинским павильоном также витал дух политики. После оккупации Боснии и Герцеговины Австрия и Венгрия дискутировали о будущем бывших османских провинций. Венгры созданием данного павильона показывали всем, что для них судьба Боснии и Герцеговины давно решена – они являются неразрывной частью Венгерского королевства. Василевский, наблюдая за боснийско-герцеговинским павильоном, отмечал колоссальный прогресс этих провинций в своем развитии с момента оккупации и до 1896 г. Это был убедительный ответ всем недоброжелателям империи Габсбургов, в том числе в России, твердившим об отрицательных сторонах оккупации Боснии и Герцеговины Дунайской империей. Одновременно практически везде в этом павильоне чувствовался чарующий посетителям восточный колорит.

Сами мадьяры, на взгляд Л. Василевского, давно потеряли свой первородный угро-финский характер посредством мадьяризации славян, немцев, евреев и румын². Об этом ярко свидетельствовал антропологический тип мадьяр, сочетавший в себе черты облика национальных меньшинств. Даже поверхностное знакомство с сербами, малороссами, словаками, хорватами и румынами показывало, что от этих народов позаимствовали мадьяры того или иного региона Венгрии, в том числе в одежде, орудиях труда, архитектуре. Посещение этнографического раздела выставки показало Л. Василевскому то, как венгры из отсталого азиатского народа, находившегося на низком уровне культуры, превратились

¹ Василевский Л. Из культурной жизни мелких народностей // Мир Божий. 1896. № 9. С.94.

² Там же. С.92.

в современный развитый европейский народ¹. Он обратил внимание и на лингвистические особенности венгерского языка, в котором понятия из области внешней культуры полностью были заимствованы у румын и славян.

Тем не менее, Л. Василевский отметил непропорциональность представленного этнографического материала. На выставке доминировал мадьярский сектор в ущерб экспозициям, посвященным национальным меньшинствам. Однако даже здесь встречались не совсем объяснимые вещи. Русины Подкарпатской Руси – более полумиллиона жителей страны – практически не были представлены на выставке, в то время как немногочисленные болгарские и словенские диаспоры нашли свое место в экспозиции этнографического раздела². Тем не менее, в целом этнографический раздел, по мнению журналиста, отражал сложность этнической карты Венгрии.

Л. Василевский указывал на творческий подход организаторов выставки. Экспонаты не были статичными, в смоделированных деревнях и городах постоянно проводились импровизированные ярмарки, свадьбы и другие сцены из повседневной жизни народов страны.

Мимо внимания журналиста не прошли моменты, связанные с организацией инфраструктуры выставки. Уставшие посетители могли зайти в многочисленные кафе и рестораны, быстро и удобно приехать на выставку и уехать оттуда. И везде настроение гостям поднимала уникальная и бодрящая музыка венгерских цыган³.

Л. Василевский не мог пройти мимо грандиозной экспозиции картин венгерских художников, открытой к Миллениуму. Правда, о художественном содержании выставки он был невысокого мнения: «...эта выставка гораздо более замечательна в количественном, нежели в качественном отношении»⁴.

Показателем успехов Венгрии во второй половине XIX в. для Василевского стал тот факт, что в 1842 г. выставку достижений

¹ Василевский Л. Из культурной жизни мелких народностей // Мир Божий. 1896. № 9. С.92.

² Там же. С.93.

³ Там же. С.91.

⁴ Там же. С.95.

Венгрии посетило 15 тыс. чел., а в 1896 г. общая численность посетителей достигла почти 2 млн. чел.¹

К недостаткам выставки Л. Василевский отнес неудобства для иностранцев, связанные с полным отсутствием вывесок и указателей на других языках, везде были только надписи на венгерском языке, абсолютно непонятном для зарубежных гостей. Полицейские и другие официальные лица также с трудом могли ответить на вопросы иностранцев². Поэтому те постоянно попадали впросак или опаздывали на различные мероприятия.

Кроме этого, у мероприятия были и другие негативные последствия. Выставка невольно стимулировала рост антиправительственных настроений среди представителей национальных меньшинств и, прежде всего, румын. В дни её открытия в некоторых румынских городах и селах Венгрии прошли акции протеста, такие же выступления были отмечены и в Хорватии. В Вене студенты местного университета устроили «арийскую сходку», носившую ярко выраженный антимадьярский характер, куда не допускались мадьяры, евреи и поляки (!). Миллениум привлек внимание иностранной прессы к положению в Венгрии национальных меньшинств, и большинство публикаций имело критический тон в адрес Будапешта.

Л. Василевский прежде всего отмечал критический тон германских газет, ряд из них вообще призывал к бойкоту выставки. Данная ситуация, на его взгляд, объяснялась ущемлением прав немецкого меньшинства в Венгрии. В Германии вызывали возмущение игнорирование прав немецкого языка, презрительные высказывания мадьярских шовинистов о немцах Венгрии и т. д. Негативный тон французских изданий Л. Василевским объяснялся симпатией большинства периодических изданий страны к Румынии и румынам, решительно боровшимся за свои права в Венгрии, в отличие от остальных национальных меньшинств страны³.

Данный сюжет вызвал интерес Л. Василевского к истории и современности румын. Особое внимание автора было акцентировано на быстром росте численности румын в Венгрии и расшире-

¹ Василевский Л. Из Австрии // Мир Божий. 1896. № 7. С. 94.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 104.

нии ареала их расселения. В районах смешенного проживания румыны быстро ассимилировали сербов и русин, поэтому журналист считал, что большинство так называемых румын Баната составляли ассимилированные сербы¹. Он не очень верил в историческую достоверность романской теории происхождения румын, констатируя факт довольно позднего развития у румын национального самосознания.

Румыны Венгрии, тайно симпатизируя идее объединения с Румынией, легально требовали получения автономии в рамках Венгерского королевства. Конечно, по мнению Л. Василевского, венгерские румыны предпочли бы войти в состав Цислейтании (Австрии), где они могли заручиться поддержкой чехов, южных славян и буковинских румын, но Венгрия никогда не поддержит такие планы².

Таким образом, цель Будапештской выставки заключалась в подчеркивании национального мадьярского духа тысячелетнего Венгерского королевства, где представителям национальных меньшинств отводилась незначительная роль, с чем они не могли согласиться³. Политические лидеры национальных меньшинств организовали несколько крупных акций протеста. Многие представители национальных меньшинств бойкотировали выставки, демонстрируя протест против национальной политики Будапешта, направленной на ущемление прав национальных меньшинств. Они не могли согласиться с расточительностью при организации выставки, приведшей к неэффективному использованию значительных средств. Они были не согласны с участием побежденных народов.

В результате публицист делает вывод: «Выставка должна была убедить Европу, что народности Венгрии совершенно довольны, между тем как среди них господствует крайнее недовольство. Выставка должна убедить Европу в том, что господство мадьяр доставило населению Венгрии замечательное благосостояние и богатство, между тем как в действительности ничего подобного нет»⁴.

¹ Василевский Л. Из Австрии // Мир Божий. 1896. № 7. С. 104.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 100.

⁴ Там же. С. 102.

Такая реакция национальных меньшинств, поддержанная, кстати, и многими австрийскими изданиями, вызвала жесткий ответ со стороны представителей политической и интеллектуальной элиты мадьяр, в этот спор включился даже патриарх венгерской литературы М. Йокаи. В данном споре Василевский был полностью на стороне национальных меньшинств. Он не раз показывал недостоверность аргументов венгров в данной дискуссии¹.

Л. Василевский знал о существовании закона о нациях, принятом в 1868 г., и считавшимся уникальным в истории Европы XIX–начала XX вв. Закон гарантировал соблюдение культурной и религиозной автономии для национальных меньшинств. Однако, по мнению Л. Василевского, закон не действовал². Особо на это обстоятельство обращали внимание румыны, они жаловались на несправедливую избирательную систему, дававшую преимущества венграм и секлерам и т. д.

Вторая проблема, которую, на взгляд Л. Василевского, высветил Миллениум, – это начавшаяся борьба клерикалов против законов о равенстве иудеев и гражданском браке. Правительство отказалось идти на уступки клерикалам. Тогда они перешли в наступление, создав «Народную партию», стремившуюся заручиться поддержкой крестьян, в том числе национальных меньшинств. Эту партию поддержал Ватикан, направив соответствующие инструкции, призывавшие венгров следовать указаниям католического духовенства. Однако данная инструкция задевала национальные чувства венгров, поэтому даже оппозиционная пресса подвергла резкой критике Ватикан за вмешательство во внутренние дела Венгрии. «Все это указывает, что в Венгрии точно так же, как и в Австрии, клерикализм готовится к настоящей войне, которая может вспыхнуть в самое ближайшее время», – заключал Л. Василевский³.

Во время подготовки торжественных мероприятий Венгрия оказалась на грани дипломатического скандала с Сербией. Когда сербская молодежь в Белграде узнала, что среди знамен покоренных народов будет пронесено знамя никогда не существовавшего сербского княжества Тривальи, ее представители демонстративно

¹ Василевский Л. Из Австрии // Мир Божий. 1896. № 7. С. 103.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 108.

сожгли венгерский флаг. Будапешт потребовал объяснений. Белград поспешил замять скандал, пообещав наказать виновных. Василевский в этом факте видел стремление венгров приукрасить исторические события, даже если это полностью не стыковалось с реальными событиями.

Таким образом, Л. Василевский в своих очерках, опубликованных на страницах альманаха «Мир Божий», довольно подробно описывал подготовку и празднование Миллениума в Венгрии в 1896 г. Он отдавал должное организаторам выставки, проводившим огромную работу. Это привело к триумфу выставки в Будапеште, продемонстрировавшей жителям страны и ее гостям славное прошлое и оптимистичное настоящее Венгрии.

В то же время, Л. Василевский подчеркивал, что праздничные мероприятия не смогли скрыть острые проблемы, с которыми столкнулась страна в конце XIX в. Центральное место здесь занимал национальный вопрос. В нарушении закона 1868 г. права национальных меньшинств в стране грубо попирались. Это привело к росту борьбы словаков, хорватов и особенно румын за свои права, что выразилось и в бойкотировании торжественных мероприятий лидерами данных народов.

Миллениум привлек внимание зарубежной общественности к положению национальных меньшинств в Венгрии. Особенно на данном поприще проявили себя германские периодические издания, симпатизировавшие немцам Венгрии, и французские газеты, сочувствовавшие венгерским румынам. Следовательно, события, происходившие внутри Венгрии, постепенно приобретали общеевропейское звучание.

Вторая проблема Венгрии – это противостояние правительства страны с клерикалами. И если в первом случае симпатии Л. Василевского были на стороне национальных меньшинств, то в этом вопросе он полностью поддерживал венгерское правительство. На примере Венгрии Л. Василевский выделял две узловые проблемы Центрально-Восточной Европы конца XIX в.: национальный вопрос и клерикализм.

КУЛЬТ ГЕРОЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИЗУЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ С. ЧАРНОВСКОГО

А. Г. Васильев

Даже хорошо подготовленному гуманитария за пределами Польши имя Стефана Чарновского говорит немного¹. Наиболее внимательные и терпеливые, те, которые в свое время сумели «список кораблей прочесть до середины», могут вспомнить его в длинном перечне имен «представителей школы Дюркгейма», уныло растягивающемся на несколько строчек на страницах общих работах по истории социологии.

Между тем, Стефан Чарновский был выдающимся польским ученым межвоенного периода, одним из создателей и классиков польской профессиональной социологии, автором оригинальной

¹ Учитывая это обстоятельство, позволим себе привести краткие биографические данные о Стефане Чарновском. Он родился в местечке Крочев в восточной части Польши, тогда входившей в состав Российской империи, 1 сентября 1879 года. С 1898 по 1902 год учился в Лейпциге и Берлине. В 1902 году за деятельность в польских организациях был выслан из Германии и переехал в Париж. Изучал социологию в Сорбонне и Коллеж де Франс. В 1911 году окончил Высшую школу практических исследований. В 1912 году вернулся в Польшу и начал журналистскую и общественную деятельность в Варшаве, издавал «Польский еженедельник». В 1914 году уклонился от призыва в российскую армию и в 1915 году вступил в Легионы. В 1916 году был арестован немецкими властями. До 1923 года оставался на службе в польской армии, преподавал, готовил офицеров. В 1919 году в Париже на французском языке вышла его работа, завершенная еще в 1911 году, «Культ героев и его социальные основания. Святой Патрик – национальный герой Ирландии». Предисловие к ней написал учитель С. Чарновского, один из ведущих представителей школы Дюркгейма, А. Юбер. Эта работа сделала Чарновского известным в мировой науке в первую очередь в качестве специалиста по истории религии. После окончания военной службы Чарновский преподает в различных учебных заведениях. В 1925 году получает хабилитацию по истории религии в Варшавском университете и с 1926 года становится его штатным сотрудником. В 1929 год стал членом-корреспондентом Польской академии (Polskiej Akademii Umiejętności), с 1931 года действительный член Варшавского научного общества. В 1930 г. получил кафедру истории культуры и должность внештатного профессора Варшавского университета, с 1934 года С. Чарновский – профессор социологии и истории культуры Варшавского университета, его кафедра становится кафедрой социологии и истории культуры, первым социологическим подразделением Варшавского университета. Скончался в Варшаве 29 декабря 1937 года. Наиболее полный очерк жизни и деятельности С. Чарновского был написан его ученицей Ниной Ассородобрай. См.: Assorodobraj N. Życie i dzieło Stefana Czarnowskiego//Czarnowski S. Dzieła. T.V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956. S. 105–156).

концепции исторической социологии культуры. Благодаря его активности Варшавский университет стал вторым после Познаньского высшим учебным заведением в Польше, которое начало подготовку социологов.

Стефан Чарновский имел большой международный авторитет. Единственный нефранцузский представитель школы Дюркгейма, в 1924 году он был приглашен в число основателей Французского института социологии (Institut Français de Sociologie), созданного Марселем Моссом в Сорбонне. В 1928 году Практическая школа высших исследований (École Pratique des Hautes Études) в Париже пригласила его, своего бывшего выпускника, к себе с циклом лекций. Неоднократно представлял он польскую науку на крупнейших международных исторических и религиозно-ведческих форумах.

Польский патриот, общественный деятель и публицист, Стефан Чарновский всегда занимал активную общественную позицию. До обретения Польшей независимости его арестовывали и высылали как российские, так и немецкие власти. Пожертвовав академической карьерой, отказавшись от предложенного ему места профессора в Варшавском университете, он в 1915 году вступил в Легионы и оставался в армии вплоть до 1923 года, много сделав для подготовки польских офицеров. В 1920 году, когда под Варшавой решалась судьба Польши, он был на военной службе.

В своей научной методологии ученый сочетал основные положения Дюркгейма со все более усиливавшимся со временем увлечением марксизмом, создав интересный творческий синтез этих подходов. Его политические взгляды прошли сложный путь от правой национальной демократии через Польскую социалистическую партию ко все более левым взглядам и симпатиям к рабочему движению. Чарновский был активным антифашистом. Резко выступал он против польских профашистских организаций и их попыток влиять на университетскую среду, против антисемитизма польских правых, активно участвовал в созданной польскими интеллектуалами левой ориентации Лиги защиты прав человека. За это он стал объектом травли правонационалистической прессы и внезапно скончался 29 декабря 1937 года в возрасте 58 лет. Хоронили его в Новый год, и это

были самые грустные новогодние праздники для польских социологов...

Трагичны параллели жизненного пути польского социолога и биографии его учителя – Дюркгейма. Как и Дюркгейм, он потерял своего единственного сына, как и французский социолог, умер, немного не дожив до своего 60-летия...

В отличие от Дюркгейма, поздно начавший систематическую научную карьеру, Чарновский не создал научной школы. И здесь параллели можно провести уже с Максом Вебером, который тоже не создал школы и был полузабытым социологом вплоть до начала «веберовского ренессанса», сделавшего его через десятилетия после смерти классиком мирового социально-гуманитарного знания.

Собрание сочинений Стефана Чарновского вышло в Польше только в 1956 году, почти через 20 лет после смерти автора. Именно в его четвертом томе впервые была опубликована на польском языке книга «Культ героев и его социальные основания. Святой Патрик – национальный герой Ирландии»¹, принесшая автору мировую известность после парижской публикации 1919 года. Столетие Чарновского принесло некоторое оживление интереса к нему в конце 1970-х – начале 1980-х годов. В 1989 году в Польше вышла первая монография о Чарновском².

Однако активный интерес к наследию ученого начинается в Польше только в последние годы. Знаковым стал выход в 2008 году сборника статей «Стефан Чарновский с перспективы семидесяти лет»³, приуроченный к 70-й годовщине смерти социолога. В статье, помещенной в этом сборнике, один из ведущих современных польских историков, исследователь польско-немецких «мест памяти», Роберт Траба очень точно сказал об удивившем его сочетании актуальности творчества Чарновского для современной науки и его забвения⁴. Ведь традиционно и в Польше, и

¹ Czarnowski S. Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk bohater narodowy Irlandii//Czarnowski S. Dzieła. Tom. IV. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.

² Legiędź-Galuszka M. Czarnowski. Warszawa. Wiedza Powszechna, 1989.

³ Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia/Red. naukowa Marek Jabłonowski. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2008.

⁴ Traba R. Wkład do badań nad pamięcią zbiorową// Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia. S.130.

за рубежом Чарновского, если и упоминали, то определяли скорее как религиоведа, специалиста по «folk religion», чем как социолога, историка и теоретика культуры¹.

Социологический проект Чарновского был (при всем коренном различии методологий французской социологической школы и немецкой «понимающей социологии»²) подобен веберовскому в двух отношениях. Во-первых, также как и великий немецкий социолог, он не мыслил социологию отдельно от истории и признавал только историческую социологию подлинно научной. В основе его подхода лежало положение о том, что исторические факты следует сравнивать и типологизировать, а не рассматривать как уникальные и неповторимые. В 1934 году С. Чарновский становится профессором социологии и истории культуры Варшавского университета³.

Во-вторых, в центре его научного творчества также стояла культура, что позволяет признать сегодня Чарновского наравне с автором «Протестантской этики», классиком культурологической мысли. Изучение культуры должно, по его мнению, основываться на понимании систем ценностей, характерных для изучаемого сообщества. В этом он также очень близок к «понимающей социологии». Последняя, изданная посмертно книга С. Чарновского, которую он писал с 1932 года и издавал отдельными очерками, называлась «Культура»⁴ и содержала в себе анализ наиболее важных культурологических проблем.

¹ См., например: Isambert F.A. At the frontier of folklore and sociology: Hubert, Hertz and Czarnowski, founders of sociology of folk religion. Еще в 1976 году другой выдающийся польский социолог Флориан Знанецкий писал так: «До этого времени однако только религиоведческая его сторона оказалась понята и оценена...» (Znaniecki F. Stefan Czarnowski. 1879-1937//Twórcy socjologii polskiej. Łódź. 1976. S. 177).

² Впрочем, немецкая социологическая традиция не была абсолютна чужда С. Чарновскому. В 1901/02 гг. в Лейпцигском университете студент Чарновский учился у Г. Зиммеля.

³ Стефан Чарновский писал: «Соединение...социологии с историей культуры не является лишь формальным, а соответствует самым существенным фактам, а именно тому, что явление культуры, с одной стороны, по сути своей является социальным и для того, чтобы быть вполне понятным оно должно рассматриваться социологически. С другой стороны, каждый социальный факт, в том числе и факт культуры, является историческим и должен изучаться исторически» (Sprawozdanie z działalności Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Warszawskiego za rok 1931/1932. Warszawa 1932. S. 82. Цит по: Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia. S.89).

⁴ Czarnowski S. Kultura// Czarnowski S. Dzieła. Tom. I. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.

«Поворот к Чарновскому», думается, отнюдь не случаен в современной польской гуманитаристике. Очевидно, что только современный научный контекст создал возможность для адекватного прочтения его трудов и оценки его деятельности. Именно cultural turn 1980-х годов, охвативший своим влиянием и социологию, «культурологизация» современной социологии, появление new cultural history, развитие cultural studies создали новую ситуацию восприятия идей Стефана Чарновского. Кроме того, и это для нас особенно важно, взглянуть на Чарновского в новой перспективе стало необходимо в перспективе memory studies, изучения коллективной/культурной/социальной памяти. С этой точки зрения, С. Чарновский предстает перед нами как один из главных создателей этой области знания в Польше и один из мировых классиков дисциплины наравне с Морисом Хальбваксом и Аби Варбургом.

К сожалению, дискуссии о Чарновском обычно не выходят за пределы польского академического (и языкового) контекста. Огорчает практически полное незнание Чарновского зарубежными специалистами в области memory studies, nationalism studies, cultural studies. В то время как чрезвычайно актуальны сегодня его идеи, касающиеся проблем формирования национальной идентичности и роли в этом процессе коммерциативных практик, связанных с образами национальных героев, анализ функционирования прошлого в современности, изучение автором строения и динамики культуры, проблем межкультурного взаимодействия¹.

Наши последующие размышления призваны внести свой вклад в частичное заполнение этого пробела для российского научного контекста. Мы ставим перед собой задачу рассмотрения ключевых идей С. Чарновского, касающихся memory studies, как в контексте школы Дюркгейма, к которой он принадлежал, так и в современной мировой перспективе.

Говоря о вкладе Стефана Чарновского в развитие memory studies, следует остановиться в первую очередь на его книге о Святом Патрике, о которой упоминалось выше, и некоторых

¹ Работа Чарновского о культе Святого Патрика, несмотря на всю ее очевидную значимость в контексте идей Дюркгейма о социальной обусловленности памяти, оказалась забыта, – отмечает американский социолог Б.Шварц. Это произошло потому, что она «была слишком специальной для того, чтобы быть воспринятой вне узкого круга исследователей религии» (Qualitative Sociology. 1996. Vol. 19. № 3. P.275).

статьях, в частности, в двух поздних работах автора: «Прошлое и настоящее в культуре» (1936)¹ и «Возникновение и социальные функции истории» (1937)². Если книга носит характер case study, где в ходе исследования конкретно-исторического материала формулируются (более или менее эксплицитно) теоретические положения, то статьи имеют общетеоретический характер.

Стефан Чарновский работал над проблемами коллективной памяти параллельно с Дюркгеймом. Исследование культа Святого Патрика было завершено за год до публикации «Элементарных форм религиозной жизни» и лишь вопрос с публикацией исследования растянулся на несколько лет, до 1919 года. Поэтому можно сказать, что Чарновский шел вполне самостоятельным путем, опираясь на общеметодологические положения школы Дюркгейма. Через шесть лет, в 1925 году выйдет книга Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти». В ней «парадигма памяти» впервые будет отчетливо артикулирована и станет очевиден вклад в ее формирование предшественников Хальбвакса – Дюркгейма и Чарновского. Введенное Хальбваксом понятие «коллективной памяти» обозначило предмет их исследовательских интересов.

Развитие социально-гуманитарного знания в XX веке как бы последовательно «проявляло» сущность и значение многих идей Чарновского. Адекватную концептуальную «рамку» восприятия его идей задали исследования «мест памяти» и их роли в формировании и поддержании национальной идентичности, дискуссии о роли культурной памяти в жизни нации, стимулированные развитием конструктивистской парадигмы изучения нациестроительства.

В основе исследований Чарновского лежат основные положения Дюркгейма о том, что общество представляет собой надъиндивидуальное моральное единство, о том, что скрепляют это единство коллективные представления, эти представления локализуются в конкретных образах (персонажах), которые должны стать воплощением общества и как таковые подлежат сакрализации, вокруг них складываются регулярно повторяющиеся коммеморативные ритуалы, одновременно и поддерживающие коллек-

¹ Czarnowski S. Dawność a terażniejszość w kulturze// Czarnowski S. Kultura...

² Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii// Czarnowski S. Dzieła. Tom. V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.

тивную солидарность, и черпающие свою священную мощь из морального единства общества. В этом отношении походы к анализу культа христианского святого у Чарновского и тотемического культа у Дюркгейма принципиально не отличаются.

Отличия заключаются в том, что Чарновский выбирает для исследования не племенные общности, а нации, а точнее – их историко-культурные истоки. Его интересует роль национальных героев как образов коллективной памяти в формировании национальной идентичности. Чарновский исследует сущность этих образов, социальный механизм их формирования и распространения, причины, по которым герои архаического прошлого играют важную роль в жизни современных наций. Здесь Чарновский практически попадает в самую гущу современных дискуссий о «воображаемой», «изобретенной», «сконструированной» природе наций. В этих дискуссиях польский социолог сегодня вряд ли бы встал на сторону радикального конструктивизма. Этот подход утверждает, что символы и образы прошлого, запечатленные в коллективной памяти, не имеют значения для формирования наций. Нации произвольно конструируются элитами «здесь и сейчас», в то время как массам можно навязать практически любую национальную идентичность, стоит только приложить достаточное количество политической воли, организационных усилий, научного и художественного таланта и материальных ресурсов.

Вместе с тем, Чарновский отнюдь не отрицал современного и сконструированного характера наций как явлений, присущих Новому времени и обязанных своему существованию интеллектуальным и политическим элитам. Его позиция, если рассматривать ее с точки зрения сегодняшнего дня, отличается взвешенным синтезом элементов конструктивизма с некоторыми элементами культурно-исторической версии примордиализма.

Конечно, следует иметь в виду конкретные исторические обстоятельства создания этой работы. Политически активного автора «Культа героев», конечно, не могли не занимать типологические параллели между историей Ирландии и Польши. В том и в другом случае речь ведь шла о национальных общностях, лишенных собственной государственности внешними силами и поддерживающих свое национальное единство вопреки внешнему давлению с опорой на память о прошлом, главным носителем ко-

торой являлась в обоих случаях католическая религия и связанный с ней культ. Трудно не заметить в следующих словах автора отражения польской ситуации «народа без государства» и связанных с ней дискуссий о сохранении польской идентичности в период разделов: «...Святой Патрик является воплощением национального единства ирландцев вне зависимости от превратностей истории и рассеяния его последователей. Ирландия пользуется его покровительством не как территория или политическое образование, но, прежде всего, как народ. Святой Патрик является гарантом его вечности и символом всех его устремлений»¹.

Также Чарновский обращает внимание и на актуальную для Польши проблему соединения национальной идентичности с конфессиональной. Связка «ирландец-католик» была столь же мощной как и «поляк-католик», а церковь и там и там выполняла роль символа национального единства. Вот как описывает автор (не без доли модернизации и анахронизма) период раннесредневековых скандинавских набегов на Ирландию: «Из институтов политической власти остался тогда один Костел. Он был тогда убежищем национальных надежд во время борьбы с варварами-язычниками. Ирландский патриотизм соединился с верой и таким образом культ Святого Патрика усилился для поддержания духа побежденных»².

Что касается статьи «Прошлое и настоящее в культуре», то наиболее адекватным контекстом ее современного прочтения является формирующееся сегодня на стыке с *memory studies* направление по изучению традиции, форм культурной трансмиссии – «традициология» (если использовать предложенный некогда Э. С.Маркаряном термин), *Tradierungsforschung* и т. п. Незаконченная же статья польского социолога «Возникновения и социальных функций истории» созвучна в первую очередь дискуссиям об исторической политике и соотношении истории и памяти. Исходя из этих соображений, обратимся сначала к анализу феномена национального героя, представленного в знаменитой книге Чарновского.

Святой Патрик рассматривается Чарновским именно как национальный герой, а его культ, таким образом, выглядит уже как система коммеморативных практик, формирующих не просто ре-

¹ Kult bohaterów... S. 223.

² Ibid. S. 219.

лигиозную идентичность ирландских католиков, а национальную идентичность ирландцев. Исследование, таким образом, сразу же выходит за рамки историко-религиоведческого и становится историко-социологическим исследованием роли культурной памяти в формировании и поддержании национальной идентичности. Герой для Чарновского – явление социальное. В первую очередь потому, что он воплощает в себе ценности, идеалы и надежды определенной социальной общности (является «воплощением морального идеала»¹). Далее, его признание в качестве героя носит социальный характер, он является покровителем и защитником той группы, которую он представляет, и, наконец, его культ также является публичным. Его образ удостоивается вечной памяти в данной группе: «и хотя поколения одно за другим падают во мрак забвения, культ героя продолжается дальше в неизменной форме»².

Понимание социальной сущности героя у Чарновского близко перекликается с тотемизмом в интерпретации Дюркгейма³. Польский социолог пишет: «Группа видит в них (героях – А.В.) сама себя (курсив – С. Чарновского); воплощается в героях, а их слава является ее славой»⁴. Ирландское общество, подобно австралийскому, опиралось на кланово-родовую организацию. Праздник был основным событием, позволявшим регулярно собирать представителей различных кланов вместе и давать им почувствовать свое единство. Поэтому главной объединяющей фигурой становился герой, в честь которого устраивалось регулярное празднование. «Праздник – есть та единственная минута, в которую общество отдает себе отчет в том, что оно существует как группа, а осознает оно это тем сильнее, чем слабее контакт между его членами в периоды между праздниками»⁵.

¹ Czarnowski S. Kult bohaterów... S. 161. Этот аспект работы С. Чарновского наиболее глубоко проанализирован в давней статье краковского политолога Эвы Ставовы. Всю книгу Чарновского она рассматривает как работу о социальном происхождении и функционировании ценностей, воплощенных в образе национального героя (Stawowy E. Stefana Czarnowskiego socjologiczna analiza kultu bohatera/Rocznik naukowo-dydaktyczny WSP w Krakowie. 1975. Z.57. Prace Filozoficzne II. S. 51–66).

² Czarnowski S. Kult bohaterów... S. 27.

³ В одном из Дополнений к «Культу героев» он обсуждает вопрос о возможности говорить о существовании тотемизма и пережитков тотемизма у кельтов на основании того, что именно тотемизм очень точно отвечает их клановой социальной организации (Czarnowski S. Kult bohaterów... S. 235).

⁴ Czarnowski S. Kult bohaterów... S. 160.

⁵ Ibid. S. 233.

Чарновский на своем материале, также как и Дюркгейм на примере австралийского тотемизма, усматривает взаимосвязь социальной структуры изучаемого общества и культа. Ирландская церковная организация, по мнению польского социолога, являлась отражением родоплеменного строя древней Ирландии и носила поэтому выраженный аристократический характер. «Тип святого плебейского происхождения, столь распространенный в других христианских странах, в Ирландии практически неизвестен»¹. Святой Патрик поэтому является нареченным отцом всех ирландцев, прародителем всех кланов и родов. «Выражение «отец веры ирландцев», – пишет польский социолог, – примененное к Патрику, не является обычной риторической фигурой. Святой Патрик действительно связан с ирландскими *túatha* (племенами – *A. B*) реальным родством. Его культ – культ нареченного отца... Однако в той мере, в какой его связи с кланами и родами менее очевидны, чем у других святых, настолько же сильнее та связь, которая связывает его с Ирландией как целостностью. Он не является героем отдельной провинции, патроном отдельного монастыря. Он – национальный герой»².

Наиболее интересен, с точки зрения *memory studies*, анализ автором социальных механизмов формирования общеирландского культа Святого Патрика и превращения его в национального святого. В этой связи его внимание привлекают социальные общности (братства) общеирландского характера, действовавшие на территории всего острова поверх границ родов, кланов и королевств. Такого рода сообществ в древней Ирландии было два – друиды и филиды. Друиды выполняли религиозные функции, были жрецами языческого культа, оказывали большое влияние на социально-политическую жизнь и имели высокий общественный статус. Филиды занимались магией, предсказаниями, изучением природы. Определенная часть филидов выполняла юридические функции. Но главное заключалось в том, что филиды были хранителями памяти, эпоса, легенд и преданий, историками. Каждый филид был знатоком древности. Филид – знаток древности (*sencha*) был, по словам Чарновского, «живым музеем и архивом ирландской *túath*»³. При интронизации нового короля он вспоминал обычаи

¹ Ibid. S. 190.

² Ibid. S. 193.

³ Ibid. S. 202.

племени и ему король приносил присягу их соблюдать. Их главная функция заключалась в хранении и реактуализации коллективной памяти. Они были поэтами и рассказчиками. Филид должен был быть в состоянии произнести повествование по любой требуемой теме и восстановить факты мифо-эпического прошлого, связанные с данным случаем. Они были, поэтому, необходимыми участниками всех религиозных церемоний, обеспечивая разъяснение смысла происходящего при помощи обращения к памяти группы. «На общих собраниях, пока друид занимается жертвоприношением, филид же рассказывает и разъясняет смысл самой церемонии, объясняет обряды, рассказывает мифы и легенды, связанные с ее установлением, датой и местом ее совершения»¹. В их повествованиях основной аспект делался на *res gestae* богов и героев. Филиды были хранителями памяти ирландской аристократии. Это была автономная корпорация с высоким чувством солидарности, строгой программой обучения и иерархией учеников и учителей.

Именно они стали опорой распространения христианства в Ирландии, их методам сбора вокруг себя учеников и работы с ними подражал Святой Патрик. В отличие от друидов, филиды не были непосредственно связаны с языческой религиозной традицией. Они видели в христианстве опору в борьбе против конкурирующих с ними за влияние друидов. Филиды, в отличие от друидов, не утратили в ходе христианизации своего положения и функций в обществе. Лишь несколько дисциплин явно языческого характера из их традиционного образовательного канона были заменены на христианские предметы. В ходе христианизации многие филиды стали священниками. Духовная иерархия церкви и ученая иерархия филидов соответствовали друг другу и взаимно обогащали друг друга интеллектуально, создавая канон ирландской национальной культуры. Филиды создали культ общеирландских святых, главное место среди которых занял Святой Патрик.

Филиды и их ученики постоянно перемещались по территории острова. Они пользовались правом неприкосновенности и могли отправляться в любые земли Ирландии, невзирая даже на состояние войны между соседними королевствами. Они переносили вместе с собой знания, обычаи и предания. При дворах верховных филидов собирались члены братства из самых раз-

¹ Ibid. S. 203.

ных уголков Ирландии. Так возникала возможность для взаимного познания различных региональных традиций. «Таким образом, – пишет Чарновский, – формирование общенациональной ирландской традиции было уже только вопросом времени. Остальное сделали путешествия филидов, способствовавшие проникновению все новых и новых традиций в те или иные местности, а также публичные конкурсы, на которых присутствовали руководители школ. Они привели к возникновению больших мифологических и эпических циклов, в которых локальные элементы переплелись уже до полной неразличимости. Эти циклы – в самом деле национальные мифы и легенды... в результате их деятельности вся Ирландия стала участвовать в сфере общих представлений»¹.

Так, Чарновский показывает роль филидов в формировании надлокальных форм массовой идентификации, которые «возвышаются над формами, ограниченными той реальной территорией, на которой люди проводят большую часть своей жизни»². Эти формы Э. Хобсбаум позднее, в начале 1980-х годов, назовет одним из видов «протонациональных связей», обобщив их под общим названием «святых икон». Это – совокупность общеизвестных и общезначимых для населения определенной территории образов, культовых практик и связанных с ними воспоминаний, которые объединяли его и сделали впоследствии возможным появление на данной территории современных наций³.

Характеризуя день Святого Патрика, Чарновский говорит, что это национальный праздник, «который раз в году объединяет

¹ Ibid. S. 207.

² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Издательство «Алетей», 1998. С. 75.

³ «Святые иконы», – пишет Э.Хобсбаум, –...представляют собой важнейший компонент как протонациональности, так и современного национализма. Они олицетворяют обряды, ритуалы или общие коллективные действия – единственное средство придать осязаемую реальность той общности, которая в противном случае останется воображаемой... Это могут быть образы, имеющие собственное имя и отождествляемые с территориями, достаточно обширными для того, чтобы образовать нацию... Это могут быть периодические празднества и состязания, соединяющие воедино разрозненные группы... С протонациональной точки зрения самыми влиятельными и действенными являются, бесспорно, те «иконы», которые прямо ассоциируются с государством, – в донациональной фазе его развития ...» (Хобсбаум Э. Нации и национализм. С.116–117). Думаю, что излишне комментировать эти высказывания английского исследователя. Их прямое соответствие выводам Чарновского совершенно очевидно.

всех ирландцев мира в одно единое сообщество мысли»¹. В отличие от коммеморативных ритуалов Дюркгейма, предполагающих взаимодействие «лицом к лицу», здесь уже речь идет о «воображаемом сообществе» нации, объединяемой общезначимым образом героя и регулярным его воспоминанием. Однако общий тезис Дюркгейма о необходимости регулярного ритуального оживления коллективной памяти для поддержания коллективной идентичности и тут сохраняет свое значение.

Поскольку филиды монополизировали сферу образования, то через их обучение проходили все представители знатных ирландских родов, получая от них знания в области истории, генеалогии, права и литературы и приобретая низшие степени посвящения. Связь филида-учителя со своими учениками сохранялась на всю жизнь. Таким образом, формировался своеобразный надплеменной «аристократический этнос»², носитель будущего ирландского национального самосознания. Они ломали локальные границы и действовали как (прото)общенациональный институт. «Единство и привилегии филидов были самой сильной опорой национально-го единства Ирландии, так как первым идеальным его выражением была их мифо-поэтическая деятельность. Так, филиды внесли в гойдельское общество тот зародыш, из которого должно была позднее развиться ирландское национальное сознание»³.

В итоге своего исследования Чарновский приходит к выводам, касающихся чрезвычайно актуальных и обсуждаемых сегодня проблем сущности нации и национализма, а также роли прошлого, наследия и культурной памяти в формировании и поддержании

¹ Czarnowski S. Kult bohaterów... S. 222. Подходы к исследованию праздника у Чарновского являются продолжением и развитием идей Дюркгейма, а также наставника польского социолога – Анри Юбера о социальном конструировании времени и его качественной неоднородности как «социального факта». Подробнее об этом см.: Kasperek A. Durkheimowskie inspiracje w Stefana Czarnowskiego koncepcji przestrzeni i czasu // Emil Durkheim – badacz i inspirator/red. naukowa W. Majkowski, U. Bejma. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2012. S.225–230.

² «Горизонтальная» этническая общность-предшественница современной нации, по терминологии повременного теоретика nationalism studies Э. Смита. Подобные «горизонтальные» этнические сообщества, как правило, носят аристократический характер и идут к формированию нации путем преобразования «свободной, аристократической этнической общности в территориальную нацию» (Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С.352).

³ Czarnowski S. Kult bohaterów... S. 209.

национальной идентичности. С одной стороны, исследователь культа Святого Патрика соглашается с господствующей сегодня «модернистской» парадигмой в nationalism studies. Нация – современное явление, вышедшее на арену истории вместе с Великой французской революцией. Он пишет так: «Создание наций в современном значении этого слова является новым явлением. Только в Новое время в массах возникает понятие, объединяющей их связи, качественно отличной от связи государственной, династической и даже – территориальной и языковой»¹. Однако, отмечает автор, результаты проведенного исследования не позволяют отождествить нацию с общностью языка, территории, религии или политических институтов. Это только элементы, которые могут привести к формированию нации, которые могут привести к формированию нации в результате долгого исторического развития. Начало процесса формирования европейских наций Чарновский относит к концу Средневековья. Эти соображения, а также приведенные им выше соображения о роли филидов в формировании национального сознания ирландцев, позволяют отнести его, если пользоваться современной терминологией, предложенной Э. Смитом, к числу этносимволистов в понимании генезиса нации².

Этносимволизм признает «современность» феномена нации, отмечая вместе с тем, что для формирования прочного национального единства на определенной территории необходимо наличие объединяющего значимого наследия, образов исторической памяти, сформировавшихся на протяжении длительной истории. В этом смысле нации для этно-символистов – современные явления с глубокими историческими корнями, продукт современной мутации весьма древнего наследия. «Изобретения» современных националистов, – пишет ведущий современный представитель этно-символизма Э. Смит, – должны вызывать отклик у значительного числа «соотечественников», иначе проект потерпит провал.

¹ Ibid. S. 232.

² К похожим выводам относительно концепции С. Чарновского приходит и известный современный польский исследователь польско-немецкой памяти Р. Траба. Он пишет: «Чарновский оказывается (sic!) в начале XX века предшественником умеренно конструктивистской теории формирования наций, задолго до того, как, начиная с 1970-80-х годов мы начали эмоционально обсуждать в числе прочих теории Бенедикта Андерсона или Эрнста Геллнера» (Traba R. Wkład do badań nad pamięcią zbiorową// Stefan Czarnowski z perspektywy siedemdziesięciolecia. S.133).

Если они не воспринимаются как «подлинные» в смысле значимости и отклика у «народа», к которому они обращены, они не смогут мобилизовать его для политического действия»¹. Думается, что именно к такой позиции тяготеет Чарновский, считавший Ирландию примером очень раннего нациеобразования.

В своей книге Чарновский, таким образом, показал то, как формируется образ памяти, который впоследствии будет призван сыграть решающую роль в формировании коллективной (в данном случае – национальной) идентичности. При этом им было продемонстрировано то, как прошлое (кельтские кланово-родовая структура и язычество) взаимодействуют с современными процессами (христианизацией Ирландии). Прошлое, с одной стороны, оказывало влияние на эти процессы (связь образа Святого Патрика с кельтской мифологией), а, с другой стороны, само трансформировалось применительно к новой ситуации (христианизация культурной традиции филидов и вписывание в нее образа христианского святого). Таким образом, фактически и была поставлена проблема «прошлого в настоящем», взаимодействия прошлого и настоящего, социального функционирования памяти.

Продолжением рефлексии над этой проблемой стала упомянутая уже статья «Прошлое и настоящее в культуре», вошедшая в книгу «Культура», ставшую своеобразным творческим завещанием выдающегося польского ученого. Жизнь любого общества, как подчеркивает Чарновский, вся соткана из элементов прошлого (и подчас весьма далекого) и в значительной степени определяется ими. Однако он не рассматривает элементы прошлого в настоящем в духе классической эволюционистской теории пережитков².

В рассуждениях Чарновского о присутствии прошлого в настоящем проявляется свойственная школе Дюркгейма функционалистская тенденция. Для Чарновского, как и для Дюркгейма, дать научное социологическое объяснение социальному явлению

¹ Смит Э. Национализм и модернизм. С. 360.

² Вот как говорит о пережитках Э.Тайлор: «Когда с течением времени происходит общая перемена в положении народа, то и в изменившейся общественной действительности обыкновенно приходится встречать многое, что, очевидно, имеет свои корни не в новом порядке вещей, а является просто наследием старого. Устойчивость пережитков позволяет утверждать, что культура народа...является продуктом какого-то более древнего состояния, в котором и следует искать объяснение ставших непонятными обычаев и воззрений» (Тайлор Э.Б. Первобытная культура: в 2 кн. Кн. 1. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С.104).

означало дать ему именно функциональное объяснение. Так же, как и в свое время Э. Тайлор, Чарновский для иллюстрации сохранения архаических элементов культуры в современной жизни приводит в пример игры¹.

Однако польский социолог дает этим явлениям уже иную, не эволюционистскую, а функционалистскую, интерпретацию. То или иное явление культуры не просто сохраняется и переходит из прошлого в настоящее. Оно меняет свое место, функцию и значение в социальной системе, меняется в самой своей сути, качественно. «То, что сохранилось из прошлого, сохранилось определенным образом. Оно не является вполне тем же самым, чем было когда-то; оно оказывается переработанным, изменило свое место, имеет иной вес, чем во время своего возникновения»². Настоящее приспособливает прошлое для себя. Поэтому польский социолог вряд ли согласился бы с классиком британской антропологии в том, что именно история «должна объяснить нам, почему старые обычаи удерживают свое место в обстановке новой культуры, которая, конечно, никак не могла породить их, а должна была бы, напротив, их вытеснить»³. В функционалистской перспективе тот факт, что эти явления прошлого существуют в современной культуре, как раз и доказывает, что культура отнюдь не стремится их вытеснить, а, напротив, использует в каких-то своих новых целях. Тогда получается, что вовсе не к истории, а к современности надо обращаться за ответом на вопрос о смысле того или иного исторического явления «здесь и сейчас».

Прошлое не является статичным «наследием», транслируемым при помощи традиции в неизменном виде. Прошлое всегда есть функция настоящего. Вот как говорит об этом Чарновский:

¹ «Посмотрим на игры и забавы наши и наших детей. В очень многих из них мы опознает древние культовые действия или магические обряды» (Czarnowski S. Dawność a terażniejszość... . S. 101). Для Чарновского, в отличие от Тайлора, это однако уже не «просто наследие старого», объяснение которому надо искать в прошлом. Напротив, «прошлое» – всегда новое явление, по-новому функционирующее в новых обстоятельствах.

² Czarnowski S. Dawność a terażniejszość... . S. 101. В другом месте он замечает: «Демократическая послереволюционная Франция воспитывает еще свою молодежь на Расине и Мольере. Советская Россия массово издает классиков царской эпохи. Очевидно, однако, что «Федра» и «Мизантроп», «Евгений Онегин» и «Ревизор» не являются для современной французской или российской публики тем же самым, чем они были в период правления Короля-Солнце или Романовых» (Czarnowski S. Dawność a terażniejszość... .S. 111).

³ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. С. 104.

«...Обремененная прошлым современность переструктурирует прошлое, меняя уклад его элементов, отвергая одни из них и ассимилируя другие применительно к тому, чем является она сама»¹. Поколения и социальные классы, группы и институты трансформируют образ одного и того же прошлого, исходя из собственных интересов. Универсальным механизмом функционирования культуры Чарновский считает то, что каждое творение нового является работой с прошлым и его переинтерпретацией в том направлении, которое задано нуждами нынешнего момента. Однако одновременно происходит и своеобразная «отливка» потребностей и задач современной жизни в формы прошлого.

В зависимости от «соотношения сил» между прошлым и настоящим Чарновский выделяет типологию состояний культуры. Экстремумами этой типологии являются состояние стабилизации, с одной стороны, и культурного переворота, с другой. В первом случае прошлое доминирует над настоящим, не допуская перемен, во втором же, напротив, настоящее подчиняет и активно переформатирует прошлое для себя².

Во всех человеческих обществах, отмечает Чарновский, существуют институты, занимающиеся приобщением молодежи к культурной традиции, иначе говоря, занимающиеся закреплением прошлого в настоящем. Говоря языком современных *memory studies*, здесь речь идет о мемориальной социализации новых поколений, обеспечивающей преемственность в жизни культуры. Таким образом, он переходит к проблеме политики памяти. Обращение с прошлым, по мысли Чарновского, зависит от того, какой социальный класс в своих интересах осуществляет эту политику. Чем выше положение класса в социальной системе и чем дольше этот класс занимает доминирующее положение, тем больший акцент он делает на истории, на прошлом, на том, что было, а не на том, что может быть в будущем. Эти наблюдения очень созвучны описанию «холодной» опции культурной памяти Я. Ассманом³. Как и

¹ Czarnowski S. Dawność a terażniejszość... S. 102.

² В определенном отношении эта типология напоминает типологию культур М. Мид. Как известно, в ее основе также лежит отношение прошлого и настоящего, мира взрослых и мира детей.

³ Ср.: «Здесь речь идет о том, чтобы заморозить изменения. Смысл, который здесь помнится, лежит в повторяющемся, регулярном, а не в уникальном, необычном. Он лежит в преемственности, а не в разрыве, переломе и изменении» (Ассман Я. Культурная память. С.74).

современный немецкий культуролог,¹ Чарновский отмечает, что господствующие классы общества склонны представлять настоящее как вечное повторение прошлого.

От истории как науки, говорит он, обычно ожидают объяснения настоящего на основе анализа прошлого. Однако все программы обучения истории преследуют на практике совсем иную, моральную цель, заключающуюся в воспитании у молодежи почтения и любви к прошлому. История служит тому, чтобы при помощи аргумента давности усилить обоснованность существующего порядка вещей, поддержать легитимность прошлого, придать прошлому особую эмоциональную ценность. В этой связи Чарновский различает историю «оправдывающую» и «объясняющую». Первая в современной терминологии представляет собой ни что иное, как коллективную память с точки зрения ее функции легитимации существующего порядка. Это – апология определенной версии исторической истины на службе правящих слоев. От нее следует отличать «объясняющую» историю, которая, выполняет уже критическую, а не апологетическую функцию. Этими своими размышлениями, отмечает Р. Траба, Чарновский точно вписывается «в современные дебаты о функции истории и историка в обществе»¹.

Современно и интересно звучат его рассуждения об истории как форме культурной памяти в поздней и незавершенной работе «Возникновение и социальные функции истории». Польский социолог различает в ней историю «в строгом смысле слова» и то прошлое, которое окружает нас всегда и повсюду, присутствуя во всех формах повседневной культуры. Собственно именно эта «история» (а скорее – культурная память²) и интересует его в дальнейшем.

Под «историей» он понимает все формы фиксации представлений о прошлом (устные, письменные, скульптурные и т.п.), харак-

¹ Traba R. Op. cit. S. 137.

² Понятие «коллективная память» (*pamięć zbiorowa*) используется автором в этой работе. Говоря о первобытных обществах, Чарновский замечает, что в них большая часть социально значимой информации, передаваемой новым поколениям, является повествованием о прошлом. «...как же могло не быть повествований исторического типа среди этих проявлений *коллективной памяти* (курсив мой – А.В.)?», – замечает Чарновский (Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii. S.101). Здесь же упоминается и введенное уже к тому времени М. Хальббаксом понятие «социальных рамок» памяти – «память имеет *cadres sociaux* (выделено автором)» (Ibid. S. 101-102).

терные для любой культуры, будь то Западная Европа, Африка или Полинезия. Чарновский пишет: «Тут не идет речь просто об «истории» в современном научном понимании этого термина. Речь идет обо всех видах словесного или пластического, схематичного или символического представления событий и вещей, людей и действий, содержащего в сжатой форме собранный поколениями коллективный опыт человеческой группы и выражающего ее главные ценности¹. В этом широком понимании «историей» будет как эпическая поэма, так и генеалогия. Будет ею также и повествование о переселениях племени, и тотемный столб с вырезанными на нем изображениями духов, с которыми владелец столба связан как наследник...; также «историей» будет тогда и западно-европейский гербовый щит..., символизирующий генеалогию того, кто имеет право его использовать. Причем вопрос о соответствии содержания всех этих «историй» так называемой исторической правде не имеет никакого значения»². Для общества, по Чарновскому, важна не «истинность» представлений о прошлом, а пригодность этого прошлого для целей выстраивания мемориального нарратива собственной идентичности. Главное, чтобы этот образ прошлого укладывался «в последовательность событий, доходящую до современности, вероятнее всего до какого-то момента в прошлом, который понимается как конечный пункт в цепи событий»³.

Понятая таким образом «история» является основой самоидентификации и как таковая присуща всем социальным общностям, начиная с самой ранней первобытности⁴. Чарновский предлагает в этом незавершенном фрагменте программу исследований того, что в современных историко-культурологических исследованиях определяется как «интеллектуальная история исто-

¹ Ср. понимание культурной памяти у Я. Ассмана как специфической для каждой культуры формы передачи и осовременивания культурных смыслов, знания, управляющего поступками и переживаниями в специфических рамках взаимодействия внутри определенного общества, подлежащего повторяющемуся из поколения в поколение заучиванию.

² Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii. S.99–100.

³ Ibid. S. 100. Это утверждение, — отмечает современная польская исследовательница Иоанна Филиппович, — было «первым в польской научной литературе случаем постановки под сомнение социальной потребности в исторической истине» (Filipowicz J. Pojęcie pamięci społecznej w nauce polskiej).

⁴ «...Каждая человеческая группа, даже самая первобытная, придает своей традиции облик такой широко понимаемой «истории», стоит ей только обрести самосознание как таковое» (Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii. S.100.).

рии». Это новая форма историографических исследований, исходящая из того, что для каждого историко-географического типа общества характерен свой тип формирования, репрезентации и использования представлений о прошлом. В этой перспективе, действительно, современная научная историография (то есть то, что Чарновский определяет как «историю» в строгом смысле слова) есть ни что иное, как один из элементов (хотя и очень важных) исторической культуры определенного общества.

Удивительно созвучны мысли Чарновского следующие слова одного из ведущих современных методологов исторического знания: «История во всех формах ее репрезентации (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) и их многообразных актуальных (нередко чрезвычайно причудливых) сочетаний рассматривается как атрибут любой культуры, как важнейший способ самосознания и самопознания общества, определяющего через осмысление прошлого свою идентичность»¹.

Итак, история для Чарновского – схематичное, пластичное, символическое представление событий, вещей, людей и действий, которое «в сокращенной форме содержит в себе сложившийся за многие поколения опыт группы людей и выражающее их важнейшие ценности»². Фактически перед нами определение не столько истории в ее классическом понимании, сколько мемориального нарратива коллективной идентичности, артикулирующего, если пользоваться вполне уместной здесь терминологией П. Бурдьё, хабитус данной социальной общности.

* * *

Как отмечают польские исследователи истории и современного состояния *memory studies* в Польше, «отечественная рецепция работ Стефана Чарновского в контексте представлений о прошлом концентрируется на двух аспектах его исследовательских интересов. Во-первых, это рефлексия на тему «прошлого в настоящем»..., а во-вторых, на его работе, касающейся Св. Патрика... Эти два исследовательских направления можно тракто-

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С.393.

² Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii... S. 99.

вать в качестве своего рода предвосхищения того, что в восьмидесятых годах XX века предложил французский историк Пьер Нора¹. Речь здесь идет о двух взаимосвязанных концептах французского исследователя – «история второй степени» («прошлое в настоящем» Чарновского) и «место памяти» (описанный польским социологом культ Св. Патрика).

Однако нам представляется, что вклад Чарновского в развитие интересующей нас проблематики не исчерпывается раскрытием механизмов формирования, присутствия и использования прошлого настоящим в виде «мест памяти», составляющих содержание «истории второй степени». Мысль автора «Культы героев» богаче и сложнее. В первую очередь на примере анализа культа Святого Патрика он оказывает, как прошлое в свою очередь влияет на современность, воздействует на осуществляемые в настоящем социокультурные проекты (в данном случае – на формирование наций).

Таким образом, перед нами диалектическая концепция взаимосвязи активности акторов социокультурного пространства и влияния коллективной памяти. Этот подход вызывает в памяти знаменитые слова К. Маркса о том, что «люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»². В рамках же современной социальной теории это выводит нас на идеи П. Бурдьё и Э. Гидденса, каждый из которых по-своему нащупывает и концептуализирует диалектику структурируемых и структурирующих моментов общественной жизни.

Что же касается непосредственно *memory studies*, то здесь взгляды Чарновского очевидно соответствуют динамически-коммуникативному подходу к коллективной памяти, подчеркивающим одновременно как активность современных социальных акторов, манипулирующих с образами прошлого, так и активность и резистентность к произвольным воздействиям самого прошлого, запечатленного в «образах-воспоминаниях» и «местах» памяти.

¹ Kończal K., Wawrzyniak J. Polskie badania pamięcioznawcze: tradycje, koncepcje, (nie)ciągłości//Kultura i Społeczeństwo. 2011. T. LV. Nr.4. S. 14.

² Карл Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 8. М., 1955. С. 119.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ О ПРОБЛЕМЕ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В 1938–1939 ГОДАХ

П. Цихорацки, Д. Домбровски

Проблема Подкарпатской Руси представляла собой в 1938–1939 годах очень важный элемент политической и военной ситуации в Европе. Её суть в то время выражалась в противоречиях вокруг будущей принадлежности упомянутой территории, которая до Первой мировой войны принадлежала Венгрии, являвшейся частью дуалистической Габсбургской монархии, с конца же 1918 года вошла в состав Чехословакии. Вместе с нарастанием в 1938 году так называемого чехословацкого кризиса эта территория, населённая славянским русинским населением, стала предметом международного спора. К её возврату стремилась Венгрия, вставшая в конце 30-х годов на путь активного территориального ревизионизма и пытавшаяся возместить себе хотя бы часть потерь, понесённых в результате заключения Трианонского мирного договора от 4 июня 1920 года. Это вступало в очевидное противоречие не только с интересами тогдашнего суверена на этой территории – Чехословакии, но также и части местных русинских политических элит, которые признавали Закарпатье территорией, населённой украинцами. Тем самым они трактовали Подкарпатскую Русь как территорию, которая может в рамках чехословацкого государства постепенно самоопределяться, становясь своеобразным «украинским Пьемонтом» – колыбелью будущего независимого украинского государства.

Проблема Подкарпатской Руси в 1938–1939 годах привлекала большое внимание польских военных и политических властей. Происходило это по нескольким причинам. Возможное новое обретение этой территории Венгрией означало появление общей польско-венгерской границы. Её достижение трактовалось в Варшаве как стратегическая цель, и такая граница, принимая во внимание хорошие польско-венгерские отношения, должна была улучшить геополитическое положение Польши. Кроме сокращения в этом случае протяжённости польско-чехословацкой границы (по опыту периода советско-польской войны 1920 года большая протяжённость её оценивалась как негативный для Польши фактор), выгодным результатом представлялась ликвидация центра украинской ирреденты. Его создание в Закарпатье польские

власти оценили как предпосылку территориальной дезинтеграции Польши через отрыв от неё территорий, населённых украинцами (Восточная Галиция и Волынь)¹.

Тем самым не может удивлять то, что вопрос о Подкарпатской Руси нашёл в 1938–1939 годах живой отклик в польском мире политики, а также у широкого общественного мнения, которое, впрочем, с большим интересом наблюдало за всей совокупностью событий, связанных с чехословацким кризисом². Проблема отражения событий в Закарпатье интересна с нескольких точек зрения. Прежде всего, интересным представляется вопрос о месте в медиальном дискурсе видения польско-венгерских отношений и оценке позиции Будапешта на рубеже 1938–1939 годов. С одной стороны, все значимые политические силы были согласны с тем, что возможное появление общей польско-венгерской границы выгодно для Польши. С другой стороны, эти силы значительно отличались в оценке роли Венгрии в чехословацком кризисе. Разделение шло не по линии сторонники правящего лагеря – оппозиция. Подобное наблюдение касается также другого важного сюжета дискуссии на тему Подкарпатской Руси, каким были мнения относительно чехословацкого государства. В то же время трудно обнаружить разницу при анализе третьей проблемы – украинского аспекта.

Больше всего внимания проблематике Закарпатья отводили проправительственные средства массовой информации. Их позиция была отражением линии польского МИД. О проблеме Подкарпатской Руси сообщалось почти с такой же интенсивностью, как, казалось бы, о значительно более важной с польской точки зрения проблеме Заользья³. В начале октября 1938 года Польша

¹ Представление в монографии этой проблемы на польском языке см.: Dąbrowski D. Rzeczpospolita Polska wobec kwestii Rusi Zakarpackiej (Podkarpackiej). 1938-1939. Toruń, 2007. Эта работа была недавно переведена на украинский язык: Домбровский Д. Польша і Закарпаття. 1938–1939. Київ, 2012.

² По теме места чехословацкого кризиса в польском политическом дискурсе см.: Pilarski S. Polskie ugrupowania polityczne wobec Czechosłowacji 1938-1939. Warszawa, 2008.

³ Польско-чешский спор о государственной принадлежности Тешинской Силезии. Обострился на рубеже 1918/19 годов. Несмотря на предварительное соглашение о разделе этой территории чехи в январе 1919 года осуществили вооружённую акцию с целью включения Тешинской Силезии в состав Чехословакии. В 1920 году под давлением великих держав произошёл раздел этой территории по реке Ольза, после чего её часть в Польше стала называться Заользе. Осенью 1938 года Польша начала действия по включению Заользья в свой состав, ссылаясь на то, что там компактно проживало польское население. Ibidem, s. 176.

однозначно поддержала венгерские претензии в отношении Закарпатья¹. Польско-венгерская граница, которая появилась бы в результате реализации этих требований, представлялась не только как выгодная для Польши, но также и как необходимое условие сохранения существования Венгрии. В связи с вышесказанным текущая ситуация в Подкарпатской Руси рисовалась как состояние почти кровавой анархии, конец которой может положить лишь венгерское вмешательство. Поэтому неудивительно, что венский арбитраж в ноябре 1938 года был оценён как венгерское поражение, виновата в котором была отчасти и Венгрия, события же марта 1939 года и появление общей польско-венгерской границы были встречены с энтузиазмом прессы, симпатизировавшей правящему лагерю².

Чехословацкие власти были в свою очередь обвинены в терпимости к ситуации в Подкарпатской Руси, которая способствовала поддержанию антипольской украинской ирреденты, активной в юго-восточных воеводствах Польши. На этом фоне полностью дискредитированными оказались автономные решения периода II Республики в Чехословакии (существовавшей от Мюнхена до марта 1939 года), воплощённые в появлении автономного правительства священника Августина Волошина в Ужгороде³. Откровения санационной прессы имели также антисоветский контекст. Общая граница с Венгрией должна была в результате укрепить кордон, препятствующий экспансии коммунизма и исключить москвофильские факторы у русин, в толерантности к которым также обвинялись чехословацкие власти⁴.

Важным сюжетом, который затрагивали польские средства массовой информации, была проблема толерантности чехословацких властей к коммунистической деятельности в Подкарпатской Руси. Она выросла там до весьма значительных размеров. Публицист наиболее читаемой и при этом однозначно проправи-

¹ Wspólna granica polsko-węgierska prawdziwą granicą pokoju // Ilustrowany Kurier Codzienny. 1938. Nr 277. 7X.

² Smogorzewski K. Węgry oczekują na wyniki arbitrażu // Gazeta Polska. 1938. Nr 297. 27 X.

³ A.T. O wspólny front Polski, Rumunii i Węgier przeciw wichrzeń „ukraińskim”. Sztucznie wyhodowany przez Austrię ukrainizm cierpi na przerost apetytu. Kłopoty Rumunii z ruchem ukraińskim na Bukowinie // Ilustrowany Kurier Codzienny. 1938. Nr 317. 16 XI.

⁴ Granica polsko-węgierska, a nie żadna „Karpato-Ukraina” // Ilustrowany Kurier Codzienny. 1938. Nr 278. 8 X.

тельствственной газеты межвоенной Польши, каким был «Иллюстрированы курьер подзенны», требовал, чтобы вся Европа с Венгрией во главе сделали всё возможное, чтобы «адское состояние коммунизации Руси сделать невозможным»¹. Суммируя мнения, опубликованные в проправительственной прессе, можно утверждать, что они были односторонними в своей провенгерской позиции, являясь одновременно античешскими и антиукраинскими, а также решительно враждебными по отношению к коммунизму и советской политике.

Среди польских оппозиционных партий относительно близкой к позиции властей была позиция правонационалистической оппозиции (эндеции). Формальным подтверждением этого было заключение так называемого «соглашения о прессе», в результате которого был создан Комитет печати по борьбе за польско-венгерскую границу. Он поставил своей целью пропаганду требования, содержащегося в его названии. Делалось это не только посредством публикаций, но также организацией уличных демонстраций и митингов в Польше². Соглашение подписали, с одной стороны, публицисты близкие к правящему лагерю, с другой — представители эндецкой прессы³.

В эндецких средствах массовой информации в отношении Венгрии выказывалось далеко идущее понимание. Свидетельством этого было, например, утверждение о «бесчеловечном урезании Венгрии» после Первой мировой войны, результатом чего было также отторжение Подкарпатской Руси⁴. Формулировались очень радикальные требования польского участия в желаемом разрешении проблемы Подкарпатской Руси, вместе с собственным военным участием⁵. Подобно проправительственным средствам массовой информации, эндецкая пресса негативно отнеслась к итогам венского арбитража. Однако оппозиционный статус этих кругов предоставлял возможность этой прессе давать значительно более выразительные оценки действий, признанных в контексте венского арбитража ошибками венгерской диплома-

¹ Ruś Podkarpacka centralą komunizmu // Ilustrowany Kurier Codzienny. 1938. Nr 277.

7 X.

² [Babiński J.] Z Ziemi św. Stefana // Merkurysz Polski. 1939. Nr 31.

³ Dąbrowski D. Op. cit. S. 336–337.

⁴ Frycz K. S. Węgry a Polska // Myśl Narodowa. 1938. Nr 48.

⁵ Głosy. Polska armia na Ruś! // Myśl Narodowa. 1938. Nr 51.

тии¹. Это замечание относится, впрочем, также к другим правым кругам, например, к христианской демократии².

Эндецкие декларации характеризовались также другими особенностями. Одной из них было представление о германских инспирациях и помощи эмансипационному украинскому движению в Подкарпатской Руси. Это был один из самых существенных аргументов в пользу тезиса о недопустимости толерантности Польши в отношении каких бы то ни было украинских государственных структур, даже автономных, на юг от Карпат. Антигерманская и антиукраинская позиция эндецких средств массовой информации была до такой степени сильной, что изменения, проведённые чехословацкими властями в составе правительства Волошина в марте 1939 года, склонили эндецкую печать выразить признание в адрес Праги³.

Польские социалисты демонстрировали значительно большую осторожность в оценке венгерских претензий. Это было обусловлено решительно враждебным отношением к гитлеровской Германии. Они также признавали, что польско-венгерская граница, которую можно было создать в Карпатах, была бы хорошим решением с польской точки зрения. Одновременно они также предостерегали, что не любая Венгрия была бы желательным соседом. Та Венгрия, которая, по оценке социалистов, превратилась в зависимую от III рейха страну, не была в глазах левых ценным партнёром, и Польша не должна вовлекать себя в реализацию её территориальных требований⁴. В этих кругах отсутствовала уверенность в том, что традиционная польско-венгерская дружба возобладает над также укоренившейся традицией венгерско-германского сотрудничества. Однако из-за констатации существования германского влияния на автономные украинские власти Подкарпатской Руси и социалисты расценили возможность передачи этой территории Венгрии, с польской точки зрения, как «меньшее зло». Неприемлемой альтернативой для

¹ Makowski J. Po kryzysie czeskim // Awangarda Państwa Narodowego. 1938. Nr 12. S. 410.

² Pilarski S. Op. cit. S. 262.

³ Męcińska M. Usuwanie niepożądanych żywiółów z Siczy. Pełnia władzy gen. Prchali. Niemcy żałują Revaya // Kurier Warszawski. 1939. Nr 67. 8 III.

⁴ Elmer B. Węgry, Czechosłowacja a porozumienie środkowo-europejskie // Robotnik. 1938. Nr 283. 7 X.

польских левых было создание в Закарпатье украинского государства под эгидой III рейха. Тем самым, социалисты также находились в лагере тех, кто усматривал в существовании самостоятельного украинского образования угрозу Польши¹.

Вероятно, наибольший скептицизм по отношению к закарпатскому направлению польской политики демонстрировался в рядах самой крупной крестьянской партии – Стронництво людово (СЛ). Это следовало связывать с прочешской позицией этой партии. Эта позиция имела длительную традицию и была обусловлена в определённой мере помощью, которую Чехословакия оказала нескольким ведущим политикам СЛ, вынужденным эмигрировать из Польши в первой половине 30-х годов. Среди них был лидер этой партии Винценты Витос².

Вследствие этого, урезание чехословацкого государства эти круги трактовали как нежелательное, хотя признавали, что в отношении Подкарпатской Руси как историческая правота, так и географически-экономическое положение говорит в пользу венгерских претензий. Также как у социалистов, определённую роль в случае крестьянского движения играла антипатия к III рейху, воспринимавшегося как партнёр Венгрии³. Специфическим же сюжетом для средств массовой информации СЛ была критика правительства Волошина, содержащая также социальные моменты. Она вытекала из негативной оценки его внутренней и экономической политики, в результате чего ставилось под угрозу существование населения Подкарпатской Руси⁴.

Менее значимые на польской политической сцене круги также высказывали своё отношение к событиям в Подкарпатской Руси. Очень интересной представляется позиция консервативных группировок. Поскольку в это время они находились фактически вне правящего лагеря, то в своей декларативной провенгерской позиции они опережали заявления средств массовой информации, связанных с властями. Так же как и в случае с эндецкой печатью, открыто требовалось предоставление возможности ис-

¹ Pilarski S. Op. cit. S. 238.

² Zakrzewski A. Wincenty Witos. Chłopski polityk i mąż stanu. Warszawa, 1977. S. 311.

³ Węgry pod wpływami niemieckimi. Opozycja chce bronić państwa przed utratą niezawisłości // Piast. 1939. Nr 5.

⁴ Brak wszystkiego, a przede wszystkim żywności. Katastrofalna sytuacja rządu Wołoszyna na Rusi Podkarpackiej // Piast. 1939. Nr 1.

пользования Польшей вооружённых сил в целях оказания помощи Будапешту в реализации его территориальных претензий в Подкарпатской Руси. Дело дошло до того, что имели место нападки на польское правительство за слишком малое участие в деле присоединения этой территории к Венгрии. Трактовалось это как своего рода возвращение долга Венгрии за её позицию в 1920 году, когда сражавшаяся с большевиками Польша получила поддержку Будапешта¹. Можно также добавить, что Яну Бобжиньскому, одному из ведущих политиков этих кругов, были официально возданы почести венгерскими властями за особые заслуги в пропаганде идеи создания польско-венгерской границы².

Описывая вопрос места проблемы Подкарпатской Руси в межвоенном политическом дискурсе, нельзя не соотнести вышеприведённые мнения с позицией, занимаемой украинскими гражданами Польши. События в Подкарпатской Руси вызвали очень большой резонанс среди украинцев, проживавших на территории Польши, который в случае с нелегальным националистическим кругом, связанными с Организацией украинских националистов, обозначал их активное вовлечение в события по южную сторону Карпат³. Наверное, более репрезентативным для украинской общественности был взгляд, представленный в прессе Украинского национально-демократического объединения (УНДО), самой большой и более умеренной правой украинской партии межвоенного периода⁴. Его главным печатным органом была издаваемая во Львове газета «Дило». Возрастающее значение украинского аспекта событий в Закарпатье вело к тому, что эта проблема занимала на его страницах одно из ведущих мест.

Исходным пунктом подавляющего большинства решений было положение, что Закарпатье населено украинцами. Отсюда, в частности, брала истоки критика в адрес Венгрии. В понимании журналистов газеты, она ещё в середине 30-х годов во имя территориального ревизионизма пользовалась определениями «Карпатская Украина», «карпатские украинцы», в то же время, когда появился шанс реализации украинских устремлений, эти опреде-

¹ „Armia polska na Ruś Zakarpacką!” Pierwsza wielka manifestacja w Polsce na rzecz wspólnej granicy polsko-węgierskiej // Słowo. 1938. Nr 316. 16 XI.

² Pilarski S. Op. cit. S. 291.

³ По этой теме см. новое исследование: Посівнич М. Воєнно-політична діяльність ОУН у 1929–1939 роках., Львів, 2010. С. 125-219.

⁴ Mazur G. Życie polityczne polskiego Lwowa 1918–1939. Kraków, 2007. S. 88.

ления были полностью исключены. Ещё до реализации части территориальных требований Венгрии в результате венского арбитража авторы издания не обольщались тем, что возможный венгерский успех может сопровождаться удовлетворением украинских ожиданий¹. Тем самым возвращение к положению вещей до 1918 года представлялось как противоречащее украинским интересам, и, прежде всего, как нежелаемое населением Закарпатья. Доказывать это были призваны перепечатки из украинской прессы, издававшейся в Подкарпатской Руси. При этом подчёркивались выгоды, какие получила эта область, даже пребывая в рамках чехословацкого государства². Представление всех этих акцентов особо выделяло печатный орган УНДО на фоне показанных выше мнений печатных органов польских партий.

На страницах газеты «Дило» комментировалось также польская политика в отношении Подкарпатской Руси. Не может удивлять, что там скептически относились к её принципиальным основам. Указывалось, что они сомнительны по нескольким причинам. Во-первых, ошибочным было, по мнению газеты, признание украинских устремлений как антипольских. Кроме того, после Мюнхенского соглашения устранялась угроза советского проникновения через эту территорию, а, возможно, и реальной военной агрессии со стороны СССР. Выдвигался аргумент, что раз чехословацкое государство (вместе с федерализированной Подкарпатской Украиной в своём составе³) оказалось в германской сфере влияния, то это самая лучшая гарантия превращения Подкарпатской Руси в преграду против большевизма. Наконец, что признавалось самым важным, действия в пользу создания польско-венгерской границы противоречили принципу самоопределения наций, а это должен быть главный аргумент, предопределяющий успех германских требований по отношению к Чехословакии, увенчанных Мюнхенскими соглашениями. Тем самым Польша (сама использовавшая этот аргумент в деле Тешинской Силезии) фактически находилась в лагере противников III рейха⁴.

¹ Голян Р. Вони тужать за Закарпаттям // Діло. 1938. № 238. 26 X.

² Чого хоче українське Закарпаття? // Діло. 1938. № 223. 8 X.

³ Показательно, что практически вопреки официальному названию II Республики (Чехо-Словацкая республика) «Дило» представляло, что государство состоит из трёх федеративных частей; см.: Ческо-словацько-закарпатська федеративна держава // Діло. 1938. № 225. 11 X.

⁴ ік. Дві польські помилки у справі Закарпаття // Діло. 1938. № 223. 8 X.

Интересно, что аналогия между польскими претензиями к Тешинской Силезии и украинскими устремлениями в Подкарпатской Руси представлялась украинским политикам из УНДО веским аргументом в пользу защиты национальных украинских интересов. «Дило» посвящало этой проблеме много места¹.

С точки зрения УНДО, несомненно беспокоящим обстоятельством было проявление среди славянского населения Закарпатья москвофильских тенденций. Ведь их существование определённым образом подрывало характеристику тамошнего населения как украинского, что, как отмечалось выше, было фундаментальным принципом украинских национальных демократов. Признавалось, однако, что самым лучшим решением будет минимизация значимости этого вопроса, хотя и не отрицалось наличие этого явления². Такая позиция принесла в результате дискуссию с польскими «прометейскими»³ кругами, декларирующими стремление к польско-украинскому соглашению в духе договора Пилсудского и Петлюры в 1920 году. Из-за антироссийских положений в своей программе они были очень чувствительны к подобным явлениям, с беспокойством подчёркивая существование москвофильских течений⁴.

Можно добавить в конце представления позиции, выражавшейся на страницах главного печатного органа УНДО, что его редакция была вынуждена считаться с польской цензурой. Понятно, что это замечание касается также средств массовой информации, связанных с польскими оппозиционными партиями, а в случае же с Подкарпатской Русью, вероятно, именно украинской печати уделялось особенное внимание властей. В связи с этим, несомненно, на страницах газеты «Дило» старались с некоторой осторожностью описывать и комментировать события, которые происходили по южную сторону Карпат. Примером может служить использование эвфемизмов в случае сообщений о диверсионных действиях (их проводила и польская сторона). Представляя такие действия в решительно негативном свете, при определении их исполнителей использовалось, например, опреде-

¹ Баран С. Шлеськ і Закарпаття // Діло. 1938. № 224. 9 X.

² Русофіли підважують державість Карпатської України // Діло. 1938. № 237. 25 X.

³ Прометеизм – условное название направления польской политической мысли, предусматривающего ослабление СССР посредством поддержки стремления к независимости нерусских народов.

⁴ Bączkowski W. Problem Rusi Zakarpackiej // Biuletyn Polsko-Ukraiński. 1938. Nr 41; idem. W sprawie artykułu o Rusi Zakarpackiej // Biuletyn Polsko-Ukraiński. 1938. Nr 43.

ление «чужой»¹. Подобная сдержанность не спасала, однако, от вмешательства цензуры, которое было достаточно частым в случае текстов газеты «Діло», относящихся к Подкарпатской Руси².

Проблема Подкарпатской Руси была в 1938–1939 годах одним из наиболее важных сюжетов политического дискурса в Польше, из числа относящихся к международным проблемам. Преобладающее большинство польских политических кругов декларировало в этом случае поддержку тогдашним венгерским территориальным претензиям в отношении Чехословакии. Это обосновывалось как аргументами геостратегическими, внутривнутриполитическими, так и историческими. Совершенно особую позицию заняли украинские национальные круги. В случае изменений, происходивших в Закарпатье на рубеже 1938–1939 годов, они рассчитывали на принципиальный пересмотр международного статуса украинского вопроса и возвращение на европейскую арену проблемы возрождения украинской государственности.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ И «ОТТЕПЕЛЬ» В ПОЛЬШЕ³

В. В. Волобуев

1. От разоблачения культа личности до XIII пленума ЦК ПОРП: «оттепель» и её пределы. Война и установление нового строя вызвали огромные опустошения в литературной среде Польши: огромное множество писателей и публицистов погибло от рук фашистов либо предпочло остаться за рубежом, протестуя тем самым против прихода к власти коммунистов. В этих условиях тон в

¹ Цивільне населення Карпатської України виловлює систематично диверсантів та лінчує їх // Діло. 1938. № 253. 15 XI.

² Студинський Ю. Французский відгук українських подій // Діло. 1938. № 234. 21 X; [orzeczenie Sądu Okręgowego w Lwowie], Діло. 1938. № 235. 22 X; Гренджа-Донський В. Великі маніфестаційні збори Української Народньої Ради в Ужгороді // Діло. 1938. № 237. 25 X; [orzeczenie Sądu Okręgowego w Lwowie], Діло. 1938. № 235. 22 X; Чміль Т. Міністр Ю. Ревай в Берліні // Діло. 1938. № 278. 14 XII.

³ Стаття підготовлена в рамках проекту «Поиски новой государственности: инакомыслие и диссидентство в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 60-е – 80-е гг. XX в.». Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

литературной жизни страны начали задавать деятели, вступившие в сознательную жизнь на волне общественно-политических преобразований послевоенного времени. Относительная свобода, которой пользовались литераторы в первые годы «народной власти», сменилась в 1949 г. курсом на насаждение соцреализма как единственного метода творчества. Эта политика, встретившая горячее одобрение со стороны ряда молодых активистов «литературного фронта», после смерти И. В. Сталина начала вызывать всё большее разочарование среди писателей. Как следствие, после оглашения доклада Н. С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» среди польских писателей началось сильное бурление, сопровождавшееся масштабной критикой метода социалистического реализма и яростными нападками на цензуру.

Прежнее руководство Союза польских литераторов (СПЛ), проводившее сталинский курс в области литературы, было отстранено, председателем Главного правления Союза в декабре 1956 г. был избран известный поэт и политический публицист А. Слонимский. Сотоварищ Ярослава Ивашкевича и Юлиана Тувима по творческому объединению 1920-х гг. «Скамандр», Слонимский никогда не принадлежал к правящей партии, а после освобождения Польши некоторое время оставался в эмиграции, вернувшись лишь в 1952 г. Привыкший всегда идти против течения, он стал одним из немногих творческих деятелей-некоммунистов, кто отважился поднять голос в защиту свободы творчества после нескольких лет запугивания и террора. Его единомышленниками выступали в подавляющем большинстве ортодоксальные марксисты, ещё недавно насаждавшие соцреализм: поэты Я. Выка, А. Важик, М. Яструн, Ю. Пшибось, В. Ворошильский, литературовед Я. Котт, философ Л. Колаковский. Теперь все эти люди, согласно данным тогдашнего посла СССР П. Пономаренко, называли соцреализм орудием сталинизма и синонимом политического террора в искусстве. Даже в органе ЦК Польской объединённой рабочей партии (ПОРП) газете «Трыбуна люду» 29 ноября 1956 г., в преддверии съезда СПЛ, было признано, что соцреализм обанкротился. На самом же съезде, кроме переизбрания Главного правления, было принято решение о создании независимых групп писателей, которые, по мысли одного из инициаторов этой идеи беспартийного литературоведа А. Сандауэра (поддержанного ли-

дером молодых марксистских философов Польши Л. Колаковским), должны были следовать авангардистским направлениям. Пономаренко сообщал: «Под все эти, по существу антинародные и антисоциалистические течения в современной польской культуре, ревизионистствующие литературоведы, искусствоведы и театроведы подводят теоретическую базу, заявляя, что это и есть реакция, вызванная сознанием никчемности свойственного русским пуританизма, желанием идти своим путём, реакцией против лакировки и схематизации действительности, творческими поисками нового»¹.

В феврале 1957 г. посол отправил развёрнутый доклад министру иностранных дел СССР Д. Т. Шепилову под красноречивым названием «О проявлениях ревизионизма в Польше», где досталось не только вышеуказанным личностям, но и ещё двум деятелям: преподавательнице Школы общественных наук при ЦК ПОРП культурологу Я. Секерской, которая осмелилась примкнуть к группе «фрондёров», и прозаику-дебютанту М. Хласко, чьи рассказы, по мнению Пономаренко, «отравляют молодёжь ядом пессимизма, заражают упадническим духом, сеют неверие в необходимость социалистического строительства»².

Напрямую столкнуться с крамольными воззрениями польских литераторов советским деятелям довелось в сентябре 1957 г., когда Польшу посетила делегация Комитета в защиту мира. Среди прочих мероприятий, организованных посольством СССР, значилась и встреча с польскими писателями, причём, среди этих писателей оказались как приверженцы соцреализма, так и люди, допускавшие иные направления искусства (например, редакция еженедельника «Нова культура»). Это был едва ли не единственный случай, когда советские дипломаты имели возможность выслушать обе точки зрения. Наиболее боевито среди приглашённых фрондёров повёл себя поэт Ю. Пшибось, который заявил: «Польская литература на современном этапе не может подражать тем путям, какими идёт развитие советской литературы». Говоря о «Новой культуре», Пшибось указал, что этот журнал – орган, скорее политический, а не литературный. В связи с этим советские гости поинтересовались у членов редколлегии данного журнала Р. Матушевского и А. Мандаляна, стоит ли «Нова культура»

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30 Д. 229. Л. 98–106.

² Там же. Л. 101–104.

на почве соцреализма. Те ответили: «Конечно, но есть нюансы». Какие именно нюансы, они не пояснили. Другие писатели подчёркивали, что соцреализм не может быть методом польской литературы. Их оппоненты из консервативного лагеря (писатели Л. Кручковский, Л. Пастернак, Т. Р. Добровольский) поспешили донести до сведения советских товарищей, что «союз писателей систематически проводит линию отрыва писателей от общественной жизни, а таких литераторов, которые до 8 пленума (в октябре 1956 г. – В. В.) были общественно-активны, часто выступали в прессе, Союз писателей игнорирует и отталкивает»¹.

Создалась парадоксальная ситуация. С одной стороны, правящая элита, вернувшаяся к власти в октябре 1956 г. на волне разоблачений сталинизма, сама была овеяна ореолом гонимых и преследуемых, т.к. большая часть обновлённого руководства (В. Гомулка и его соратники) находилась тогда в местах лишения свободы. С другой стороны, тот разгул свободомыслия, который наступил в Польше осенью 1956 г., ставил под удар основы существующей системы, и мириться с этим было никак нельзя. Уже в декабре 1956 г. член Политбюро Р. Замбровский (один из немногих сталинистов, оставшихся в партийной верхушке) заклеил на одной из районных партконференций «группу бешеных» в ПОРП, указав, что она занимается ревизией марксизма. К этой группе Замбровский отнёс поэта В. Ворошильского, культуролога Я. Секерскую и публициста Р. Зиманда. Правда, негодование партократа вызвала не их литературная деятельность, а те политические идеи, которые они проповедовали (об этом тотчас донёс советским дипломатам постоянный информатор посольства СССР Т. Ксенжек, занимавший пост секретаря Общества польско-советской дружбы)².

Уже в мае 1957 г. на IX пленуме ЦК ПОРП первый секретарь В. Гомулка обстоятельно прошёлся по «ревизионизму», назвав его большей опасностью для партии, чем догматизм. Особенно тщательно партийный лидер остановился на взглядах Л. Колаковского, выявив их «вредную» сущность; упомянул также в качестве негативных примеров Ворошильского и Зиманда (речь опять же шла только о политических воззрениях упомянутых

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 282–285.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 9–14.

лиц). Как следствие, летом и осенью на литературное сообщество посыпались кары. Уже осенью 1957 г. была проведена большая чистка в средствах массовой информации (газетах, журналах, радио, телевидении) с целью устранения каких бы то ни было отклонений от генеральной линии партии. Политбюро поручило Центральной комиссии партийного контроля рассмотреть личные дела ряда теле- и радиожурналистов, а также сотрудников редакций еженедельников «Шпильки» и «Свят» («Мир»). Предполагалось также произвести кадровые перемены в газете Главного правления Союза социалистической молодёжи «Штандар Млодых» («Знамя молодых»). Кроме того, потеряли свои посты главный редактор газеты «Жиче Господарче» («Экономическая жизнь») Т. Ковалик и главный редактор журнала «Доокола Свята» («Вокруг света») З. Юркевич¹. В начале декабря «по собственному желанию» ушёл с поста главного редактора «Новы культуры» В. Ворошильский, а сама редакция была реорганизована (среди прочих её покинули Л. Колаковский и Т. Конвицкий). Всего за 1957 г. с работы было уволено около 150 журналистов².

Едва появившись, был запрещён к изданию журнал «Европа», в редакцию которого входило несколько крупных партийных литераторов (Е. Анджеевский, А. Важик, С. Дыгат, П. Гертц, М. Яструн, Ю. Жулавский и др.). Интересно, что поначалу партийные органы были настроены благосклонно к желанию «прогрессивных» польских писателей и поэтов издавать журнал, в котором читатель знакомился бы с образцами современной европейской литературы³.

После долгих бюрократических проволочек (связанных, очевидно, с организационной волокитой, а не с целенаправленной политикой) в октябре 1957 г. появился первый номер этого журнала. Его содержание показалось власти предержавшим настолько крайольным, что номер не был допущен к распространению, а редакция распущена. В вину журналу ставились следующие главные «недоработки»: 1) состав авторов, представленных в журнале, свидетельствует, что его облик формируют люди «определённого

¹ Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 257.

² Юсупов Р.Р. Польская интеллигенция в период народной демократии. 1944–1980. Казань, 1998. С. 273.

³ AAN PZPR KC 237/ XVIII-109. К. 20-24; 237/XVIII-172. К. 1–2.

мировоззрения» (Антоний Слонимский, Адам Важик, Ежи Завейский и др.); 2) журнал пропагандирует взгляды не социалистические, а буржуазные; 3) в нём не говорится ничего положительного об СССР, странах народной демократии и строительстве социализма в Польше; 4) встречается полемика с социализмом (у Завейского, Гертца, Жулавского); 5) Гертц и Жулавский противятся подчинению литературы политике, из чего можно заключить, что редакция вообще не приветствует партийное руководство литературным процессом¹. В начале ноября 1957 г. Анджеевский, Яструн, Жулавский, Гертц, Белицкий, Важик, Котт и Дыгат, не в силах «вписаться» в новую политику партии, добровольно положили партбилеты на стол². Неудачный опыт с «Европой» заставил правящие круги заручиться другими проектами, в частности инициативу А. Сандауэра и Ю. Пшибося по изданию журнала «Жечь» («Дело»). Хотя авторы этой идеи после долгих мыканий по чиновным коридорам сумели заручиться согласием Управления по контролю за прессой (т.е. цензуры) и Отдела культуры ЦК³, в последний момент министерство печати, несомненно, по распоряжению сверху, отказалось выдать им санкцию на журнал.

Пиком кампании по «наведению порядка» в прессе явилось закрытие популярного молодёжного еженедельника «По просту» 2 октября 1957 г. Редакцию издания обвинили в том, что она «развивала деятельность, вредную для политики партии и правительства, противоречащую решениям VIII и IX пленумов ЦК...»⁴. Это решение вызвало волну студенческих демонстраций в Варшаве, продолжавшихся до 7 октября. Во время столкновений с органами правопорядка пострадало 79 манифестантов и 95 милиционеров, 536 человек было задержано⁵. Бывший главный редактор «По просту» Э. Лясота был исключён из ПОРП (оставшись, правда, депутатом Сейма).

Ужесточение цензурных тисков вызвало такое недовольство в литературных кругах, что по замечанию партийных функционеров, ему поддались даже «товарищи, до сих пор отличавшиеся

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-172. К. 3–8.

² Записки некоторых из упомянутых людей с обоснованием такого шага см.: AAN PZPR KC 237/XVIII-183. К. 1–5.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-172. К. 1–2.

⁴ Цит по: Орехов А.М. Указ. соч. С. 257.

⁵ Там же. С. 258.

умеренностью». В связи с этим Комиссия по культуре при ЦК ПОРП в начале октября 1957 г. направила «наверх» информационную записку, в которой настоятельно советовала «объяснить людям», чем вызвано такое похолодание климата. Кроме того, в записке указывалось на ряд необоснованных, по мнению её авторов, изъятий статей из печати. Например, работники Комиссии по культуре выражали недоумение, почему была убрана работа Б. Бачко о философии Колаковского, статьи П. Бейлина и Я. Стшелецкого об обновлении марксизма, и одна из статей Э. Липиньского по экономике, хотя их содержание ни в чём не отклонялось от тезисов, содержащихся в документах ПОРП¹.

О сильном недовольстве писательского сообщества действиями цензуры Комиссия по культуре при ЦК ПОРП продолжала информировать высокие сферы и позднее (например, в ноябре 1958 г. сотрудники Комиссии по культуре ЦК переслали члену Политбюро Р. Замбровскому «для ознакомления с настроениями в писательской среде» письмо партийного писателя А. Рудницкого, отправленное главному редактору одного из литературных журналов. В своём письме Рудницкий отзывал свою статью из журнала, так как, по его словам, «цензура объявила мне войну, а я не хочу прогибаться перед ней»²).

Партийное руководство почло за лучшее провести встречу партийного актива с представителями литературного сообщества. Нельзя сказать, что результаты этой встречи удовлетворили писателей, но недовольство среди марксистских деятелей культуры на время утихло. Возможно, этому способствовало то, что ряду оппозиционеров (Слонимскому, Важику, Яструну, Пшибосю, Анджеевскому, Котту) было предложено войти в состав Совета по культуре и искусству при Совете министров ПНР, причём Слонимский как глава Союза польских литераторов стал его вице-председателем.

Появилась надежда, что власть начнёт обсуждать возникающие спорные вопросы в спокойном русле. Это, казалось, подтверждали и последующие регулярные встречи представителей ЦК с правлением СПЛ. Как следствие, на состоявшемся 2 декабря 1958 г. заседании варшавского отделения СПЛ, посвящённом

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-172. К. 13-14.

² Ibid. К. 68-69.

избранию депутатов на общий съезд Союза, прежние оппозиционеры из числа марксистов (Анджеевский, Гертц, Жулавский и др.) старались умерить страсти, разгоревшиеся по поводу вмешательства цензуры в издательский процесс, а Слонимский заявил, что у Главного правления нет претензий к цензорам. Впрочем, представители партийных органов, присутствовавшие на заседании, отметили и другую деталь: среди писателей – как членов ПОРП, так и беспартийных – налицо было неприязненное отношение к главным выразителям воли партии в СПЛ – писателям Е. Путраменту и Л. Кручковскому. В силу этого Кручковский вообще не набрал необходимого количества голосов, а Путрамент занял среди избранных депутатов последнее место. «Выборы показали, – с беспокойством констатировали авторы отчёта, – что группа «Европы» сохранила политическое влияние, хотя сейчас настроена на компромисс с партийным руководством»¹.

Общий съезд СПЛ, состоявшийся во Вроцлаве 15–16 декабря 1958 г., показал, насколько ошибочным было это утверждение. Главным вопросом, обсуждавшимся на съезде, вновь стала деятельность цензуры. А. Слонимский во вступительной речи заявил, что работа этого органа превратилась в одно из характерных явлений литературной жизни Польши последнего периода. Впрочем, оговорился докладчик, ужесточение цензурных рамок произошло лишь два-три месяца назад, и Главное правление работает в этой области, стараясь донести свою озабоченность до властей. Косвенно своего товарища по «Скамандру» поддержал даже всегда очень осмотрительный в своих поступках Я. Ивашкевич, заявивший, что «проявлением нашего оптимизма является уже то, что мы пишем книги». С жёсткими речами выступили М. Яструн, П. Гертц, Я. Котт. При этом Яструн блеснул своим знанием антикоммунистической художественной литературы. «Мне сказали, – заявил он, – что одно из моих стихотворений отправлено в отдел намёков. До этого даже Оруэлл не додумался!».

Очень много о произволе цензуры говорил фельетонист светского католического издания «Тыгодник повсехны» С. Киселевский, который, кроме того, выдвинул проект резолюции, в котором требовал ясного определения полномочий Управления по

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-172. К. 134–137.

контролю за прессой, публикациями и зрелищами¹. Но, пожалуй, точнее и глубже всех высказался поэт Т. Голуй, который вообще не проявил себя в период «оттепели» как оппозиционер, зато в начале 1950-х гг. оказался одним из немногих, кто выступил против антиюгославской кампании в странах советского блока и поплатился за это исключением из партии. Теперь, во Вроцлаве, Голуй опять взял слово и заявил: суть конфликта заключается не в спорах между писателями и цензурой, а в антагонизме между принципом доминирования партии в каждой общественной деятельности и стремлением писателей к максимальной свободе творчества².

Учитывая ход съезда, в перерыве между заседаниями министр культуры Т. Галиньский и секретарь ЦК ПОРП В. Матвин встретились с партийными писателями и выработали общую резолюцию, которую один из членов первичной парторганизации старый коммунист С. Выгодский предложил на рассмотрение депутатам. Умеренный тон резолюции, в которой лишь вкратце говорилось о действиях цензуры, а в основном шли дежурные фразы о ценности искусства, вызвал негативную реакцию писателей (Я. Ивашкевич пренебрежительно назвал её «цветистым обрамлением» главного вопроса). В итоге была принята радикальная резолюция Я. Котта, в которой утверждалось: «Съезд делегатов СПЛ заявляет, что нынешняя цензурная политика, выразившаяся в последнее время в отказе от публикации более тридцати книг выдающихся писателей и в стремлении переложить функции цензуры на плечи издателей и редакторов журналов, создаёт серьёзную угрозу для развития литературы, вовлечённой в проблемы современности. Общий съезд поручает Главному правлению предпринять все необходимые меры для защиты свободы слова»³.

Столь резкое выступление творческой оппозиции обратило на себя внимание советских властей. Уже 6 января 1959 г. министр культуры СССР Н.А. Михайлов принял у себя польского коллегу Т. Галиньского и выслушал его мнение относительно происходящего. Галиньский следующим образом отчитался о действиях партийных органов: «Необходимо подчеркнуть... что за последние го-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-180. К. 30–35, 139–140.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-180. К. 62–64.

³ Ibid. К. 1–161.

ды наша интеллигенция понимала свободу своего творчества как полное невмешательство в её дела со стороны партийных и государственных органов. Однако за последнее время нам удалось в известной мере прибрать к рукам работников театра, кинематографии, а также печати. Что касается литераторов и художников, то положение с ними почти не изменилось»¹.

9 января 1959 г. с советским послом П. А. Абрасимовым встретился бывший секретарь парторганизации столичного отделения Союза Е. Путрамент. Для начала писатель так охарактеризовал руководство СПЛ: Слонимский, по его мнению, «глупый, безвольный человек, любыми средствами создающий себе популярность», но главную роль в Правлении играет не он, а Гертц, Жулавский («исключительно неприятный человек»), Анджеевский и Яструн. Далее собеседник поведал о встрече членов Правления с представителями польской верхушки (премьер-министром Ю. Циранкевичем и секретарём ЦК ПОРП Е. Моравским) в преддверии вроцлавского съезда. «По словам Путрамента, он выступил на этой встрече с резкими обвинениями в адрес Слонимского, заявив между прочим, что «как коммунист он не может не осудить поведение Слонимского на международном конгрессе Пен-клубов в Токио, на что последний якобы заметил: «Я ведь вам ничего не говорю, что вы пишете в советских газетах». Говоря о выборах делегатов на съезд, Путрамент рассказал, что «наибольшее количество голосов из партийных литераторов получили небезызвестные ревизионисты Ворошильский и Выка». На самом же съезде «многие из членов ПОРП вели себя хуже, чем беспартийные, находя поддержку и поощрение со стороны секретаря Вроцлавского воеводского комитета Матвина. «Среди них нашёлся только один человек, который пытался поднять голос в защиту интересов партии – краковский писатель Голуй». «Да и тот, – продолжал Путрамент, – в 1948 году активно выступал в защиту Тито и Гомулки, за что находился в опале и только в последние годы вновь появился на литературной арене страны... Путрамент жаловался, что товарищи из ЦК впоследствии обвиняли его в том, что он не поехал на съезд (Путрамент был избран заместителем делегата и имел право присутствовать на съезде), заметив при этом: «А что я один мог сделать – только вызвать насмешки. Другое дело, если бы я

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 308. Л. 1.

чувствовал за собой поддержку руководства партии»... Путрамент обвинял ответственных товарищей в партии в том, что они занимают примиренческую позицию по отношению к отдельным «гнилым, наносящим вред» польским писателям, что отсутствие в партии единого мнения о польской литературном творчестве не способствует идейному укреплению рядов литераторов, ослабляет влияние партии в их среде. Путрамент выделил группу Жулкевского, Данилевича (руководители Отдела культуры ЦК ПОРП – В.В.) и поддерживающего их Моравского, которая проповедует политику невмешательства в дела польских писателей, надеясь, что они постепенно вращут в социализм. Ко второй группе сторонников решительных действий он отнёс Кручковского, Путрамента, Вербляна, Касмана (секретари ЦК ПОРП – В. В.)... Когда я (т. е. посол Абрасимов – В. В.) поинтересовался, как же всё-таки польские товарищи думают улучшать положение в среде польских литераторов, Путрамент заметил, что следует в первую очередь лишить партийных билетов таких, как Выка, Ворошильский, Лисовский, Карст и др. «позорящих ПОРП, а ведь от них можно было избавиться в период чистки рядов партии, но никто из них к сожалению не был тронут, если не считать, что некоторые, как например, Пшибось, сами отдали свои партбилеты»... Я поинтересовался, как Путрамент расценивает деятельность некоторых литературно-просветительных клубов в Варшаве, как например клуба «Жизнь». Мой собеседник рассказал, что кроме клуба Жизнь, где собираются «бывшие коммунисты» троцкистского пошиба, в Варшаве существует клуб «Кривой круг» и «Предместье» такого же сомнительного профиля, где собираются «оппортунисты и ревизионисты типа Хасса (репатриант из СССР), Выка и др. Там проводятся дискуссии во вред польско-советским отношениям». В беседе Путрамент просил обратить серьёзное внимание на состав делегации польских писателей, которая «вероятно будет приглашена на съезд советских писателей, с тем, чтобы в неё не попали такие люди как Слонимский»¹.

«Советские товарищи», однако, действовали с запозданием и не успевали реагировать на перипетии взаимоотношений власти и писательского сообщества в Польше. Невзирая на просьбу Путрамента, Слонимский попал в состав писательской делегации, о

¹ АВП РФ. Референтура по Польше. Оп. 43. Д. 035. Л. 1–5.

чём позднее сокрушался член Политбюро ЦК ПОРП И. Лёга-Совиньский, который в марте 1960 г. на одной из встреч с послом Абрасимовым заявил, что это приглашение и оказанный Слонимскому приём «крайне затруднили в дальнейшем мероприятия ЦК ПОРП по его изоляции и отстранению от руководства Союзом писателей»¹.

15 января 1959 г. на собрании первичной парторганизации варшавского отделения СПЛ секретарь ЦК ПОРП Е. Моравский охарактеризовал работу вроцлавского съезда как антипартийную демонстрацию, а Слонимского, Котта и Яструна назвал «самыми отъявленными ревизионистами, скатывающимися на позиции ренегатства»².

21 января 1959 г. Политбюро ЦК ПОРП наметило комплекс мер, которые должны были покончить с «фрондой» среди партийных литераторов: 1) очистить первичную парторганизацию СПЛ от ревизионистов; 2) объединить в одну парторганизацию всех партийных членов СПЛ; 3) образовать группу партийных деятелей, которые помогали бы проводить идеологическую работу среди писателей, и те же задачи поручить воеводским комитетам ПОРП; 4) считать группу «Европы» политическим противником, оградить от её влияния лояльных членов Главного правления СПЛ; 5) открыто заявить Главному правлению, что действия, подобные тем, что проявились на вроцлавском съезде, направлены на создание оппозиции, и мириться с этим нельзя, кроме того – разъяснить лояльным товарищам вредный характер работы Главного правления и разработать решение Секретариата ЦК по поводу вроцлавского съезда; 6) последовательно осуществлять культурную политику партии; 7) настоять на исключении участников «Европы» из редакций всех журналов; 8) ограничить их сотрудничество с издательствами; 9) запретить им выезды за границу; 10) поручить редакциям журналов выразить свою позицию по поводу их литературной и публицистической деятельности; 11) поручить партийным редакторам газет и журналов осветить ситуацию в СПЛ; 12) провести встречу руководства ПОРП с наиболее выдающимися деятелями литературы»³.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 123. Л. 63.

² Юсупов Р. Р. Указ. Соч. С. 278–279.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-227. К. 1–2.

Вышеперечисленными мерами власть не ограничилась. Всех представителей «литературной оппозиции» исключили из Совета по культуре при Совмине, а Слонимский вдобавок потерял пост председателя Главного правления СПЛ и был заменён на более покладистого Я. Ивашкевича. Кроме того, в состав Правления по настоянию партии ввели Е. Путрамента и Л. Кручковского. Одновременно Секретариат ЦК выпустил целый ряд циркуляров, направленных на «усиление бдительности» партийных органов в разных областях культуры (кинематографии, изобразительных искусствах, радио, телевидении)¹.

Оппозиционные писатели не остались безучастны ввиду такого похолодания климата. Один из работников советского посольства обращал внимание в декабре 1960 г. на низкую явку членов варшавского отделения СПЛ в ходе выборов делегатов на очередной съезд Союза. «Но если в целом, – писал советский дипломат, – такую пассивность можно ещё объяснить тем, что съезд не является перевыборным, а посвящался, прежде всего, текущей работе союза, быту его членов, то отказ, например, Слонимского принимать участие в выборах делегатов и отсутствие на съезде членов Главного правления СПЛ Марьи Домбровской, получившей самое большое количество голосов (155) и Анны Ковальской (136), свидетельствует о том, что эти люди ещё не отказались от своей пахнувшей ревизионизмом политики и пошли на бойкот съезда, к которому призывала западная печать. Характерно также, что из 50 избранных делегатов оказалось всего 18 членов партии...»².

В декабре 1961 г. Секретариат ЦК ПОРП поручил Отделу культуры ЦК изменить методы работы в СПЛ и более решительно проводить там политику партии, а также усилить надзор за издательской деятельностью; предписал также воеводским комитетам ПОРП и министерству культуры более пристально следить за театральным репертуаром; распорядился, кроме того, создать партийную комиссию для изучения ситуации в кинематографии³ (правда, вместе с тем, Секретариат отверг предложение образовать комиссию для координации работы идеологиче-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-186. К. 14–44.

² РАГНИ Ф. 5 Оп. 36 Д. 134 ЛЛ. 8, 18.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-186.К. 48.

ских отделов ЦК¹). Наиболее полное выражение эта линия получила на XIII пленуме ЦК ПОРП (июль 1963 г.), где В. Гомулка констатировал, что на идеологическом фронте до сих пор наблюдались слабости и недоработки, и поручил усилить данное направление деятельности. В частности, он потребовал прекратить «лечение сном» неблагонадёжных партийных литераторов и жёстко поставить вопрос об их политическом облике. Во исполнение этого наказа ЦК вернулся к мысли образовать Идеологическую комиссию для непосредственной борьбы с «чуждым влиянием»².

XIII пленум многие восприняли как сворачивание «оттепели». Среди краковских журналистов и литераторов раздавались голоса, что «Пленум свидетельствует об окончании октябрьской свободы... независимо от того, что на нём говорилось и в какой форме», и что «снова придётся писать на заказ», а пространство свободы, и без того небольшое, будет ещё больше сужено³. Многие варшавские литераторы (К. Выка, А. Сандауэр, А. Ковальская и др.) выражались в том духе, что «снова пришло время ждать и терпеть». «Серьёзные писатели сумеют пережить трудный период, так как имеют на это средства, – говорилось в этих кругах. – Наилучшие же условия созданы сейчас молодым карьеристам и „положительным“ графоманам»⁴. Первичная парторганизация СПЛ провела закрытое заседание, посвящённое пленуму. Целью заседания было прекращение «лечения сном» и переход в наступление на ревизионистов. Однако часть партийных писателей, до той поры сохранявших полную лояльность партии (А. Браун, Г. Лясота, А. Слуцкий, Р. Карст, Р. Матушевский), неожиданно выступила против натягивания вожжей в области культуры, а также подняла вопрос об антисемитизме в Польше⁵.

Весной 1963 г. были закрыты популярные еженедельники «Нова культура» и «Пшеглэнд культуральный», что стало ещё одним ударом по свободомыслию в партийных рядах. Волевым решением журналы были объединены в один журнал «Культура» (явно в противовес одноимённому изданию польских эмигрантов,

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-186. S. 47.

² Ibid. S. 67–73.

³ AIPN BU 0365/8 t. 2. K. 101–103.

⁴ AIPN BU 0365/32 t. 2. K. 29.

⁵ AAN PZPR KC 237/XVIII-194. K. 110–130.

считавшемуся одним из центров антикоммунистической пропаганды), что стало большой неожиданностью. Несмотря на периодические перестановки в составах редколлегий и критические замечания в адрес публикуемых материалов, в целом позиции еженедельников выглядели прочными. Особенно это касалось «Новы культуры», где до декабря 1961 г. пост главного редактора занимал секретарь ЦК С. Жулкевский. За множеством забот в других учреждениях ему было недосуг заниматься журналом. Поэтому фактически его обязанности исполняла энергичная журналистка А. Лисецкая. В 1961 г. коллектив еженедельника решил присудить премию за лучшую книгу года писателю Я. Бохэньскому и его роману «Божественный Юлий» (о временах Юлия Цезаря). Эта книга, содержащая анализ механизмов действия абсолютной власти, была воспринята соответствующими органами ПОРП как намёк на современность. Журналу не только запретили награждать писателя, но и в очередной раз перетасовали состав редакции, убрав из неё Жулкевского и Лисецкую¹.

В декабре 1961 г. Секретариат ЦК принял решение об усилении надзора за творческими объединениями. В частности, Отделу культуры ЦК поручалось пристальнее следить за издательской политикой министерства культуры². Ещё более ужесточить свой курс подстегнули власть выступления Н. С. Хрущёва и Л. Ф. Ильичёва в декабре 1962 г. и марте 1963 г. перед советскими деятелями искусства. Отдел культуры ЦК ПОРП воспринял их как руководство к действию. В своей записке для партийной верхушки его работники перечислили ряд тезисов из этих выступлений, которые по их мнению отныне следовало взять на вооружение: 1) мирное сосуществование может быть только в политике, а не в идеологии; 2) не существует людей, безразличных к партии – либо ты за, либо против; 3) по поводу свободы творчества – есть свобода борьбы за коммунизм, и нет свободы борьбы против него, а высший критерий ценности искусства – его принятие народом; 4) формализм и абстракционизм как явления, оторванные от жизни, не могут способствовать её преобразованию; 5) соцреализм – это наиболее новаторское и прогрессивное направление искусства; 6) партия не против критики в искусстве, но в разоблачении

¹ Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. 1956–1989. Warszawa, 2000. S. 44–45; AAN PZPR KC 237/XVIII–218. K. 77.

² AAN PZPR KC 237/XVIII–186. K. 48.

культы личности нужно знать меру; 7) будучи за границей, следует говорить о борьбе с реакцией, а не угождать публике.

При этом Отдел культуры ЦК призывал учесть польскую специфику, внедряя эту политику: 1) наличие идейно разнородных направлений в культуре; 2) более опосредованное толкование связи искусства с идеологией и политикой, и столь же опосредованное толкование воспитательных задач литературы; 3) более широкая интерпретация проблемы условности и формалистских поисков в искусстве; 4) тесные связи польской культуры с западными веяниями. Отдел культуры предлагал конкретный комплекс мер по проведению этих задач в жизнь: публикация выступлений советских лидеров в прессе, обсуждение их в парторганизациях, решительное пресечение любых высказываний на страницах периодических изданий и во время встреч с зарубежными деятелями культуры, которые поддерживают тенденции, критикуемые руководством КПСС, и т.д.¹

Уже в апреле на стол секретаря ЦК Р. Стшелецкого, отвечавшего за идеологию и силовые органы, лёг доклад руководителя Отдела культуры ЦК о «тенденциозном» освещении советской культуры в еженедельнике «Политика». Доклад обращал внимание на то, что журнал даёт субъективную подборку произведений советской литературы, делая упор на «обличительные» книги, которые оказались под огнём критики в СССР². В том же месяце стусились тучи над «Пшеглэндом культуральным», который обвинили в самовольном объявлении конкурса на лучшее эссе и репортаж в честь 20-летия Народной Польши³.

Казалось бы, более суровому наказанию должна была подвергнуться «Политика», где собралось немало бывших журналистов разогнанного «По prostu». Однако расправа постигла именно «Пшеглэнд культуральный». В мае Отдел культуры разработал докладную записку для Р. Стшелецкого, в которой настаивал на необходимости объединить «Пшеглэнд культуральный» и «Нову культуру» в один журнал, обосновывая это тем, что еженедельники не противостояли зарубежному влиянию в искусстве, не развивали марксистскую критику, не разъясняли культурную политику ПОРП и вообще ориентировались только на варшав-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-193. К. 203–211.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-193. К. 216–220.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-218. К. 103–105.

ские культурные сообщества¹. Решение готовилось в спешке, о чём свидетельствует факт, что ещё в середине мая не был известен не только состав редакции нового издания, но даже его название². Лишь 23 мая был назначен главный редактор, а журналу присвоили рабочее название «Культура»³. Учитывая поднявшееся недовольство, Гомулка пообещал лично встретиться с главными редакторами обоих ликвидированных изданий и обговорить условия дальнейшего трудоустройства их коллективов⁴.

Пока же новый еженедельник подвергся общему бойкоту со стороны интеллигенции, причём не только «фрондирующей», но и вполне лояльной режиму. Дело дошло до того, что 13 ноября 1963 г. редколлегия «Культуры» обратилась к заведующему Отделом культуры ЦК с жалобой на «кампанию травли», развернутую на страницах польской печати и поддержанную радио «Свободная Европа». Как явствовало из текста жалобы, особенно коллектив журнала пенял на А. Лисецкую, которая упрекала издание в опорочивании марксизма и социализма, а также в воспевании довоенной традиции⁵. Странные на первый взгляд обвинения становятся понятны, если учесть, что антимакистская позиция была дежурным аргументом при очернении того или иного человека либо организации в Народной Польше.

В начале 60-х гг. казалось, что власть сумела раздавить основные очаги «ревизионизма» в науке и культуре. Проводники партийной линии в Союзе польских литераторов бодро рапортовали начальству о замирании оппозиционной деятельности⁶. Окончательным ударом по недовольным в рядах партийных писателей должно было стать дробление первичной парторганизации в СПЛ и перевод некоторых его членов в партячейки больших предприятий. Этот план, позаимствованный у советских коллег, был предметом беседы Э. Охаба с представителем исполкома первичной парторганизации СПЛ в декабре 1961 г. и встретил полное одобрение⁷.

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-193. К. 236–242.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-218. К. 120.

³ Ibid. S. 121.

⁴ AAN PZPR KC 237/XVIII-194. К. 1–5.

⁵ AAN PZPR KC 237/XVIII-218. К. 132–139.

⁶ См., например, записки Е. Путрамента и секретаря первичной парторганизации в СПЛ В. Залевского от 1962 г.: AAN PZPR KC 237/XVIII-219. К. 24–29, 39–47.

⁷ AAN PZPR KC 237/XVIII-192. К. 160.

Однако на деле ситуация была далека от благополучной. Партии предстояло ещё многое сделать, чтобы подавить ростки крамолы. Вот какие наблюдения оставил С. Воронин – член советской делегации писателей, посетившей Польшу в конце февраля – начале марта 1963 г.: «Наряду с тем, что в Польше проявляется большой интерес к нашей литературе, всё же следует отметить, что наша литература на польском языке представляется несколько односторонне. В основном она идёт по именам тех молодых, о которых за последнее время у нас было больше шума, нежели правильной критики... Я понимаю, польские издательства собирают только лучшее, наиболее интересное, но чтобы они отбирали именно лучшее, нужна точная рекомендация с нашей стороны»¹.

Его товарищ по делегации И. Прут был более прямолинеен. «Искренних доброжелателей, друзей нашей литературы в Польше маловато, – указывал он, а дальше раздражался целой филиппикой против польских литераторов, – ... когда остаёшься наедине со своим собеседником и у него развязывается язык, то речи идут уже совсем другие. Мне, советскому писателю, вменяется всё то плохое, что сделало польскому народу российское самодержавие. Счёт начинается от польского королевича Владислава, изгнанного из Кремля русскими ополченцами в начале XVII века. Я должен отвечать за бунтаря Хмельницкого, за все три раздела Польши, за штурм Варшавы Суворовым, за 1831 и 1863 годы, за все последствия культа личности Сталина. Мой собеседник, польский писатель, переходит уже всякие границы элементарного приличия, когда позволяет себе намёки на «Катынский лес», на якобы сознательное неподдерживание нашими войсками варшавского восстания, на «насилия», совершённые будто бы нашими солдатами в польской деревне»².

Прут перечислял причины такого положения вещей: «а) огромное количество литературы американской, французской, английской, итальянской и западногерманской, поступающей в Польшу по адресу Союза писателей и отдельных литераторов; б) явно недостаточное количество книг, посылаемых в те же адреса из Советского Союза. О литературе наших братских союзных республик в Польше почти ничего не знают; в) сцены и экраны Польши на-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 45. ЛЛ. 19–20.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 45. Л. 57–58.

воднены западной продукцией. Наши пьесы и фильмы идут весьма редко; г) периодическая пресса, демонстрационные залы, творческие союзы популяризируют абстрактную живопись и поэзию... Из советских поэтов наиболее популярен здесь Вознесенский – в своих заумных стихах; д) в государственном польском театре гениальное творение Пушкина «Борис Годунов» выглядит попросту карикатурой. На сцене умирает не царь всея Руси, а скорее купец Егор Булычёв, да и то в далеко не лучшем исполнении; е) руководство Союза польских писателей явно идёт на поводу у так называемого «свободомыслящего литератора». Стены Союза разукрашены абстракционистской бессмыслицей...»¹.

Добавим к этим замечаниям стороннего (хотя и предвзятого) наблюдателя то, что в Варшаве действовало несколько дискуссионных клубов интеллигенции, где слышались весьма неприятные для партии вещи. В отличие от СПП тон в этих клубах задавали люди немарксистской ориентации или деятели, уже давно разошедшиеся с партией в понимании марксизма. Некоторые из этих клубов («Жизнь», «Кривое колесо») были упомянуты в беседе Абрашимова с Путраментом в январе 1959 г.

Например, в январе 1959 г. в Клубе Кривого колеса (находившемся в самом центре Варшавы) с докладом о национальных польских комплексах выступил известный писатель, долгое время живший в эмиграции, М. Ванькович. По мнению докладчика, одним из главных комплексов эмигрантов являлся антисоветизм. Данное утверждение вызвало ехидный вопрос одного из дискуссионных участников, причиной каких комплексов стала депортация полутора миллионов поляков вглубь СССР. Другие выступавшие (например, популярнейший исторический публицист П. Ясеница) указывали, что одним из наиболее распространённых комплексов жителей страны является недоверчивость, связанная со всеобъемлющей деятельностью органов госбезопасности в минувший период².

Ясеница, наряду с литературоведом Я. Ю. Липским, являлся одним из наиболее активных участников Клуба кривого колеса, при этом оба находились на заметке Службы безопасности как завязанные «реакционеры». О весе Липского говорит тот факт, что уже в конце 1956 г., согласно утверждению основательницы Клу-

¹ Там же. Л. 58–59.

² AIPN 0236/175 t. 3. К. 22–23.

ба Э. Гажтецкой, власть в клубе целиком оказалась в руках «группы Липского»¹. «Для этой группы характерна несомненная интеллектуальность, – сообщали работники Службы безопасности в 1958 г., – но при этом совершенно недостаточная политическая подготовка, незрелость, принятие тех или иных политических решений под влиянием внезапных импульсов»².

Профессиональные воззрения Липского подверглись критике со стороны работников советского посольства. Один из них с удовлетворением отмечал в декабре 1960 г., что дискуссия на очередном фестивале молодых польских поэтов показала: «некоторым поэтам чужды идеи, изложенные в докладах Яна Юзефа Липского («Рационалистические поэтические взгляды в течениях польской поэзии») и Ежи Клита («Что такое рационализм»), которые открыто и развязно высказались против проникновения поэзии в жизнь, против её социалистической идейности»³.

Работники спецслужб констатировали в 1958 г.: «1) Клуб Кривого колеса оказывает влияние на определённый круг высокоинтеллектуальной творческой интеллигенции; 2) несмотря на присутствие ряда членов партии на собраниях, линия партии никак не представлена, защищаются все политические взгляды, кроме этого последнего»⁴. В ноябре 1959 г. секретарь по культуре Варшавского комитета ПОРП сообщал: «Дискуссии об экономической, политической, общественной и культурной ситуации в нашей стране насыщены скрытым ядом. В них чувствуется прославление Запада и враждебное отношение к СССР, Китаю и другим государствам народной демократии. Дискутантов характеризует красочность стиля, склонность к аналогиям... и аллегориям. Они хорошо подготовлены по каждой теме, свободно оперируют данными монографий и источников. Даже робкая попытка оппозиции против мнения большинства обречена на поражение. «Отступника» буквально изничтожают язвительными замечаниями и нарочито изысканными выражениями, сальными анекдотами и репликами из зала... Всех объединяет то, что они являются клубом оппозиции. О себе имеют очень высокое мнение, полагая Клуб важным фактором воздействия на творческие и научные со-

¹ AIPN 0236/175 t. 2. К. 402.

² Ibid. К. 26.

³ РГАНИ Ф. 5 Оп. 36 Д. 134 Л. 5.

⁴ AIPN 0236/175 t. 2. К. 29.

общества столицы. Лучшее всего людей из Клуба характеризует такое высказывание, которое ходит по Варшаве: «Запишись в наш Клуб, у нас можно критиковать всё и всех, и тебе ничего не будет». Всё это походит на сборище анархистов...»¹.

Властям, естественно, не могли прийти по вкусу подобные настроения, однако до поры они смотрели сквозь пальцы на деятельность Клуба, причину чего указали работники Службы безопасности в апреле 1958 г.: «Ныне ситуация выглядит так, что в случае обострения положения в стране Клуб автоматически станет организационным центром, и тогда его роспуск будет не нужен, ибо дискуссии, которые сейчас проходят открыто... перенесутся в малые группы на частные квартиры, создавая что-то вроде "интеллектуального подполья"². Другими словами, вместо закрытия ответственные лица решили использовать Клуб кривого колеса в качестве западни, куда завлекались бы оппозиционные элементы.

Время от времени власти наносили точечные удары по Клубу, предотвращая какие-либо нежелательные оппозиционные акции. Например, в начале января 1962 г. был осуждён писатель Е. Корнацкий, обвинявшийся в распространении сатирических стихов, которые высмеивали польскую действительность и знакомых ему людей. В поле зрения Службы безопасности он попал из-за своих контактов с эмигрантской «Культурой» и намерения издать за границей коллективную работу польских литераторов (П. Гертца, М. Яструна, А. Сандауэра, Е. Завейского, А. Киёвского, Я. Н. Миллера, А. Важики, П. Ясеницы, самого Корнацкого и др.) «Счёт памяти», рассказывавшей о «перегибах» культурной политики власти в период сталинизма³. Позже Корнацкий отказался от своего намерения, но органы госбезопасности продолжали следить за ним, пока писатель сам не предоставил им повод для ареста. Процесс получился громким, но отдавал скандалом из-за скабрёзного и оскорбительного содержания многих стихов Корнацкого, вследствие чего члены варшавского отделения СПЛ приняли резолюцию с предложением исключить писателя из организации. 2 января 1962 г. Корнацкий был приговорён к году заключения и штрафу в 250 злотых⁴.

¹ Цит. по: Ceranka P. Zamknięcie Klubu Krzywego Koła // Zeszyty historyczne, 2006, zesz. 158. S. 74.

² AIPN 0236/175 t. 2. K. 28.

³ AIPN BU 02961/172 t. 6. K. 17-18; AIPN BU 0236/175 t. 2. K. 175-179.

⁴ AIPN BU 0296/172 t. 9. K. 50.

Этот суд состоялся в разгар подготовки властей к закрытию Клуба. 12 января 1962 г. директор ДК Старого города, в котором размещался Клуб кривого колеса, сообщил Президиуму Совета клубов о решении передать здание в ведение Союза социалистической молодёжи (ССМ). На следующий день Президиум адресовал письменный протест в горсовет, ссылаясь на незаконность такого постановления, а члены правления отправились на переговоры с властями. Никакого результата это не принесло. Распространилась весть о скором закрытии Клуба. Как следствие, 18 января 1962 г., когда в Клубе должен был выступить президент ПАН Т. Котарбиньский с докладом о свободе слова, собралось невиданное до тех пор количество слушателей. Это собрание широко освещала западная пресса, что стало ещё одним поводом для нападков на Клуб со стороны Службы безопасности. «Похоже, что «Кривое колесо», единственный подлинно свободный дискуссионный клуб в Польше, потерял доверие у правительства», — написала 25 января западногерманская газета «Die Welt»¹. В этих словах отразилось повсеместное убеждение. Действительно, 1 февраля состоялось его последнее собрание, после чего он был распущен.

Другим примером идеологической крамолы можно назвать клуб католических писателей при СПЛ. Он был создан в 1961 г. деятелями распущенной после войны Партии труда христианско-демократической направленности. 29 января 1963 г. в Клубе прошло собрание на тему «Польские восстания как проявление веры в международную мораль». На собрание по приглашению его организаторов явилось около трёхсот человек, в том числе множество немарксистских общественных деятелей и несколько бывших лидеров Партии труда. Выступавшие подчёркивали роль восстаний в сохранении польского национального духа, отдавали дань Ю. Пилсудскому как продолжателю этой традиции и доказывали неспособность приверженцев «твёрдой руки» предотвратить народное возмущение. Большинство собравшихся встречали эти заявления аплодисментами, хотя у некоторых присутствовавших подобная тональность речей вызывала недоумение. Так, члены варшавского клуба католической интеллигенции выразили удивление, почему партия с одной стороны позволяет организо-

¹ AIPN 0236/175 t. 3. K. 211.

вызывать подобные встречи, а с другой критикует клуб католической интеллигенции за то, что тот держит у себя таких людей. М. Ванькович вообще покинул собрание, хотя поначалу собирался на нём выступить¹.

Всё это говорит об атмосфере, в которой действовала писательская фронда. Невзирая на бюрократическое давление и разного рода репрессии, бурление среди литераторов не прекращалось. В конце ноября 1962 г. на заседании первичной парторганизации СПЛ с резкой критикой работы исполкома и правления СПЛ выступила А. Лисецкая. По её мнению, некие самозванцы (речь шла о Путраменте) взяли на себя роль связных и неправильно информировали руководство партии о ситуации в литературном сообществе. Именно по этой причине сложилась ситуация, когда из-за действий цензуры советская литература, якобы, пользовалась куда большей свободой у себя в стране, чем польская в ПНР. Лисецкая потребовала перевыборов исполкома и 90 % правления СПЛ. Её поддержали В. Ворошильский, К. Брандыс, Л. Пшемский, А. Браун и некоторые другие члены первичной парторганизации².

В преддверии очередного съезда СПЛ, который был намечен на декабрь 1962 г., такая критика звучала особенно грозно. Впрочем, обнадеживающим фактом для власти явилось то, что ряд закоренелых «ревизионистов» (Важик, Яструн и др.) решил не баллотироваться в делегаты съезда³. И действительно, несмотря на ряд выпадов против цензуры, содержавшихся в некоторых выступлениях, в целом критика в адрес этого ведомства звучала на съезде уже куда более умеренно, чем четырьмя годами ранее, и носила характер скорее нареканий, чем требований. На этом фоне едва ли не самой острой явилась речь Ивашкевича, который упрекал власть в неумении прислушиваться к часто праведному гневу писателей и выражал озабоченность ухудшением их материального положения. Главным же вопросом, обсуждавшимся на съезде, стал острый недостаток бумаги для художественной литературы⁴.

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-225. К. 31–34.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-192. К. 320–324.

³ Ibid. S. 230-232.

⁴ AAN PZPR KC 237/XVIII-211. К. 1–155.

Проблема эта была не нова. Ещё в январе 1961 г. первичная парторганизация СПЛ обращалась с резолюцией в партийные структуры с просьбой незамедлительно разобраться с создавшейся ситуацией, ибо она угрожает развитию социалистической культуры¹. В сентябре 1961 г. уже заведующий Отделом культуры ЦК В. Красько проинформировал члена Политбюро Э. Охаба о положении в издательском деле. В частности, он сообщал, что по количеству названий план выдачи бумаги сокращён на 15 %, по тиражам – на 20 %; самым значительным ограничениям подверглась художественная и детская литература – на 30 %, учебники были переведены на многолетнее использование; зато была несколько поднята планка для специальной литературы, книг современных польских писателей, а также изданий, имеющих важность с точки зрения «идеологической борьбы»².

В марте 1962 г. Отдел культуры ЦК отчитался о результатах политики экономии бумаги: тиражи современной литературы повышены на 10 %, экзамен по многократному использованию учебников успешно сдан; в целом писатели стали отходить от тематики расчётов со сталинизмом и начали более оптимистично смотреть на настоящее. Однако, отмечалось с сожалением, 1961 г. не принёс сколько-нибудь заметных произведений в русле соцреализма; более того, допущен ряд «ошибок», таких как «Божественный Юлий» Я. Бохэнского и произведения К. Козьневского, С. Выгодского и Я. Герхарда об аппарате госбезопасности. Последние три книги, «к счастью», не успели выйти из печати³.

В конце ноября 1962 г. Отдел культуры ЦК направил новую докладную записку «наверх» с существенно иными оценками. Так, подводя итог издательской политики за период с 1950 г., авторы записки с тревогой указывали на значительное сокращение тиражей, причём не только в области художественной литературы, но и во всех вообще областях. Вследствие недостаточных инвестиций и нехватки сырья возник острый дефицит бумаги. Всё это вызывает пессимизм в писательской среде, указывалось в записке. Хотя по уровню изданий уверенно лидирует современная литература, в массе своей это – слабые произведения⁴.

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-219. К. 4–5.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-191. К. 185–189.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-192. К. 26–38.

⁴ AAN PZPR KC 237/XVIII-192. К. 294–303.

Положение усугублялось тяжёлым материальным положением писателей. Об этом сообщал секретарь первичной парторганизации В. Залевский в июле 1962 г., указывая, что такая ситуация серьёзно подрывает авторитет Я. Ивашкевича и всего правления СПЛ¹. Учитывая создавшееся положение, власть решила временно подготовиться к съезду писателей. 5 декабря 1962 г. секретарь ЦК Р. Стшелецкий провёл встречу с Ивашкевичем, Путраментом и Залевским². Протокола беседы не сохранилось, но из речи Путраменты на съезде СПЛ можно сделать вывод, что высокопоставленный партийный чиновник объяснял причины нехватки бумаги. Из слов Путраменты следовало, что ведомство, занимавшееся внешней торговлей, пыталось в трудной экономической ситуации продавать бумагу за рубеж, вместо того, чтобы направлять её на внутренний рынок³. Это, конечно, не могло обрадовать писателей, но с успокоительной речью выступил В. Красько, который заявил, что соответствующим органам власти известны все проблемы литераторов, однако решать их надо не на съезде СПЛ, а в других местах⁴.

XIII пленум ЦК ПОРП, где первый секретарь громил ревизионизм, казалось бы, должен был окончательно задушить любое недовольство в творческой среде, однако произошло обратное. 17–18 января 1964 г. в Варшаве было созвано расширенное заседание Главного правления СПЛ. По данным Службы безопасности, о его созыве ходатайствовала «группа «Европы», хотя официальная инициатива исходила от Я. Ивашкевича. Судя по всему, оппозиция воспринимала это собрание как решительную схватку и тщательно готовилась к нему: в конце декабря и в первой половине января участники писательской «фронды» (Е. Анджеевский, П. Гертц, Я. Котт, А. Важик, А. Ковальская, М. Яструн, Р. Матушевский, Слонимский, М. Ванькович, М. Домбровская, А. Сандауэр, П. Ясеница, Е. Завейский, С. Цат-Мацкевич и др.) провели две неформальные встречи, где обговорили тактику действий⁵.

На расширенном пленуме главного правления СПЛ, прошедшем 17–18 января, они подвергли разному его членов и об-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-219. К. 28–29.

² Ibid. К. 32.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-211. К. 254.

⁴ AAN PZPR KC 237/XVIII-192. К. 309–315.

⁵ AIPN BU 0365/32 t. 2. К. 2. *

рушились с гневными речами на цензуру. На заседании присутствовало до 200 человек, съехавшихся со всей Польши. Многие выступавшие остро критиковали работу правления, действия цензуры и всю культурную политику партии. В этой связи не раз вспоминалось упразднение «Новой культуры» и «Пшеглэнда культурального», и создание на их базе «Культуры» – этого «худшего из всех возможных журналов», по выражению Слонимского, поскольку он «действует под охраной цензуры... и с ним нельзя полемизировать». Ванькович заявил, что нынешняя цензура, пожалуй, не позволила бы издать даже труд Коперника, живи он в Польше 1960-х гг., а Мацкевич указал, что такого произвола цензоров не было при Александре I и Николае I¹. Несмотря на то, что такие взгляды получили отпор со стороны лояльных партии писателей, в целом, как подытожили авторы информационной записки для СБ, «нынешний пленум... не сильно отличался от съезда писателей во Вроцлаве»².

По окончании собрания оппозиция продолжала проводить неофициальные встречи, где среди прочего обсуждалась возможность создания «блока самообороны» для защиты польской культуры³. 5 февраля 1964 г. прошло общее собрание варшавского отделения СПЛ, где снова поднимался вопрос о недостатке бумаги и бесцеремонном вмешательстве цензуры в творческий процесс. На этом собрании оппозиции удалось добиться избрания одного из своих участников – П. Гертца – в члены правления. 24 февраля в Варшаве без согласия большинства правления прошла встреча «писательского актива» для выработки общей позиции по вопросу создания взамен распущенных еженедельников нового журнала и обращения с этим требованием к власти (причём с такой инициативой выходили также писатели, стоявшие далеко от оппозиции)⁴.

2. Письмо 34-х. 14 марта 1964 г. грянул гром. Тридцать четыре заслуженных представителя польской науки и культуры (среди них Е. Анджеевский, А. Ковальская, П. Гертц, А. Рудницкий, Я. Котт, М. Яструн, Э. Липиньский, С. Дыгат, Я. Щепаньский,

¹ Ibid. К. 3-6.

² Ibid. К. 1-6.

³ Ibid. К. 26.

⁴ Ibid. К. 27-28.

К. Выка, П. Ясеница, С. Киселевский, М. Ванькович, А. Важик и др.) направили письмо на имя премьер-министра Ю. Циранкевича, в котором заявляли: «Ограничение количества бумаги на издание книг и журналов, а также ужесточение цензуры создают угрожающую ситуацию для развития национальной культуры. Мы, нижеподписавшиеся, признавая наличие общественного мнения, права на критику, свободную дискуссию и правдивую информацию необходимым элементом прогресса,двигаемые гражданской заботой, требуем изменения культурной политики в духе прав, гарантированных конституцией польского государства и соответствующих с благом нации»¹. Текст «Письма 34-х», по данным Службы безопасности, был составлен Слонимским и Липским. Они же собирали подписи под ним². Авторы старались подобрать таких людей, которые имели неоспоримые заслуги перед Польшей и принадлежали к старшему поколению, помнившие довоенные времена. Именно поэтому под «Письмом» не оказалось подписи самого Липского – он был слишком молод для этого.

17 марта органы госбезопасности установили наблюдение за Слонимским, Липским, Анджеевским, Ясеницей и Ваньковичем³. После того, как Липский был задержан на 48 часов, а в его квартире был произведён обыск, Ясеница немедленно снёсся с правлением СПЛ, требуя вмешаться в ситуацию. Одновременно в прокуратуру отправились публицист С. Киселевский, адвокат А. Стейнсберг, социолог М. Оссовская и поэт А. Слонимский с целью выяснить причину задержания⁴. В начале апреля М. Ванькович разослал своим знакомым послания с описанием репрессий, которые постигли подписантов «Письма 34», а затем отправил такое же письмо в американское посольство⁵. Кроме того, он выслал протест в редакцию варшавской «Культуры», указывая, что акция 34-х является борьбой за свободу творчества, а не борьбой с Народной Польшей⁶.

Две недели власть делала вид, что не знает ни о каком письме. Между тем сведения о нём просочились за рубеж, и вскоре

¹ Eisler J. Marzec 1968. Geneza. Przebieg. Konsekwencje. Warszawa, 1991. S. 59.

² AIPN BU 0204/1421 t. 8. K. 24.

³ AIPN BU 0365/32 t. 2. K. 53.

⁴ AIPN BU 0236/175 t. 2. K. 415.

⁵ Ibid. K. 417; AAN PZPR KC 237/XVIII-291. K. 3–4.

⁶ AAN PZPR KC 237/XVIII-291. №. 1–2.

его содержание огласило радио «Свободная Европа». В литературном сообществе начали шириться комментарии относительно такого шага писателей и учёных. Варшавские литераторы и журналисты, согласно донесениям Службы безопасности, восприняли эту новость со смесью злорадства и снисходительной усмешки. Те из представителей печатных изданий, которые подвергались нападкам со стороны оппозиционеров, надеялись, что этот шаг заставит власть перейти к решительным мерам в отношении непокорной интеллигенции. Многие высказывались в том смысле, что ситуация, конечно, тяжёлая, но подобные выступления не принесут ничего, кроме новых неприятностей. Составителей письма называли «донкихотствующими стариками». «Большинство... журналистов, – сообщали сотрудники спецслужб, – согласны во мнении, что, во-первых, руководство партии и правительства должно официально выразить своё отношение к высказанным упрекам... а во-вторых, передача подобных документов в западные страны заслуживает резкого осуждения»¹. Некоторые из тех, кто позитивно отнёсся к факту написания письма, критиковали его авторов за отсутствие конкретики и вовлечение в затею «реакционных» деятелей (таких как бывший премьер эмигрантского правительства С. Цат-Мацкевич). «Волнение по поводу письма вышло за границы литературного сообщества, – констатировала Служба безопасности в майском отчёте. – ...оно вызвало многочисленные комментарии творческой интеллигенции, учёных и журналистов, выдержанные в негативном для партии духе. Отмечены также отдельные случаи письменной благодарности участникам «группы 34-х». Им выражают признательность «за мужественную и патриотическую позицию в деле защиты польской национальной культуры»².

Поняв, что шила в мешке не утаишь, власть перешла к действиям. Представитель польского МИДа провёл пресс-конференцию для репортёров четырёх западных агентств, где высказал официальную позицию власти по этому вопросу. Одновременно на всех подписантов обрушились репрессии, им запретили печататься, выступать в СМИ и выезжать за границу. Служба безопасности начала следствие по делу об утечке информации

¹ AIPN BU 01820/5 t. 3. К. 39–41, 57–60.

² AIPN BU 0365/32 t. 2. К. 32–33.

за рубеж. В западных средствах массовой информации начались акции в защиту репресслируемых. С протестом против ущемления свободы слова в Польше выступили многие деятели культуры: Гор Видал, Роберт Пенн Уоррен, Сол Беллоу, Элиа Казан, Норман Майлер, Артур Миллер и другие.

Обсуждалась ситуация с письмом и в СССР. Представители Союза писателей СССР А.Т. Твардовский, Н.П. Бажан и А.А. Сурков затронули этот вопрос в беседе с генеральным секретарём Европейского сообщества писателей Д. Вигорелли во время визита последнего в Москву 27 мая – 2 июня 1964 г. Авторы отчёта о беседе так передавали слова Вигорелли: «В статьях, публикуемых правой печатью, стремятся доказать, что деятельность Европейского сообщества писателей носит односторонний характер, что эта организация «слишком близка» к Советскому Союзу. Особенно обострились такого рода нападки в связи с письмом, адресованным польскому правительству, со стороны 34 писателей и деятелей культуры. Это письмо, которое, как Вигорелли известно самым достоверным образом, было в провокационных целях организовано из Лондона руководителями Пен-клуба, вызвало большой шум в печати ряда европейских стран, в том числе и в итальянской печати, в которой появился ряд статей, спекулятивно подчёркивающих нежелание Европейского сообщества писателей оказать поддержку якобы подвергающимся преследованиям польским литераторам... В этих условиях Вигорелли вынужден был направить руководителю польской группы Европейского сообщества писателей Ярославу Ивашкевичу телеграмму, в которой просил его предоставить Сообществу информацию по данному вопросу... Из бесед с Я. Ивашкевичем Вигорелли стало известно, что «Письмо 34-х» было в провокационных целях инспирировано лондонским исполкомом Пен-клуба и лично Дэвидом Карвером – секретарём этого исполкома, что непосредственно в Польше организатором этого дела явился Слонимский, который публично обвинял Ивашкевича «во враждебных польской литературе просоветских тенденциях» и выдвинул в качестве одного из обвинений против Ярослава Ивашкевича то обстоятельство, что Ивашкевич активно участвует в деятельности Европейского сообщества писателей, которое, по утверждению Слонимского, в отличие от Пен-клуба, не приходит на помощь польским

литераторам...». После этого, как заявил генеральный секретарь, Ивашкевич в знак протеста вышел из исполкома Пен-клуба¹.

Вигорелли знал, о чём говорил, ибо в момент подачи «Письма 34-х» председатель СПЛ находился, как раз в Италии. Оттуда он направил послание Ю. Циранкевичу. В нём Ивашкевич назвал письмо «идиотским шагом серьёзных вроде бы людей», но выразил протест против их преследования. Само письмо он счёл опосредованным вотумом недоверия самому себе как председателю Главного правления СПЛ, в связи с чем просил отправить его в отставку по собственному желанию². Отставка эта принята не была.

8 апреля некоторые из подписантов (К. Выка, Э. Липиньский, С. Дыгат, А. Ковальская, Е. Анджеевский, А. Рудницкий, Т. Котарбиньский, Е. Загурский, М. Домбровская, Я. Щепаньский, Я. Парандовский, К. Эстрайхер, А. Гейштор, Ю. Кшижановский) были приглашены на встречу с Ю. Циранкевичем. На этой встрече также присутствовали: Ю. Пшибось, А. Шафф, Х. Яблоньский, Е. Путрамент и вице-председатель Главного правления СПЛ А. Малишевский. Судя по всему, профессора Шафф и Яблоньский были призваны идеологически обеспечить дискуссию, Путрамент представлял партийных писателей, Малишевский заменял отсутствовавшего Ивашкевича, а Пшибось должен был воздействовать на оппозиционеров как пример «исправившегося» творца (в 1962 г. он, согласно записке секретаря первичной парторганизации СПЛ, заявил о «пересмотре своего отношения к социализму», т.е. об отходе от оппозиции³). Как явствует из рассказов участников этой встречи, активнее всех атаковали подписантов Шафф и Пшибось, в то время как Циранкевич разыгрывал благодушного хозяина и сокрушался по поводу того, что содержание «Письма» стало известно заграничной прессе⁴.

Тем временем секретарь В. Гомулки В. Намёткевич подготовил для своего шефа обширную записку о ситуации в СПЛ начиная с 1955 г. По словам Намёткевича, в 1955–1957 гг. в польском литературном сообществе начали задавать тон так называемые

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 103. Л. 134–136.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-267. К. 3.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-219. К. 25.

⁴ Gaston de Gerezay [S. Cat-Mackiewicz]. Polska Gomułki i List “34” // Kultura (Paryż), 1964. № 10. S. 18–20.

«левые интеллектуалы» (Е. Анджеевский, П. Гертц, Р. Карст, С. Полляк, К. Брандыс, Р. Матушевский, Я. Котт, А. Важик, В. Ворошильский, В. Вирпша, А. Мандалян, А. Браун, Я. Бохэнский и др.), которых поддерживали некоторые немарксистские деятели (С. Киселевский, Е. Завейский, П. Ясеница, Я. Ю. Липский), а также ряд партийных публицистов, учёных и чиновников (Л. Колаковский, Р. Зиманд, К. Волицкий, Р. Гранас, С. Сташевский, П. Бейлин, С. Арский, Э. Верфель, С. Жулкевский). Объединяющим моментом для всех этих людей служило «своеобразное понимание роли литературы, как «совести нации»... Своеобразие этого понимания опирается на полное отрицание роли партии как руководящей силы общества. По сути дела, речь идёт о противопоставлении литературы партийному руководству». Одну из исходных точек такой позиции Намёткевич усматривал в том, что для вышеуказанных людей «общим является поиск в (критикуемом ими) «сталинизме» причин собственных писательских неудач и всех бед литературы. Для многих из них понятие «сталинизм» отождествляется с социализмом». Всё это приводит к тому, что сообщество «левых интеллектуалов» «склонно принимать на себя функции политической оппозиции». К счастью, продолжал Намёткевич, в последнее время в Польше появилось поколение писателей, которые «серьёзно воспринимают голос партии... и не настолько циничны, как литераторы, что уже пережили все возможные «этапы» (Э. Брыль, С. Гроховяк, Ю. Ленарт, Б. Дроздовский и др.). Почему-то министерство культуры до недавнего времени пренебрегало ими, всячески поддерживая как раз «левых интеллектуалов». XIII пленум в июле 1963 г. положил конец этой порочной практике. Такую линию следует приветствовать. «Однако процессы, о которых идёт речь, имеют место в области сознания, поэтому решающее воздействие на них оказывает не деятельность аппарата, а более широкое явление – развитие общественно-политической жизни». Пока же «важнейшим вопросом в области взаимодействия партии и литературного сообщества является ежедневная политическая работа (издательского отдела министерства культуры). Все другие проблемы, как например количество бумаги, размеры гонораров, те или иные настроения, высказывания писателей являются второстепенными...». Отсюда следовал вывод: «пока министерство культуры не

введёт в руководство издательским делом серьёзных товарищей, будут продолжаться искусственно вызванные конфликты во взаимоотношениях партии и литературы»¹.

Интересна эволюция общественных настроений относительно «Письма» в донесениях Службы безопасности. В марте органы госбезопасности сообщали, что «в творческих сообществах господствует убеждение, будто это событие является продолжением серьёзной, согласованной политической акции так называемых «либералов» (представленных Слонимским, а также несколькими философами и социологами вроде Л. Колаковского), а также группы «бешеных» в парторганизации СПЛ (Ворошильский, Ли-сецкая, Вирпша и Браун). Часть из них... стремится к тому, чтобы скомпрометировать партийных литераторов из нынешнего руководства СПЛ и не допустить подлинного диалога между творческим сообществом и партийным руководством»².

В дальнейшем тональность донесений спецслужб начинает меняться. Из Вроцлава сообщали: «Содержание письма... местным журналистам и литераторам известно. Часть из них поддерживает его тезисы...»³. Краковское отделение Службы безопасности информировало: «Известие о том, что литераторы и учёные отправили письмо, дошло до научных сотрудников Ягеллонского университета разными путями из Варшавы и по радио «Свободная Европа». Это дело обсуждается ими негласно, и из различных высказываний следует, что большинство выражает скорее положительное отношение к содержанию письма ... По данным, полученным из литературного сообщества, следует, что в целом содержание письма поддерживается и принимается, однако осуждается то, что перед отправкой его премьеру оно было передано западным корреспондентам и распространялось по всей стране»⁴.

Из Ополя информировали: «В дискуссиях... первое место занимает широко распространённый слух о протесте... ведущих варшавских писателей и учёных против ограничения свободы искусства и науки... Говорят, что в отношении подписантов применены суровые меры... Материал для таких дискуссий предоставляет

¹ AIPN BU 0365/106 t. 1. K. 44-63.

² AIPN BU 01820/5 t. 1. K. 29.

³ AIPN BU 01820/5 t. 3. K. 72.

⁴ Ibid. K. 80-81.

главным образом «Свободная Европа»... Кроме того, в среде научных сотрудников... встречается мнение, что цензура в Польше придирчива до абсурда, затрудняя публикацию научных работ...»¹.

Из Гданьска доносили: «Учёные... комментируют «Письмо 34-х», обвиняя в сложившемся положении Правительство ПНР и Партию. Они утверждают, что среди писателей, направивших письмо, встречаются не только люди с устаревшими взглядами, но также и уважаемые личности, крепко связанные с Народной Польшей. Они считают, что... письмо к власти было протестом против ненормальной ситуации в польской литературе и культуре. Иного мнения придерживается техническая интеллигенция, занятая в кораблестроительной промышленности. Она решительно осуждает «Письмо 34-х», полагая его вредным в нынешней международной ситуации...»². В Лодзи председатель тамошнего отделения СПЛ заявил буквально следующее: «В любом случае это нам не повредит, а наоборот, морально поднимет в глазах власти и заграницы... Ведь в свете всех тех скандалов, что у нас творятся, нельзя было молчать»³.

В акцию по распространению «Письма» включилось студенчество. Первые экземпляры «Письма» попали в студенческую среду уже 18 марта через выпускника истфака Варшавского университета Е. Р. Новака. Их передал ему лично А. Слонимский с предупреждением, чтобы он никому не показывал этого документа, кроме своих знакомых. Представляется, что Слонимский намеренно кривил душой, подготавливая запасной ход на случай дальнейшего молчания правительства. И действительно, Е. Р. Новак передал «Письмо» своему знакомому Я. К. Стодольняку, который, во-первых, размножил его, а во-вторых, передал журналисту агентства Франс-Пресс⁴. Уже в начале апреля 1964 г., во время встречи католического публициста С. Киселевского со студентами в Ополе, звучали вопросы о том, стоит ли его подписать под обращением к премьеру⁵. 28 апреля, встречаясь со студентами Варшавского университета, о «Письме» упомянул Е. Путрамент. Он признал частичную правоту его авторов, однако осудил «ультимативный»

¹ AIPN BU 01820/5 t. 3. К. 85–86.

² Ibid. К. 98.

³ Ibid. К. 145.

⁴ AIPN BU 01820/5 t. 1. К. 239.

⁵ Ibid. К. 86.

характер «Письма», а также то, что оно послужило поводом для атак на Польшу со стороны западных СМИ¹. В конце апреля массовое распространение «Письма» было отмечено в Гданьском политехническом институте².

Другим источником сведений о «Письме» для студенчества явилось радио «Свободная Европа». Под влиянием его передач у некоторых студентов Варшавского университета (в частности, у известного впоследствии политика Я. Корвин-Микке) созрела мысль созвать митинг, который и состоялся 14 апреля на территории вуза. На нём было зачитано «Письмо 34-х», после чего ректор велел студентам немедленно разойтись. Известие об этом митинге быстро разнеслось по Польше. 16 апреля о нём на одном из научных собраний Вроцлава сообщил студент К. Коморницкий, 18 апреля листовки с призывом организовать свой митинг были разбросаны в одном из студенческих общежитий Кракова³.

Власть наносила контрудары сразу по нескольким направлениям. Очень быстро были выявлены и задержаны лица, причастные к распространению «Письма». Служба безопасности подготовила в начале июня доклад о «вдохновляющей роли парижской «Культуры» и радио «Свободная Европа» в деле «Письма 34-х». Кроме того, в конце мая был составлен рапорт о связях литературных оппозиционеров с бывшим первым секретарём варшавского комитета ПОРП Стефаном Шашевским (активным участником «Польского Октября», отправленным в отставку в феврале 1957 г.), причём в этом рапорте как бы невзначай упоминалось имя другого высокопоставленного «фракционера» — Р. Замбровского, к тому времени уже выведенного из состава ЦК⁴. Таким образом, подводилось основание под возможную политическую расправу с оппозицией.

В прессе была развёрнута массированная кампания, обвинявшая подписантов в том, что своими действиями они играют на руку враждебным центрам за рубежом. На них стало оказываться давление с целью заставить написать опровержение против «заграничных инсинуаций» о репрессиях, будто бы постигших под-

¹ Ibid. К. 95–96.

² AIPN BU 01820/5 t. 1. К. 100.

³ AIPN BU 01820/5 t. 3. К. 69–70.

⁴ Ibid. К. 154–157, 198–204.

писантов. Многие поддались этому натиску. 22 апреля в газете «Таймс» появилось заявление десяти польских учёных и литераторов, поставивших свои подписи под «Письмом» (А. Гейштор, К. Гурский, Л. Инфельд, К. Куманецкий, Ю. Кшижановский, Э. Липиньский, Я. Щепаньский, В. Серпиньский, В. Татаркевич, К. Выка), о том, что они отмежёвываются от «антипольской кампании», раздутой в западных СМИ, и решительно протестуют против измышлений о санкциях, обрушившихся на подписантов¹.

Заявление это нельзя воспринимать иначе как проявление растерянности, охватившей некоторых людей из числа 34-х. Так, 70-летний литературовед К. Гурский, явно смущённый резонансом, которое получило «Письмо», 1 апреля обратился в Службу безопасности Польши с подробным рассказом о том, как готовилась эта акция². 26 апреля он отправил заявление в газету «Жиче Варшавы» (редактируемую председателем Товарищества польских журналистов Х. Коротыньским), в котором каялся за своё участие в «Письме 34-х»³. Не избежал сомнений и физик Л. Инфельд – живая легенда польской науки, сотрудничавший некогда с Эйнштейном. Он подписал и «Письмо 34-х», и «Письмо 10-и», а затем выступил с собственным обращением к редактору еженедельника «Политика» М. Раковскому, в котором протестовал уже против ложной интерпретации «Письма 34-х» на страницах этого издания⁴.

Остальные подписанты «34-х» оказались более стойкими и отказались поставить свои подписи под «Письмом 10-и»⁵. Более того, польский Пен-клуб, председателем которого был один из подписантов Я. Парандовский, в начале мая большинством голосов отклонил проект резолюции, который отвергал протест исполкома Международного Пен-клуба против репрессий в отношении лиц, поставивших свои подписи под «Письмом 34-х»⁶. Тем временем власть развернула новую акцию, теперь уже среди литераторов, призывая их подписать протест против «вмешатель-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-267. К. 169.

² AIPN BU 01820/5 t. 3. К. 40-42.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-267. К. 165–167.

⁴ Gaston de Gerezay [S. Cat-Mackiewicz]. Polska Gomułki i List “34” // Kultura (Paryż). 1964. № 10. S. 21; AIPN BU 0236/175 t.2. К. 420.

⁵ Gaston de Gerezay [S. Cat-Mackiewicz]. Polska Gomułki... S. 20.

⁶ AAN PZPR KC 237/XVIII-267. К. 218–219.

ства радио «Свободная Европа» во внутренние дела Польши». С этой инициативой выступил член Политбюро З. Клишко, обращаясь к делегатам съезда писателей западных земель в Познани. Он назвал «Письмо 34-х» делом «нескольких поджигателей», озабоченных не благом польской культуры, а совсем иными целями, и находящимися под влиянием западной пропаганды¹.

Однако подписи пришлось собирать с большим трудом. Среди тех, кто отказался поставить свою подпись, оказалось свыше тридцати членов первичной парторганизации СПЛ (Ю. Стрыйковский, К. Брандыс, Я. Стшелецкий, Р. Карст, Т. Конвицкий, В. Ворошильский, Б. Хамера, Е. Помяновский, Я. Бохэньский, В. Вирпша и др.). Не поставил свою подпись и член Госсовета, лидер движения светских католиков Е. Завейский, отказался подписывать документ член христианско-социалистической организации ПАКС Я. Добрачиньский. Многих пришлось уламывать, грозя разными карами. Таким образом удалось собрать 600 подписей из 1 000². Но даже те, кто подписал протест, зачастую выражали своё недовольство сложившейся ситуацией. Так, А. Лисецкая заявила, что её очень беспокоит «всё уменьшающаяся возможность для откровенной и принципиальной дискуссии о литературе, культуре, культурной политике... фальшивая политика дискриминации и отталкивания близких нам идейно... партийных писателей и марксистских публицистов. Такую линию в творческом сообществе проводят редакции журналов «Культура» и «Вспулчественность» («Современность»)). Ей вторила В. Жулкевская: «Нужно сказать открыто, что с недавних пор писатели чувствуют себя в роли подсудимых...»³. Е. Помяновский, известный писатель и переводчик, сокрушался, что в «контрписьме» ничего не говорилось об устранении недостатков в культурной политике, и сожалел, что польская пресса механически объединяет авторов «Письма 34-х» с враждебными центрами за рубежом⁴. Некоторые краковские литераторы (в том числе знаменитая поэтесса В. Шимборская) высказывались в том духе, что «дело 34-х было очень неуклюже раскручено властью... протест (34-х) нужно было сразу опубликовать в

¹ Zyromski W. Zenon Kliszko i list „34” // *Kultura* (Paryż). 1964. № 12. S. 147.

² Юсупов Р.Р. Указ. соч. С. 292–293.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-267. K. 36–37.

⁴ *Ibid.* K. 141–142.

прессе с каким-нибудь коротким и слегка насмешливым комментарием... Теперь же это дело прогремело на всю страну, и фамилии подписантов, которые ещё недавно были неизвестны тысячам людей, ныне стали знамениты и популярны»¹.

Тем временем готовилась встреча первого секретаря ЦК ПОРП с Президиумом Правления СПЛ. В преддверии этой встречи Я. Ивашкевич передал Гомулке свои предложения по нормализации обстановки: отменить санкции против подписантов (в противном случае Ивашкевич намекал на возможность ухода с поста председателя Правления), увеличить количество бумаги на литературу, изменить состав цензоров, создать новый журнал вместо «Культуры», активнее подключать Правление СПЛ к разрешению возникающих споров, дать положительный ответ на просьбу М. Домбровской о личной встрече с Гомулкой². В итоге Гомулка встретился с членами Президиума, а к М. Домбровской поехал Е. Путрамент. Из всего этого литераторы сделали вывод: «четыре года делегация писателей добивалась встречи с Владыславом Гомулкой; но произошло это лишь после протеста 34-х. Стало быть, протест принёс результаты»³. Другим выводом было то, что конфликт начинает переходить «из фазы истерической в фазу историческую»⁴.

12 июня 1964 г. наступил следующий раунд борьбы. В этот день прошло общее собрание варшавского отделения СПЛ для избрания делегатов на съезд писателей, который должен был состояться в сентябре в Люблине. По итогам голосования в число делегатов попали шесть подписантов «Письма 34-х» (Я. Парандовский, А. Рудницкий, Е. Загурский, С. Киселевский, П. Ясеница, П. Гертц) и двадцать один литератор, отказавшийся принять участие в протесте против деятельности радио «Свободная Европа». Вообще эти последние и набрали наибольшее количество голосов. Одновременно проиграло выборы большинство писателей и публицистов, сотрудничавших с журналами «Вспулчесьность» и варшавская «Культура». С голосами в поддержку «Письма 34-х» выступили Н. Модзелевская (вдова министра иностранных дел

¹ AIPN BU 01820/5 t. 3. K. 141.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-267. K. 170-172.

³ AIPN BU 01820/5 t. 3. K. 140.

⁴ Ibid.

Народной Польши З. Модзелевского) и М. Домбровская. Из этих выступлений особенно яркой получилась речь Домбровской, в которой она дала отповедь словам З. Клишко, произнесённым на писательском съезде в Познани, перечислила все репрессии, постигшие подписантов, и потребовала прекратить их. Кроме того, знаменитая писательница заявила, что «Письмо 34-х» было не более чем сигналом о проблеме, а не протестом, и обвинила Я. Ивашкевича в том, что он не сумел стать посредником в улаживании конфликта¹. По информации Службы безопасности, материалы для этой речи готовили Ванькович, Киселевский, Слонимский и Ясеница². Речь Домбровской, как отметила Служба безопасности, «была встречена бурными аплодисментами и вставанием с мест большинства собравшихся»³.

После этого разгорелась горячая дискуссия, в ходе которой со стороны представителей Правления СПЛ и членов ПОРП слышалось немало критики в адрес Домбровской и «Письма 34-х», в то время как люди, не связанные с партией (С. Киселевский, С. Цат-Мацкевич, Я. Гжендзиньский, М. Ванькович, П. Ясеница, А. Сандауэр), активно защищали коллегу. «Ревизионисты» и литераторы левого толка (Котт, Анджеевский, Яструн, Слонимский, Важик) предпочли уклониться от спора и все как один отказались баллотироваться в делегаты съезда, когда Н. Модзелевская выступила с подобным предложением (равным образом отказалась делать это и М. Домбровская)⁴.

Резонанс от выступления Домбровской получился огромный. Впервые писательница такого уровня дала соответствующую оценку начинаниям партийной верхушки. Для З. Клишко, высоко ценившего творчество Домбровской, этот удар был особенно болезненным. Представители власти были немало раздосадованы этим. Но чтобы не усугублять дела, репрессии против подписантов были свёрнуты. Более того, как выразился затем В. Ворошильский, для писателей наступило время золотой вольности. Другой партийный писатель, В. Домбровский, отмечал, что с писателями вдруг стали встречаться члены ЦК, у них брали интер-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-267. К. 173–193.

² AIPN BU 0365/32 t. 2. К. 54.

³ AIPN BU 0365/32 t. 2. К. 39.

⁴ Ibid. К. 38-41; Gaston de Gerezey [S. Cat-Mackiewicz]. Polska Gomułki... S. 24–25.

вью на радио. Из этого он делал вывод: власть нервничает и меняет свои решения. К. Брандыс и В. Ворошильский, обнадёженные этими переменами, заявляли в узком кругу, что не собираются атаковать на съезде СПЛ политику партии, если только партийные власти сами не примутся их критиковать. В свою очередь Я. Секерская утверждала, что партийные делегаты развернут натиск на ПОРП с целью либерализации культурной политики, а руководство партии в свою очередь будет вынуждено изменить некоторые решения, принятые на XIII пленуме¹.

Люблинский съезд СПЛ прошёл 18–21 сентября 1964 г. В силу того, что съезд этот был юбилейным (отмечалось 20-летие Народной Польши), на нём, кроме министра культуры Т. Галиньского и руководителя Отдела культуры ЦК В. Красько, присутствовали В. Гомулка и З. Клишко. Открывая съезд, Я. Ивашкевич обрушился с резкой критикой на подписантов «Письма 34-х», припомнив некоторым из них (А. Важику, М. Яструну и К. Брандысу) ту неблагоприятную роль, которую они играли в период директивного насаждения соцреализма (т. е. в 1949–1956 гг.), и обвинив их в том, что оппозиция подорвала доверие ко всему литературному сообществу Польши. Ивашкевич взял под защиту деятельность СПЛ после 1945 г. и указал, что ситуация была бы куда лучше, если бы не «Письмо 34-х».

Затем слово взял В. Гомулка. Он подробно остановился на успехах Народной Польши, в том числе в области распространения культуры, не преминув уколоть литературную оппозицию: «только слепцы и люди, не высовывающие носа из варшавских кафе, могут этого не видеть». Далее первый секретарь ЦК ПОРП заявил, что кроме философии отчаяния есть ещё философия надежды, представленная марксизмом-ленинизмом. «И мы стремимся к тому, чтобы философия марксизма стала философией всех наших творческих работников». Развивая свою мысль, Гомулка неожиданно воздал должное Сталину, деятельность которого, по его словам, принесла Польше немало пользы². Речь Гомулки была встречена на ура «лояльными» литераторами, оппо-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-291. К. 12–17.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-281. К. 2–4, 22–25.

зация же предпочла отмолчаться, хотя в кулуарах выражала своё недовольство¹.

Единственным, кто отважился бросить вызов партийному лидеру, был С. Киселевский. Он потребовал большей свободы для людей, выступающих с иными взглядами, чем партия (имея в виду католиков) и противопоставил Польше современную Венгрию, где, по его мнению, ситуация со сторонниками немарксистского мировоззрения обстоит куда лучше. За эту речь Киселевский подвергся обструкции на съезде и единодушному осуждению в его кулуарах (причём укоряли его даже католические писатели). Из всех депутатов лишь В. Ворошильский, А. Киёвский и А. Браун поздравили публициста с хорошей речью, что, впрочем, не вызвало у Киселевского ничего, кроме иронии. По его мнению, поведение коммунистов вроде Ворошильского и Брауна представляло на посмешище то мировоззрение, которое они представляли². Прения разгорелись лишь под занавес съезда, когда началось обсуждение проекта изменений в устав СПЛ. Одной из предлагаемых поправок являлось то, что членом СПЛ может быть только гражданин Польши. Если бы поправка прошла, из состава Союза польских литераторов были бы исключены лица, эмигрировавшие из страны (например, М. Хласко). Однако в ходе бурной дискуссии данное изменение было отклонено.

Это обеспокоило работников «идеологического фронта». Они разработали комплекс предложений, которые должны были предотвратить появление «единого фронта оппозиции»: 1) развёрнутый ответ В. Гомулки на речь М. Домбровской и ознакомление с ним всех отделений СПЛ; 2) принятие Секретариатом ЦК решения по поводу партийных писателей, отказавшихся подписать «контрписьмо»; 3) организация исполкомом первичной парторганизации СПЛ при участии Секретариата варшавского комитета ПОРП и Отдела культуры ЦК собрания первичной парторганизации для обсуждения идейно-политического лица партийного писателя; 4) проведение в конце года отчётно-выборной конференции первичной парторганизации варшавского отделения СПЛ; 5) более активное привлечение исполкомом первичной парторганизации в ряды ПОРП беспартийных, но сочувствующих писате-

¹ Ibid. К. 18–26.

² Ibid. К. 5–6; AAN PZPR KC 237/XVIII–291. К. 18–23.

лей, особенно из числа молодых; б) собрания в первичных парт-организациях провинциальных отделений СПЛ для разъяснения политики партии и политической ситуации в литературном сообществе. Авторы предложений также приняли во внимание записку Намёткевича и предложения Ивашкевича, с которыми последний выступал как на страницах прессы, так и в личных письмах к руководству ПОРП. Работники Отдела культуры рекомендовали обновить состав цензоров, активнее взаимодействовать с литературным сообществом в деле реализации политики партии, дать добро на создание некоторых литературных журналов (отказав в таковом варшавским писателям) и уладить материальные проблемы литераторов¹.

5 октября 1964 г. прошло открытое собрание первичной парторганизации СПЛ в Варшаве. На нём большую полемическую речь произнёс З. Клишко. Поскольку его выступление задумывалось как опровержение тезисов М. Домбровской, на собрание были приглашены все члены варшавского отделения СПЛ. «Никогда ещё ни одно собрание во дворце на Краковском Пшемесье (местопребывание варшавского отделения СПЛ – В.В.) не пользовалось такой популярностью, – отмечает свидетель событий. – В зале не хватало мест не только для сидящих, но даже для стоящих, так что пришлось открыть двери в переполненный коридор»². Сначала была зачитана стенограмма выступления М. Домбровской на собрании варшавского отделения СПЛ 12 июня (сама писательница была больна и не присутствовала на собрании), затем слово предоставили З. Клишко. Его речь была наполнена многочисленными риторическими выпадами против А. Слонимского и М. Ваньковича, которых власть сочла главными виновниками создавшейся ситуации в связи с «Письмом 34-х». Опираясь на материалы следствия, представитель партийной верхушки представил весь ход событий как хорошо спланированную акцию по дискредитации Народной Польши³.

После того, как он сошёл с трибуны, председательствующий Е. Путрамент предложил всем желающим высказать своё мнение по поводу услышанного. С ответными речами выступили некото-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-291. S. 18–21.

² Żyromski W. Zenon Kliszko i list „34” // Kultura (Paryż). 1964. № 12. S. 148.

³ AAN PZPR KC 237/XVIII-267K. 53–76.

рые беспартийные подписанты «Письма 34-х» (А. Слонимский, П. Ясеница, А. Сандауэр), а также ряд других литераторов. В примирительном духе было выдержано выступление Я. Ивашкевича, который признал частичную ответственность власти за произошедшее, и заявил: «ни на минуту не допускал я мысли, что «Письмо 34-х» было написано на потребу заграницы». В конце собрания вновь поднялся Клишко и в довольно взволнованном тоне (вероятно, экспромтом) принялся объяснять присутствующим мотивы тех или иных поступков власти в деле «Письма 34-х». Комментируя призыв Слонимского возродить завоевания Октября 1956 г. в области культуры, Клишко заявил: «Слонимский говорит – нужно изменить ситуацию! А я хочу сказать – ситуация уже была изменена в 1951–1954 гг.». Высокопоставленный чиновник вдруг пустился в воспоминания о том, как он два раза сидел в тюрьме – сначала в довоенной Польше за коммунистическую деятельность, а потом в ПНР по обвинению в правонационалистическом уклоне, и оба раза читал в камере «Ночи и дни» Домбровской. «Не хочу слишком много говорить об этом, особенно потому, что для нас, коммунистов, эти вопросы были и остаются очень болезненными... в силу этого мы не могли обойти молчанием выступление пани Домбровской... Подчёркиваю – мы не говорим о некоторых аспектах культурной политики, не говорим о тех или иных достижениях или распоряжениях цензуры, не говорим даже о наших собственных ошибках. Мы действуем не в пустоте, а в определённой реальности, в определённых условиях, и нам важно было представить политический смысл всего того, что было вызвано «Письмом 34-х»¹.

Вопреки ожиданиям власти, это собрание оказалось скорее победой оппозиции. Литературные фрондёры поздравляли Слонимского с блестящей речью, лояльные же текущей политике партии писатели и публицисты выражали своё недовольство тем, что собрание вновь вернулось к разрешённому, казалось бы, вопросу².

Однако у властей были и иные методы убеждения. В октябре 1964 г. были схвачены сразу три заслуженных писателя, чья деятельность обратила на себя внимание спецслужб. Прежде всего, под удар попал М. Ванькович, чьё апрельское письмо в американ-

¹ AIPN BU MSW II 3068. K. 1-25.

² AIPN BU 0365/106 t. 1. Informacja № 0100.

ское посольство было перехвачено и отправлено для ознакомления в ЦК. На этой основе начала разрабатываться акция по очернению писателя¹. Вскоре Ванькович был арестован. Поводом для ареста, впрочем, стало не это письмо, а его переписка с дочерью, жившей в США. Перлюстрируя эти послания, Служба безопасности обнаружила подозрительное сходство между их содержанием и текстами некоторых передач радио «Свободная Европа». Вечером 5 октября (сразу после общего собрания варшавского отделения СПЛ) Ванькович был препровождён в КПЗ по обвинению в распространении сведений, порочащих Народную Польшу. Писатель повёл себя решительно и потребовал встречи с Гомулкой или министром внутренних дел М. Мочаром. К удивлению многих, министр согласился на встречу и провёл с писателем четырёхчасовую беседу в здании городского управления милиции.

Это, однако, не предотвратило судебного разбирательства. Процесс прошёл в начале ноября. Доверенным лицом Ваньковича выступал Ясеница, а СПЛ представлял Гертц. В качестве свидетелей защиты обвиняемый привлёк людей, которые сильнее других были настроены против него: И. Неверли, К. Козьневского, Б. Чешко. Все они, несмотря на глубокие идейные расхождения, вынуждены были признать, что Ванькович никогда не вёл враждебной деятельности против ПНР. В своей последней речи писатель заявил, что его процесс – это продолжение той линии, которая началась с «Письма 34-х» и отказа нескольких десятков партийных литераторов подписать «контрписьмо». В итоге Ванькович был приговорён к трём годам заключения, но срок был сразу же сокращён на полтора года по случаю амнистии, а потом и вовсе признан условным. Спустя два месяца после выхода на свободу, в начале января 1965 г., писатель был принят Гомулкой². Причиной столь мягкого наказания, как можно думать, была не только известность Ваньковича, но и солидный возраст писателя. Как говорил в личной беседе адвокат Я. Ольшевский: «Отправка Ваньковича в тюрьму исключена. Никто не захочет рисковать, если Ванькович умрёт в заточении»³.

¹ Ibid.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-267. K. 87–98; Gaston de Gerizay [S. Cat-Mackiewicz]. Trzy zagadki sprawy Wańkowicza // Kultura (Paryż). 1965. № 1–2; Eisler J. Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 146–147.

³ AIPN BU 0236/175 t. 2. K. 406.

В октябре 1964 г. началось следствие по делу Я. Н. Миллера – 74-летнего поэта и театрального критика, участника социалистического подполья в период оккупации. Подобно Ваньковичу, он обвинялся в распространении сведений, порочащих ПНР. В вину ему вменялось написание и передача в польскоязычное лондонское издание «Вядомощче» («Ведомости») ряда статей, чрезвычайно резко атакующих правящий режим Польши. 11 ноября в доме Миллера был проведён обыск, в ходе которого был найден ряд документов, неопровержимо доказывающих его вину¹. Миллер вынужден был признать своё авторство. Он пытался оправдать свои действия тем, что всего лишь хотел открыть глаза власти на положение в стране, и вынужден был прибегать к услугам эмигрантских изданий, поскольку отечественные его не печатали. 14 июня 1965 г. он отправил письмо Гомулке, напоминая первому секретарю о своих заслугах перед левым движением до 1939 г. и указывая на сугубо марксистский характер своей критики², но это не спасло его от расправы. В сентябре 1965 г. Миллер был приговорён к трём годам заключения (вскоре срок был сокращён до 18 месяцев с отсрочкой на два года) и лишён специальной пенсии, признанной ему властями Народной Польши за общественную деятельность до войны.

Под ударом оказался и друг Миллера писатель Я. Гжендзинский. Его оппозиционная деятельность носила более явный характер. Он был ярким участником дискуссий в Клубе Кривого колеса и в Товариществе моральной культуры. В частности, на обсуждении доклада Л. Колаковского «Похвала лицемерию», произнесённом 30 января 1963 г. в «ТМК», Гжендзинский цитировал слова французского мыслителя XIX века Б. Константа об узурпации и тирании как системах власти, и упирал на общественные корни человеческого лицемерия. «Его выступление, – говорилось в докладе Службы безопасности, – не встретило критики и широко обсуждалось среди интеллигенции. Каждый понимал, о чём идёт речь»³. 23 марта 1964 г. Миллер сообщил Гжендзинскому о «Письме 34-х», и посетовал, что авторы не включили их в число подписантов. Дабы исправить это, он предложил на-

¹ AIPN BU 0365/32 t. 2. K. 111–113.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-267. K. 118–129.

³ AIPN BU 0365/9 t. 2. K. 54.

писать собственное письмо аналогичного содержания¹. Уже на следующий день Гжендзиньский написал такое письмо и отправил его премьеру².

Писатель демонстративно отказался подписать «контрписьмо» против радио «Свободная Европа», инициированное первичной парторганизацией СПЛ, и выслал по этому поводу обширное послание в правление Союза. Копию этого послания он отправил на имя своей бывшей жены в Марокко с просьбой передать его в «Культуру» и «Свободную Европу». Позже Гжендзиньский отправил по тому же адресу подробное описание общего собрания варшавского отделения СПЛ 12 июня (где с громкой речью выступила М. Домбровская), однако это письмо было перехвачено Службой безопасности. В отношении писателя была начато следствие, 16 октября 1964 г. в его доме был произведён обыск. Незирая на это, Гжендзиньский продолжал передавать за границу информацию «опасного характера», кроме того, предлагал Гедройцу организовать фонд «литературного Красного креста» для помощи репрессируемым писателям, и обсуждал с Миллером и Ваньковичем идею написания совместной работы «Три дела», в которой были бы представлены обстоятельства их уголовного преследования³. 6 ноября он отправил письмо З. Клишко, в котором требовал ослабить цензуру и прекратить нелепые изъятия его рукописей из издательств. «Если одни пишут в стол, то я по сути пишу непосредственно для СБ», — возмущался писатель⁴. Власть долгое время не предпринимала в отношении Гжендзиньского решительных мер — возможно, не желая лишний раз нагнетать страсти, и без того накалённые «Письмом 34-х» и другими судебными процессами того года.

Однако в июне 1965 г. обнаружился ещё один писатель, отправлявший свои статьи за рубеж — С. Цат-Мацкевич, бывший премьер эмигрантского правительства и известный политический публицист. Начиная с октября 1964 г. он отправил несколько статей об актуальных событиях в парижскую «Культуру». Некоторые из этих статей попали за рубеж в одной посылке с материа-

¹ AIPN BU 0236/175 t. 2. K. 414.

² AIPN BU 0365/32 t. 2. K. 93.

³ Ibid. K.88-109; AIPN BU 0365/9 t. 2. K. 231–233; AIPN BU 0365/106 t. 1. K.8–15.

⁴ AAN PZPR KC 237/XVIII-267. K. 133.

лами Гжендзиньского. Это заставило Службу безопасности заподозрить наличие тесного сотрудничества двух авторов. В квартире Мацкевича было проведён обыск, он был вызван на допрос в прокуратуру¹.

Гжендзиньский, вторично уличённый в «порочных» связях, стал писать письма министру культуры и в Президиум ЦК ПОРП, где уже открыто требовал свободы творчества и заявлял о прогрессирующем кризисе литературы, причиной которого, по его мнению, была политика правящего режима ПНР². В итоге писатель был исключён из СПЛ. В отношении же Мацкевича следствие было прекращено – очевидно, в силу преклонного возраста литератора (вскоре он скончался).

3. Излёт «оттепели»: дело Колаковского и репрессии 1968 г. В первой половине 1965 г. бурление в СПЛ, казалось бы, затихло. Впрочем, некоторые литераторы приняли участие в защите молодых оппозиционеров Я. Куроня и К. Модзелевского, обвинённых в антигосударственной деятельности. В 1964 г. Куронь и Модзелевский написали и распространили «Открытое письмо к партии», в котором с троцкистских позиций критиковали правящий режим и пророчили новую революцию в Польше. Суд над ними прошёл в июне 1965 г. Доверенными лицами обвиняемых стали М. Брандыс и Л. Колаковский. Как стало известно Службе безопасности, Колаковский заявлял в своём кругу: «Модзелевского и Куроня судят люди, которые стоят на страже полицейской системы. Этот процесс является признаком страха власть имущих и доказательством отсутствия свободы в Польше». После того, как обвиняемых приговорили к нескольким годам тюремного заключения, защита подала апелляцию, а доверенными лицами Куроня и Модзелевского с подачи Я. Ю. Липского стали А. Слонимский, Л. Колаковский, Л. Инфельд и Т. Котарбиньский. Специально для суда Колаковский совместно с социологом М. Осовской и философом Т. Котарбиньским составил экспертное заключение о том, что следует считать сведениями, а что – взглядами (подсудимых обвиняли в распространении сведений, порочащих Польшу). Заключение это к рассмотрению принято не

¹ AIPN BU 0365/106 t. 1. K. 1–10.

² AAN PZPR KC 237/XVIII-267. K. 134–140.

было. Адвокат А. Стейнсберг открыто заявила, что статья, по которой судят обвиняемых, превратилась в орудие подавления оппозиции. Словно в подтверждение этих слов суд оставил в силе прежнее решение¹.

Тем временем Правление варшавского отделения СПЛ разработало обращение к властям, в котором просило обратить внимание на ряд материальных и технических вопросов, связанных с работой писателей, а кроме того, вплотную заняться вопросом цензуры. На этот раз, в отличие от 1964 г., работники советского посольства тщательно отслеживали ситуацию. В начале октября 1965 г. они докладывали: «В течение последних двух лет в отделениях Союза польских писателей и, прежде всего, в варшавской организации определённая категория литераторов правого толка периодически выдвигает разного рода обвинения в адрес партии и правительства, утверждая, в частности, что в стране «отсутствует свобода творчества», а власти проводят политику политической, идеологической и экономической «дискриминации» писателей. Непосредственно под влиянием некоторых ревизионистски настроенных писателей пленум варшавского отделения СПП в начале мая с.г. принял решение разработать специальный документ с целью сформулировать пожелания и претензии писателей в отношении партийного и государственного руководства страны»².

По данным посольства СССР, авторами этого документа явились: председатель варшавского отделения СПЛ И. Неверли, член парторганизации А. Браун и «один из лидеров наиболее правого крыла польских писателей» П. Гертц. Согласно мнению советских дипломатов, документ стал «своего рода политической и идеологической платформой». Особое внимание работники посольства обратили на такую фразу из документа: «Несмотря на явно плачевные результаты подобного положения у соседей (т. е. в СССР – В.В.), где в течение полувека происходит выхолащивание и умаление искусства, мы не можем сделать для себя соответствующих выводов, хотя и наш собственный 20-летний период должен открыть глаза». По свидетельству авторов отчёта, польские власти предприняли некоторые шаги, чтобы не допус-

¹ АІРN ВU 0365/8 т. 2. К. 229–244.

² РГАНІ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 149. Л. 133.

титель распространения документа, но не решились на жёсткие меры, ибо это «только осложнило бы обстановку в СПЛ и дало бы западной пропаганде повод для проведения широкой антипольской кампании»¹.

В преддверии очередного съезда СПЛ второй секретарь советского посольства А. Н. Гаганов 21 ноября 1965 г. встретился с секретарём парторганизации варшавского отделения Союза Ю. Лернартом. Тот отчитался о мерах по нейтрализации писательской фронды и подытожил: «несмотря на трудности, съезд писателей в Кракове должен пройти спокойно, тем более что правые, либерально-буржуазные элементы в писательской среде фактически оказались изолированными»².

Другой сотрудник посольства СССР Г.С. Головенков в конце ноября – начале декабря 1965 г. трижды посетил в больнице заведующего Отделом культуры ЦК ПОРП В. Красько, который находился там на лечении. Красько подробно проинформировал его о писательском съезде. Для начала он поведал о партийных собраниях в преддверии съезда и мероприятиях по отсеиванию неблагонадёжных литераторов. «При этом, – заметил партократ, – важно было оказать влияние на группу ревизионистски настроенных писателей и прежде всего на К. Брандыса, В. Ворошильского, Л. Колаковского, Я. Бохэньского, А. Лисецкую и др.

В Центральном Комитете снова обсуждается вопрос об исключении их из партии. Некоторые склонялись к этой мере. Но были и противники, а среди них Е. Путрамент, который считает, что это может развязать им руки». В итоге решили посмотреть, как эти литераторы поведут себя на съезде. Упомянул Красько и об обращении Правления к властям: «Не подлежит сомнению, что инспирировали эту акцию люди типа А. Слонимского и Гертца, а председатель варшавского отделения И. Неверли, человек колеблющийся, был использован ими для прикрытия. В результате принятых мер (с Неверли разговаривали в партийном комитете Главного правления СПЛ, в варшавском городском комитете ПОРП и в ЦК партии) текст «Мемориала» был переработан». По оценке заведующего Отделом культуры, «собрание варшавского отделения, которое состоялось в начале ноября, явилось первым

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 149. Л. 133–137.

² Там же. Л. 214.

поражением многих антисоциалистически настроенных литераторов...», т. к. в делегаты съезда не прошли такие оппозиционеры как Анджеевский, Ясеница, Киселевский, Гертц, Рут-Бучковский, Модзелевская. «Вместе с тем на варшавском собрании была избрана в делегаты почти вся «партийная фронда» – К. Брандыс, Колаковский, Ворошильский, Бохэньский и др. В то же время при голосовании забаллотировали кандидата в члены ЦК Леннарта, Матушевского и некоторых других».

30 ноября с партийными делегатами встретился в здании ЦК заведующий Бюро прессы А. Старевич. «Главной целью этого мероприятия было сковать действия «фронды», не допустить, чтобы её представители выступали на съезде с антипартийных позиций и блокировались бы с правыми элементами. Такая постановка вопроса, естественно, им не понравилась. Некоторые из них пытались возражать, однако совещание в целом прошло нормально, если не считать заявления И. Неверли о том, что он отказывается ехать на съезд в знак протеста против применения со стороны ЦК «административного» нажима. Он действительно на съезде не присутствовал». По утверждению Красько, «съезд прошёл остро, но в то же время показал, что большинство писателей стоит, в общем, на правильных позициях... Наиболее одиозным было выступление А. Слонимского, который практически обвинял партию и правительство в то, что они «отошли от Октября», пытался дискредитировать политику ПОРП в области культуры...». Красько сообщал: «Основной бой они (оппозиционеры – В.В.) намеревались дать по составу Главного правления. Накануне выборов, в гостинице, где жили делегаты съезда, было созвано совещание писателей – членов партии. Оно было бурным и продолжалось до 3 часов утра». В противовес кандидатам, «намеченным в ЦК партии», оппозиция предложила свой список, но он набрал лишь семь голосов. Таким образом, резюмировал секретарь ЦК, «на съезде в Кракове... партийная «фронда» не только не добилась успехов, но и потерпела поражение»¹.

Того же мнения был и Путрамент, который встретился с Головенковым 28 декабря в неофициальной обстановке, чтобы обсудить возможность выехать в Москву для представления в ЦК КПСС предложения Главного правления СПЛ о созыве в Варша-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 149. Л. 208–213.

ве встречи руководителей союзов писателей социалистических стран. Путрамент оценил число оппозиционеров в 13–15 человек и заявил, что их лидером является К. Брандыс, вслед за которым идут Л. Колаковский и А. Браун. Всех их, сказал Путрамент, пора исключить из партии¹ (очевидно, писателя вдохновила неудача оппозиции на съезде, и он присоединился к сторонникам решительных действий).

Иное мнение высказал директор польского телевидения С. Бенбенек, с которым поговорил Гаганов на приёме в советском посольстве 9 декабря 1965 г. По мнению Бенбенека, Слонимский и ему подобные были потерянными для социализма людьми. «На социалистический строй в Польше они смотрят как на случайность, как на что-то, навязанное польскому народу. По их разумению, такой режим держится полицейскими мерами, как например, очень долго существует антинародный строй в Испании или Португалии». Другое дело – партийцы. Многих из них (Конвицкого, Брандыса) не хотелось бы терять для партии. В конце концов, их сначала, до 1956 г., призывали к одному, а потом ситуация изменилась. Впрочем, добавил Бенбенек, сами они «не выходят из партии, потому что им удобнее нападать на партию изнутри». Зато Ивашкевич, давая оппозиции отпор на съезде, «проявил прямо-таки партийную сознательность»².

Подытоживая все эти данные, Гаганов писал в конце декабря: «Деятельность различных, внешне не всегда чётко оформленных группировок и течений, выступающих с либерально-буржуазных и антипартийных позиций, составляет главную причину существующей в течение последних лет напряжённости внутри Союза польских писателей». Либерально-буржуазные авторы (к которым дипломат, не мудрствуя лукаво, отнёс таких разных людей как Слонимский, Герц, Выка, Важик, Цат-Мацкевич, Котт и Киселевский), по мнению Гаганова, не верили в социализм и надеялись на его перерождение в социал-демократию. Именно они, как утверждал дипломат, были инициаторами «Письма 34-х». К этой же группе он отнёс и «сотрудничающих с западными разведками» Гжэндзиньского и Миллера. Другое крыло оппозиции, по мнению автора отчёта, составляли ревизионисты: К. Брандыс, Ворошиль-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 149. Л. 219–220.

² Там же. Л. 216–218.

ский, Полляк, Бохэньский, Карст, Браун, Слуцкий и Колаковский. Эти особенно отличились тем, что отказались участвовать в коллективном письме против вмешательства радио «Свободная Европа» во внутренние дела Польши. Многие из них, как утверждал Гаганов, стали ревизионистами в 1956 г., желая избежать ответственности за предыдущий период. Оппозиция, заявлял дипломат, не ценит материальной заботы правительства о писателях, а умеет только рассылать письма и заявления. К счастью, теперь она существенно ослабела. «XV съезд СПЛ объективно отразил положительные сдвиги, которые постепенно происходят в Союзе писателей в результате кропотливой идейно-воспитательной и организационной работы партийных инстанций»¹.

Однако временами в отчётах советских гостей содержались и другие оценки. Так, например, писатели Д. Гранин и В. Фролов, побывавшие в Польше 20 мая – 8 июня 1965 г., высказали критические замечания относительно того подхода к писателям, который господствовал в посольстве СССР. Они сообщали: «показалось, что наше посольство в Варшаве в своих контактах с польскими писателями пользуется односторонней информацией. Эта информация, очевидно, идёт от Ежи Путрамента, хорошего писателя и нашего настоящего друга. Однако Путрамент иной раз пользуется сам случайными источниками, он вспыльчив, эмоционален по характеру, субъективен в оценках... Головенков считает Северина Поляка злостным ревизионистом и обвиняет консультанта Иностранной комиссии СП СССР тов. Борисова в том, что тот принимал его в Москве, где он был главой делегации польских писателей. Такой старый друг нашей литературы, переводчик Маяковского, человек, знавший Маяковского по приездам поэта в Варшаву, как Стерн, также заносится Головенковым в ревизионисты. Дравич, поэт и переводчик, написавший книгу к 50-летию советской власти о советской литературе, по характеристике Головенкова оказался «опасным», а его жена Вера, по национальности русская, проработавшая много лет в секции поэзии в Московском отделении союза писателей – «антисоветским человеком». Гранин и Фролов констатировали: «Литературная обстановка в Польше сложна. Буржуазная реакция с Запада пытается любыми средствами оказать влияние на польских писателей.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 149. Л. 221–231.

В связи с этим нельзя не отметить такой факт: некоторые крупные польские писатели постоянно издаются на Западе (Анджеевский, Брандыс, Мрожек, Братны), получают от издателей большие деньги, часто бывают в буржуазных странах, живут там длительное время. Сами польские писатели неоднократно говорили нам, что в СССР попасть труднее, что Союз польских писателей может удовлетворить запросы писателей в ограниченных масштабах. Нельзя также забывать, что идут споры и среди писателей-коммунистов. В этой обстановке руководство ПОРП держит курс на консолидацию, на разрешение сложных вопросов «мирным» путём. Характерен такой пример. Недавно один из писателей, подписавших «Письмо 34-х», Ян Парандовский, был награждён высшей правительственной наградой. Похороны Домбровской прошли со всеми почестями. Мы смотрели фильм, посвящённый писательнице, где засняты её похороны». В ходе визита советским гостям довелось побывать на съезде писателей северных и западных земель, где присутствовал З. Клишко. В беседе с ними чиновник «подчёркивал, что есть границы взаимоотношений государства и писателей, и что партия не будет безразлично относиться к тем литераторам, которые переступили эти границы... Он был откровенен в разговоре о Сталине, вспоминал случаи, когда Сталин проявлял тактичность и понимание польских интересов. Можно сделать вывод, что польское руководство, обеспокоенное высказываниями некоторых «левых», не спешит с организационными мерами по отношению к таким писателям, считающимися «оппозиционными коммунистами», как Брандыс, и также подписавшим пресловутое «Письмо 34-х», и ищет путей «мирного» разрешения всех острых проблем...»¹.

Следующий, 1966 год, прошёл в СПЛ под знаком Л. Колаковского. 21 октября философ принял участие в собрании студентов Варшавского университета, посвящённом десятилетней годовщине событий «Польского Октября». На этом собрании Колаковский выступил с докладом, в котором заявил, что достижения того периода попораны и Польша скатывается обратно к сталинизму. Его речь была записана на плёнку секретными сотрудниками Службы безопасности и послужила причиной исключения Колаковского из партии в ноябре 1966 г. Это стало сенсацией.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 150. Л. 19–23.

Когда 15 ноября З. Клишко на партконференции Варшавского университета сообщил о лишении Колаковского членства в ПОРП, в поддержку учёного выступило несколько профессоров¹.

19 ноября письмо с протестом против исключения Колаковского направил ряд членов первичной парторганизации СПЛ: П. Бейлин, Я. Бохэньский, М. Брандыс, В. Домбровский, Ф. Беньковская, Т. Древновский, М. Гжешак, Т. Конвицкий, И. Неверли, С. Полляк, Л. Пшемский, А. Слуцкий, Ю. Стрыйковский, В. Вирпша, В. Ворошильский. Чуть позже к ним присоединились Р. Матушевский и М. Мирский. В большинстве своём это были люди, до той поры не замеченные ни в каких оппозициях, вдобавок некоторые из них имели за плечами членство в довоенной Компартии. Свой протест они обосновывали тем, что исключение такой выдающейся личности как Колаковский, может повредить образу партии в глазах общества².

24 ноября философ направил собственное послание в Политбюро ЦК, в котором просил вернуть ему членство в ПОРП, но от слов своих не отказывался, говоря, что нужно исправлять те стороны жизни, которые противоречат социализму и программе партии, а не репрессировать людей, которые на них указывают³. ЦК образовало комиссию для рассмотрения вопроса с письмом протеста. В ночь с 25 на 26 ноября 1966 г. комиссия провела беседы с подписантами. Ни один из них, как выяснилось, не присутствовал на пресловутом собрании и не слышал речи Колаковского, поэтому каждому дали прочесть запись выступления, основанную на плёнках СБ. Все сходились во мнении, что речь путанная и вообще малопонятная. Причину этого усматривали либо в неспособности машинистки, печатавшей текст, верно передать смысл сказанного, либо в плохом состоянии Колаковского, страдавшего от туберкулёза. Тем не менее, ни один из авторов письма не отозвал своей подписи. В своих объяснениях все старались отвести от Колаковского обвинение в антипартийной позиции, упирая на то, что несогласие с текущей политикой ещё не означает перехо-

¹ Eisler J. Polski rok... S. 154-155.

² AAN PZPR KC XI/961. K. 13-14; Eisler J. Polski rok... S. 148-149.

³ List L. Kołakowskiego do Biura Politycznego KC PZPR // Listy do pierwszych sekretarzy KC PZPR (1944 – 1970). Wybów i opracowanie J. Stępień. Warszawa, 1994. S. 251-254.

да во вражеский (то есть социал-демократический) лагерь¹. В итоге для Конвицкого, Бейлина, Беньковской, Бохеньского, Гжешака, Неверли, Полляка, Вирпши и Ворошильского было приостановлено членство в партии. И. Неверли, не дожидаясь исключения, сам положил билет на стол. Всех подписантов попросили написать заявление в Центральную комиссию партийного контроля (Т. Конвицкий отказался сделать это).

В начале декабря Политбюро получило ещё одно письмо аналогичного содержания, подписанное на этот раз Е. Помяновским, Ю. Стройновским, А. Пивоварчиком, Р. Карстом и В. Завадским. 6 декабря с ними провели беседы руководитель Отдела культуры ЦК В. Красько, шеф Бюро прессы ЦК С. Ольшовский и секретарь ЦК А. Старевич. Авторы второго письма также не знали содержания речи Колаковского, и в своём поступке руководствовались теми же мотивами, что и их предшественники. В. Завадский без обиняков заявил, что в таких понятиях как «ревизионизм» и «догматизм» вместо обстоятельной дискуссии господствует старый принцип «чья власть, того и вера»².

На протяжении декабря с подписантами первого письма было проведено ещё несколько бесед, которые ничего не изменили по сути. В январе 1967 г. Завадский, Бохеньский, Бейлин и Конвицкий были исключены из ПОРП. В свою очередь Полляк, Ворошильский, Слуцкий, Стрыйковский, М. Брандыс и Пивоварчик сами вышли из партии. Чуть раньше сделали это К. Брандыс и Р. Карст. В Кракове от партбилета отказалась будущая нобелевская лауреатка В. Шимборская. Некоторые из покинувших ряды партии, впрочем, оговаривались, что их решение ни в коей мере не означает, будто они разочаровались в коммунизме. «После 22 лет пребывания в партии, – писал С. Полляк, – после 43 лет участия в социалистическом движении я не перестал и не перестану быть коммунистом... тем не менее в сложившейся ситуации считаю невозможным оставаться в рядах партии». «Двуличным быть не умею, – писал М. Брандыс, – а в роли партийного оппозиционера чувствую себя невыносимо, поскольку за 24 года привык верить, что партия – это единственная сила, способная изменить к лучшему страну, в которой я живу»³.

¹ AAN PZPR KC XI/961. К. 15–67.

² AAN PZPR KC XI/961. К. 96; Eisler J. Polski rok... S. 150–151.

³ AAN PZPR KC XI/961. К. 119–126.

9 декабря прошло закрытое заседание первичной парторганизации СПЛ. Оно было посвящено рассмотрению создавшейся ситуации и оказалось едва ли не самым горячим с 1956 г. В нём принимали участие секретари ЦК А. Старевич и В. Красько. Об атмосфере, царившей на собрании, свидетельствует хотя бы тот факт, что авторы информационной записки, описывавшей его ход, посчитали наиболее сдержанной речь А. Лисецкой, которая среди прочего заявила: «Если учитель отправляет большую часть класса в угол, значит, что-то неправильно в учителе, а не в классе»¹. В наиболее общем виде выступления партийных писателей, по замечанию авторов записки, сводились к следующему: «1. Колаковский – выдающийся учёный. Его исключение приносит нам вред. Колаковский не является ни врагом партии, ни антимарксистом. 2. В целом Колаковский прав. Хотя нельзя согласиться со всеми его утверждениями, общее содержание речи не может считаться враждебным. 3. Необыкновенно жёстко осуждались плёнки как основание для выводов. Осуждалось также присутствие органов безопасности в Варшавском университете. Выдвигались требования представить авторизированный текст речи Колаковского. 4. Колаковский выбрал неподходящую форму для своей речи, неподходящее место и неподходящую публику. Но члены партии имеют право на ошибки. 5. Очень бурно обсуждался Неверли. Несколько голосов (Секерская) было в том смысле, что он не должен был отдавать партбилет... 6. Вспоминались другие выходы из партии. Матушевский необычайно остро (пожалуй, в первый раз так) в отчаянной и драматичной речи, по сути, объявил, что не хочет быть в партии, где нет достойных писателей. 7. Драматичным было также выступление всегда очень спокойного Древновского... 8. Звучали нападки на отсутствие свободы и демократии. 9. Совсем не говорилось о деле Куроня и Модзелевского... 10. Отрицались такие понятия, как ревизионизм и социал-демократия. Утверждалось, что в нынешнем коммунистическом мире, где всё смешалось, они ничего не значат. Были призывы занять позицию Итальянской, а не Китайской компартии... 11. Единственный и повсеместный акцент дискуссии в отношении Колаковского был тот, что после октября много чего изменилось в лучшую сторону. 12. Выдвигалось требование объявить дискуссию с Колаковским... 13. Осуждалась уверенность партийного руководства в своей без-

¹ Ibid. К. 98.

ошибочности. Вспоминались ошибки партии, в частности, связанные с исключением товарища Гомулки. Все эти высказывания встретили либо аплодисменты, либо молчание присутствовавших. Не было ни протестов, ни споров...»¹.

Подобные выступления вывели из себя Старевича, который в не менее эмоциональной речи пригрозил роспуском первичной парторганизации на том основании, что СПЛ уже десять лет находится в оппозиции к ЦК. В ответ поднялась Я. Секерская (она «была бледна и в высшей степени взвинчена», отмечают авторы записки) и стала кричать, что «руководство партии не может быть безгрешно, это мы являемся партией, её члены, а не только руководство». «Не дошло ни до голосования, ни до резолюции. Все были страшно распалены», – подытожили авторы записки².

20 декабря 1966 г. прошла встреча редакций «Месенчника литерацкого» («Литературного ежемесячника»), «Культуры» и «Вспулчесности» («Современности»). Редколлегии этих изданий состояли в большинстве своём из людей, лояльных текущей линии ПОРП. На заседании первичной парторганизации СПЛ 9 декабря их представители молчали, не решаясь подать голос в защиту партийного руководства, теперь же они обговорили тактику действий и выработали своё отношение к произошедшим событиям. Заместитель главного редактора «Культуры» Р. Братны (бывший боец АК и участник Варшавского восстания) требовал публичной полемики с тезисами Колаковского и оппозиционными литераторами, сокрушаясь при этом, что цензура в своей работе не делает различий между его изданием и католическим еженедельником «Тыгодник повсехны». Главный редактор «Культуры» Я. Вильгельми утверждал, что оппозиционные настроения подогревались бывшим первым секретарём варшавской парторганизации С. Сташевским. «Это была комедия, – говорил он, – когда мы вместе с оппозиционерами вроде К. Брандыса притворялись, будто состоим в одной и той же партии. Надеюсь, теперь эта комедия закончена»³.

20 января 1967 г. прошло очередное собрание первичной парторганизации СПЛ. На нём вновь дошло до острой перепалки. Я. Секерская перечислила многочисленные акции партийного ру-

¹ AIPN BU MSW II 3068. K. 233–235.

² AIPN BU MSW II 3068. K. 235–236; AAN PZPR KC XI/961. K. 97–101.

³ AAN PZPR KC XI/961. K. 153.

ководства против творческой интеллигенции и потребовала, чтобы Политбюро выступило с самокритикой. М. Мирский сравнил действия партии с репрессивными кампаниями в СССР и Китае (осудив при этом и авторов писем в защиту Колаковского). Е. Помяновский рассуждал о вреде для партии дела Колаковского, обронив примечательную фразу: «Наша партия имеет за плечами 25 лет истории, а наш строй – 50 лет» (по всей видимости, он имел в виду приход к власти в России большевиков). Это заявление несколько напоминало риторику официозных польских литераторов периода сталинизма (хотя Помяновского в официозе заподозрить было трудно).

Сторонники партийного курса не отсиживались на этот раз в окопах. С большой идеологически выдержанной речью выступил Е. Путрамент. Он сказал, что в 1956 г. партия уже отошла от левацкого курса, и дальнейшее смещение вправо означает возврат к капитализму. Поэтому как бы ценны ни казались те союзники, которые помогли тогда новому руководству преодолеть сопротивление консерваторов и спасти страну от гражданской войны, сейчас с ними нужно вести борьбу, ибо они выступают за второй этап перемен. К этим союзникам Путрамент отнёс редакцию «По prostu» и ряд членов первичной парторганизации СПЛ. В Польше велика опасность национализма, продолжал писатель, и в этом надо отдавать себе отчёт. С одной стороны, мы имеем самый либеральный социализм из всех, что существуют в государствах, управляемых коммунистами. С другой же, над нами нависает громада польского католицизма – наиболее отсталого, тоталитарного и фетишистского в мире. Поэтому любая оппозиционная партия будет опираться, прежде всего, на католицизм. «О какой свободе говорит в таком случае Колаковский? – задавался вопросом писатель, – О свободе для реакции?»

Публицист «Культуры» З. Митцнер обратился воспоминаниями ко временам сталинизма, и рассказал о том, как в 1952 г. на партийном собрании он стал свидетелем, как одну женщину, потерявшую партбилет, едва не низвели до положения врага. «А сегодня, товарищи, никто не ждёт вас у выхода, кроме ваших собственных автомобилей». Отсюда следовал вывод: Колаковский должен сравнивать нынешние времена с прошедшими, а не заниматься демагогией. Тем более что исключение из партии – это вовсе не изобретение коммунистов. Его самого, Митцнера,

исключили в 1935 г. из Польской социалистической партии за то, что он рассказал, как на похоронах Пилсудского собственными глазами видел двух лидеров этой партии¹.

Все эти высказывания свидетельствовали, что проводники влияния партийного руководства в творческих учреждениях постепенно приходили в себя после скандала с Колаковским, и возвращали себе пошатнувшиеся позиции. Литературная оппозиция на время замерла. Прошедшее в мае 1967 г. общее собрание варшавского отделения СПЛ не только обошлось без «нежелательных» выступлений, но и вообще было отмечено полной апатией присутствовавших. «Ни одна дополнительная кандидатура [на съезд СПЛ] не была выдвинута, — сообщали работники МВД, следившие за ходом собрания. — Это произошло первый раз в истории Союза. Подобное может свидетельствовать о прямо-таки целенаправленном отказе от участия в работе СПЛ»².

Разразившаяся тем же летом антисионистская кампания изрядно проредила писательские ряды, пройдясь как по оппозиции, так и по вполне лояльным деятелям, имевшим несчастье оказаться с примесью еврейской крови. Часть литераторов еврейского происхождения вынуждена была эмигрировать или попросить политического убежища за рубежом (например, С. Выгодский, Е. Помяновский, Я. Котт). Но это была лишь прелюдия к настоящим репрессиям, последовавшим вслед за студенческими выступлениями марта 1968 г.

Выступления были вызваны скандальным снятием со сцены Национального театра постановки К. Деймека «Дядя» по поэме А. Мицкевича. Власти упрекали постановку в религиозных и антисоветских мотивах, что вызвало возмущение в литературной среде. Поначалу в авангарде движения протеста шли партийные и недавно исключённые из ПОРП деятели (А. Слущкий, С. Полляк, А. Лисецкая, Ф. Беньковская, В. Леопольд). В начале февраля 1968 г. они стали собирать подписи под протестом против снятия со сцены «Дядя» и требованием созыва чрезвычайного собрания варшавского отделения СПЛ. Очень быстро им удалось набрать достаточное количество голосов. Подписи под документом поставили даже четыре члена редколлегии варшавской «Культу-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-268. K. 87-113; Archiwum Ośrodka „Karta”. AO IV/43.1.

² AIPN BU MSW II 3068. K. 245.

ры». Подписал его и председатель правления Ивашкевич, хотя он сделал это с согласия секретаря первичной парторганизации СПЛ Е. Путраменты. Кроме того, писатели П. Ясеница, Ю. Жулавский и композитор З. Мычельский (главный редактор журнала «Музыкальное движение») начали собирать подписи под обращением к председателю Госсовета Э. Охабу с требованием возобновления спектакля. Председатель польского Пен-клуба Я. Парандовский назначил на 7 февраля чрезвычайное заседание правления возглавляемой им организации.

Власти были сильно обеспокоены такой активностью интеллигенции. Они разработали ряд мер для удержания ситуации под контролем: 1) срочное заседание первичной парторганизации СПЛ и максимальное оттягивание даты созыва общего собрания варшавского отделения Союза литераторов для проведения разъяснительных бесед с партийными писателями; 2) заседание президиума Совета по культуре для объяснения председателям творческих сообществ сложившейся ситуации; 3) встреча руководства министерства культуры и Отдела культуры ЦК с членами президиума правления СПЛ; 4) встреча представителей Отдела культуры ЦК с первыми секретарями первичных парторганизаций провинциальных отделений СПЛ; 5) созыв варшавским комитетом ПОРП собрания секретарей первичных парторганизаций учреждений культуры и вузов для установления конкретных задач членам ПОРП; 6) недопущение «лояльными» членами правления Пен-клуба передачи любых резолюций в лондонскую штаб-квартиру этой организации¹.

На заседаниях первичной парторганизации СПЛ 6 и 16 февраля, проходивших с участием представителей партийных инстанций, была выработана общая линия поведения членов ПОРП на предстоящем собрании варшавского отделения СПЛ и составлен проект резолюции, которую партийные литераторы должны были представить на рассмотрение коллегам. При этом один из участников собрания 6 февраля пессимистически заметил, что варшавские литераторы всё равно примут враждебную резолюцию, нечего даже и сомневаться. Критике подверглись Р. Братны и В. Залевский за то, что поставили свои подписи под требованием созыва общего соб-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-312. К. 11–14, 20; Eisler J. Polski rok... S. 190–192.

рания варшавского отделения СПЛ (всего¹ из примерно 120 членов парторганизации документ подписало более 40).

На заседании правления польского Пен-клуба 7 февраля Слонимский предложил принять резолюцию с категорическим осуждением действий цензуры, однако она была отвергнута. Решено было только обратиться за разъяснениями к руководству министерства культуры и искусства. Встреча прошла 9 февраля и запомнилась острыми высказываниями Слонимского и Ясеницы. Министру была вручена резолюция с протестом против ужесточения цензуры в СМИ и разных областях культуры. 25 февраля прошло бурное заседание Товарищества актёров театра и кино. В нём приняли участие министр культуры Л. Мотыка, руководитель Отдела культуры ЦК В. Красько, гендиректор министерства культуры С.В. Балицкий, а также К. Деймек и исполнитель главной роли в его спектакле Густав Холоубек. Решение властей снять «Дзяды» со сцены подверглось резкой критике, была принята резолюция с требованием возвращения спектакля в репертуар Национального театра¹.

29 февраля состоялось внеочередное собрание варшавского отделения СПЛ. Оно превратилось в настоящую битву сторонников и противников партийного курса. Оппозиция впервые за несколько лет действовала сообща. С гневными речами выступили Е. Анджеевский, А. Слонимский, П. Ясеница, Л. Колаковский, С. Киселевский, М. Гжещак, М. Яструн и др. Лейтмотивом обличительных выступлений стали слова Колаковского: «инсценизация Деймека не имеет никакого значения. Существенным в нынешней дискуссии является то, что власти наделяют себя исключительным правом трактовать Мицкевича и всех остальных авторов. Это – попытка вернуться к ждановским временам». С осуждением запрета постановки Деймека выступил даже лояльный власти писатель А. Лашовский: «никто из молодёжи, принимавшей участие в протестах против снятия «Дзядов», не действовал наперекор социализму. Молодёжь всего лишь встала на защиту певца нации. Нельзя утверждать, будто протесты были направлены против союза с СССР... ведь все мы хотим, чтобы Польша в будущем стала великой державой. Интеллигенция ждёт перемен, ждёт «Весны наро-

¹ AAN PZPR KC 237/XVIII-312. K. 15–20, 30–32; AIPN BU MSW DSA AK/145. K. 364–366; Eisler J. Polski rok... S. 185–186, 193–195.

дов». Фраза о «весне народов» прозвучала не случайно, в ней явно содержался намёк на реформы, начатые в Чехословакии.

Этим высказываниям оппонировали партийные писатели. Р. Братны выдвинул дежурный аргумент о том, что благом нации сейчас прикрываются те, кто ещё недавно (до 1956 г.) совсем иначе понимал слово нация. Б. Навроцкая сравнила предлагаемую оппозицией резолюцию с «Письмом 34-х». Бывший публицист «По просту» Е. Коссак (перешедший в ведомство цензуры) сыпал цитатами из речей высокопоставленных чиновников и гремел официозом. Е. Путрамент вновь противопоставлял режим Народной Польши католической церкви и риторически вопрошал, кого оппозиционеры представляют себе на месте лидера нации, если не Гомулку? Впрочем, признавал он и то, что первый секретарь ЦК действительно слишком трудный собеседник, так как страдает отсутствием чувства юмора и имеет зуб на литераторов.

Собравшимся были предложены для принятия два проекта резолюции: умеренный, разработанный членом первичной парт-организации С. Р. Добровольским, и радикальный, авторства литературоведа А. Киёвского и поэта Е. Загурского. В итоге прошёл второй вариант, звучавший следующим образом: «Польские писатели... обеспокоенные запретом дальнейших представлений «Дзядов» Мицкевича на сцене Национального театра, заявляют: 1) На протяжении долгого времени усиливается вмешательство властей, осуществляющих руководство культурным процессом, в художественное творчество; вмешательство это затрагивает не только содержание произведений, но и их распространение, а также восприятие общественным мнением. 2) Система цензуры и руководства культурной деятельностью носит скрытый характер, в ней отсутствует точное распределение полномочий между отдельными ведомствами и механизм оспаривания решений. 3) Такое положение угрожает национальной культуре, тормозит её развитие, лишает её животворных соков и обрекает на выхолащивание... 4) Требования писателей, представленные в форме решений и обращений властей СПЛ и ведущих деятелей писательского сообщества, остались без внимания. Двигаемые гражданской заботой, призываем власти ПНР восстановить в соответствии с нашей вековой традицией терпимость и свободу творчества. 5) Требуем вернуть «Дзяды» Мицкевича в постановке Казимежа Деймека, ибо снятие этого спектакля вызвало справедли-

вое возмущение жителей столицы». В ходе дебатов в президиум пришло письмо от З. Мычельского, который от имени Товарищества музыкантов и композиторов солидаризировался с решением созвать собрание литераторов и высказывал надежду, что писатели потребуют возобновления спектакля «Дяды». Поздно вечером президиум вдруг получил известие, что к зданию варшавского отделения СПЛ подтягиваются грузовики с «рабочим активом». Незваные гости высказывали желание войти внутрь, чтобы «выразить своё возмущение тем, что творится на собрании». Представители президиума В. Жулкевская и Е. Путрамент с трудом уговорили прибывших не вмешиваться в прения. Дабы не играть с огнём, собрание решено было закончить¹.

Разразившиеся вскоре студенческие волнения подвигли власти развернуть пропагандистскую кампанию по опорочиванию недовольных. Одним из главных объектов нападок власти в 1968 г. стал С. Киселевский. На собрании варшавского отделения СПЛ 29 февраля 1968 г. он произнёс яркую речь, в которой представил длинный список имён польских учёных, писателей и поэтов, вычеркнутых режимом из истории, и назвал господствующую в стране политическую систему «диктатурой невежд»². Именно это хлёткое определение пошло гулять по стране после того, как его (в негативном смысле) процитировал В. Гомулка в своём выступлении перед варшавским партактивом 19 марта. 11 марта Киселевский был избит на улице «неизвестными злоумышленниками». Вокруг него началась кампания травли, ему на три года запретили печататься. Главное правление СПЛ обратилось в товарищеский суд Союза с предложением исключить Киселевского из состава организации. Как свидетельствуют документы, идя на этот шаг, правление действовало в согласии с МВД. Однако эта акция не удалась, так как коллеги Киселевского предпочли уклониться от принятия столь радикального решения³.

Но главной жертвой травли прессы и органов власти в 1968 г. стал П. Ясеница. На заседании 29 февраля 1968 г. он произнёс речь, в которой указал на необъективность освещения польской печатью событий, связанных со снятием со сцены «Дядюв», и зачитал одну из антисемитских листовок, распространявшихся в

¹ AIPN BU 0746/8. К. 1–11; Eisler J. Polski rok... S. 195–204.

² AIPN BU 0746/6. К. 4–5; Eisler J. Polski rok... S. 201–202.

³ AIPN BU MSW DSA AK/146. К.1–7.

Варшавском университете. Кроме того, Ясеница указал на проявления юдофобии со сторон карательных органов¹.

Служба безопасности ещё в 1964 г. готовила компромат на Ясеницу, но тогда власти решили не идти на такой шаг². Теперь же на страницах газет и в речах партийных чиновников (в том числе Гомулки) стали всюду эксплуатироваться его «бандитское» прошлое (после войны Ясеница некоторое время сражался в рядах «Свободы и независимости») и подлинное имя – Лех Бейнар³. Служба безопасности следила за каждым шагом писателя, при этом главным источником информации для неё были донесения жены Ясеницы Зофьи О'Бретенни-Бейнар, завербованной тайными службами ещё до её замужества с литератором⁴. Ясеница был исключён из СПЛ. Он умер в августе 1970 г. На его погребение пришли сотни людей, в том числе немало деятелей оппозиции. Е. Анджеевский и В. Сила-Новицкий произнесли над гробом проникновенные речи, в которых отдавали должное заслугам писателя и заявляли о его невинности во всех тех грехах, которые ему приписывала пресса⁵.

Репрессии, захлестнувшие Польшу в 1967–1969 гг., покончили не только с литературной фрондой, но и вообще с таким явлением, как внутривластная оппозиция. Подавляющее большинство из тех, кто до сих выступал с марксистских позиций, критикуя режим, перешли в социал-демократический лагерь. Последним проявлением писательской оппозиции были письма протеста, направленные Е. Анджеевским и С. Мрожеком в адрес партийных властей после ввода польских войск в Чехословакию. В феврале 1969 г. на съезде СПЛ в Быдгощи была принята поправка к уставу, предусматривавшая исключение из состава организации людей, чья деятельность противоречила идейным принципам Союза литераторов и вредила Польской народной республике. Решено было также создать верификационную комиссию, которая должна была оценивать политический облик польских литераторов⁶.

¹ AIPN BU 0746/8. К. 3; Eisler J. Polski rok... S. 200.

² AIPN BU 0365/32 t. 2. К. 56.

³ Eisler J. Polski rok... S. 212-218; Przemówienie I Sekretarza PZPR Wł. Gomułki na spotkaniu z partyjnym aktywnym stolicy // Słowo Powszechnie. 03.20.68.

⁴ Eisler J. Polski rok... S. 215-217.

⁵ Eisler J. Polski rok... S. 219-220.

⁶ AAN PZPR KC XI/999. К. 12-14.

Это означало подавление всякого инакомыслия в писательской среде. Е. Путрамент вслед за Гомулкой с удовлетворением констатировал, что «ревизионизм» в Польше уничтожен¹. Так закончилось движение за расширение границ свободы, вдохновлённое разоблачением культа личности. Писатели-марксисты разочаровались в коммунизме, и перешли на иные идеологические рельсы.

В истории литературной «оттепели» в Польше обращает на себя внимание постепенная консолидация всех недовольных писателей, независимо от их взглядов. Первоначальная пропасть между марксистами и немарксистами начала исчезать уже в 1957 г., когда целый ряд прежних глашатаев соцреализма положили на стол партбилеты, порвав, таким образом, с прошлым. «Точкой невозврата» здесь послужило «Письмо 34-х», впервые обнаружившее наличие объединённой литературной оппозиции, противопоставлявшей себя политике властей. Характерна при этом встречающаяся иногда зависимость оппозиционной деятельности от занимаемого поста: снятие А. Лисецкой с должности заместителя главного редактора «Новы культуры» превратило журналистку в одну из ярчайших фигур оппозиции, в то время как избрание Я. Ивашкевича на пост председателя Главного правления СПЛ изрядно умерило его недовольство текущей политикой. Тенденция эта, однако, действовала не всегда. К примеру, вхождение в Слонимского и ряда других лиц в Совет по культуре и искусству при Совете министров ПНР, хотя и снизило на время их активность, всё же не смогло отбить у большинства из них стремления выступать против произвола цензуры. Итогом стало исключение Слонимского и его товарищей-оппозиционеров из упомянутой структуры.

В декабре 1970 г. разразилось восстание рабочих, которое смело Гомулку с исторической сцены и наконец принесло писателям долгожданное ослабление цензурного гнёта. И хотя быдгощские поправки не были отменены, власть уже не рисковала подвергать литераторов репрессиям. Начался новый этап взаимоотношений писателей и правящего режима, характеризовавшийся появлением открытых оппозиционных организаций и политическими акциями протеста.

¹ AAN PZPR KC XI/978. К. 393–395; AAN PZPR KC XI/1079. К. 48.

РАЗДЕЛ II

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРАКОВА В ЗЕРКАЛЕ ЕГО АРХИТЕКТУРЫ

А. Н. Галямичев

Обратившись к одному из сюжетов истории польского средневековья, который даёт возможность вспомнить о ярком эпизоде сотрудничества патриотов Польши и России, имеющем непреходящее значение для истории мировой художественной культуры, мы посчитали необходимым вспомнить об операции по спасению Кракова, осуществлённой в конце 1944 – начале 1945 года, когда по решению вождей «Третьего рейха» его исторические памятники были заминированы и предназначены к уничтожению в случае оставления города фашистскими войсками. Российский читатель имел возможность познакомиться с этими событиями благодаря роману известного советского писателя Юлиана Семёнова «Майор Вихрь».

Уничтожению подлежал ряд центров славянской культуры (Варшава, Прага, Братислава и др.)¹, но Краков занимал в этом ряду первое место в силу ряда обстоятельств. С одной стороны, Краков являлся столицей Польского государства в эпоху коренного перелома и победоносного завершения вековой борьбы Польши против агрессии Тевтонского ордена, столицей победителей Грюнвальдской битвы и Тринадцатилетней войны, величественным памятником славной эпохи польской истории. С другой стороны, будучи одним из крупнейших центров славянства и вместе с тем одним из красивейших городов мира, Краков своим неповторимым архитектурным обликом более чем убедительно опровергал основополагающую для идеологии германского фашизма идею национальной

¹ В романе Ю. Семёнова ясно выражена суть замысла по уничтожению «исторических очагов славизма — Кракова, Праги, Варшавы и других подобных им центров»: «Вид пепелищ будет соответствующим образом формировать будущие поколения славян. Крушение очагов исторической культуры есть форма крушения духа нации» (Семёнов Ю. Майор Вихрь // Ю. Семёнов Собр. соч. В 5 т. М., 1984. Т. 3. С. 6).

исключительности, свидетельствовал о плодотворности творческого взаимодействия народов и их культур¹.

Уникальный архитектурный ансамбль города на Висле начал складываться в эпоху раннего средневековья, с течением столетий обогащаясь новыми памятниками, составившими, в конечном счёте, созвездие ярчайших творений нескольких художественных стилей средних веков и раннего нового времени: романского, готического, Ренессанса и барокко. Сохраняя самобытную славянскую основу, архитектурный облик Кракова постоянно обогащался, принимая притоки иноземных влияний, приходивших сюда из ближнего и дальнего соседства. Таким образом, мы задались целью выявить основные этапы этого взаимодействия и определить специфику каждого из них.

Первые столетия существования Кракова не были отмечены активным культурным взаимодействием, хотя он изначально занимал важное место на путях международной торговли, а после обретения статуса столицы Польши в годы правления Казимира Обновителя (1040–1058) постоянно принимал посланников соседних государств. В городе были воздвигнуты величественные постройки, в том числе княжеский дворец² и романские храмы, архитектура и внутреннее убранство которых были выдержаны в духе сложившихся в странах Западной и Центральной Европы традиций³.

¹ Показательно, что после захвата Кракова немецко-фашистскими войсками в начале Второй мировой войны имели место иного рода планы «использования» культурного наследия Кракова идеологами нацизма. В Зональной научной библиотеке Саратовского университета хранится любопытный документ этого времени: очерк истории Кракова, изданный в этом городе в 1940 году и посвящённый печально известному генерал-губернатору Г. Франку: *Krakau. Hauptstadt der deutschen Generalgouvernements Polen*. Leipzig, 1940. Его авторы, поставившие перед собой задачу посмотреть на прошлое Кракова «нашими глазами» (S. VI), рассматривали основание города Кракова (совпадающего с наделением его магдебургским правом) как «проявление немецкой творческой силы» (S. 16), отмечая во введении, что ни один из городов Восточной Европы не оказывал столь сильного и столь глубокого влияния на всё пространство Востока (*auf den gesamten Ostraum*), как именно Краков» (S. V). Появление этой книги трудно не признать проявлением невольного признания выдающихся художественных достоинств краковской архитектуры и культурных богатств города.

² О дворце Болеслава Щедрого (1058–1076) в Кракове упоминает первое польское историческое произведение. См.: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. С. 56 (Кн. I, гл. 26.).

³ См.: Захватович Я. Польская архитектура до половины XIX столетия. Варшава, 1956. С. 6–7.

Говорить о международном культурном взаимодействии как факторе развития города, нашедшем наиболее яркое отражение в памятниках его архитектуры, на наш взгляд, можно, начиная с середины XIII века, когда сильно пострадавший (по сути дела, полностью разрушенный во время нашествия орд Батгя¹ и последующих набегов монголо-татар²) Краков восстанавливался в большой мере трудами переселившихся на польскую землю по приглашению князя Болеслава Стыдливого немецких горожан-колонистов. В 1257 г. возрождавшемуся из пепла городу были пожалованы права самоуправления на основе магдебургского права³.

Восставший из руин город приобрёл регулярную планировку, организующим центром которой стала знаменитая краковская рыночная площадь, и сегодня поражающая своей строгой геометрической выверенностью и огромными размерами⁴. Возрождённый Краков строился в готическом стиле, наиболее ярким памятником которого является возведённый на средства городской общины Марицкий костел⁵.

Немецкое влияние на художественную жизнь средневекового, готического Кракова было весьма значительным, поскольку основывалось на вкусах и действиях многочисленных живых носителей немецкого национального самосознания и эстетических идеалов. В то же время внимательное прочтение «каменной книги» истории краковской архитектуры позволяет проследить более сложную природу её развития. В череде столетий она не только продолжала хранить и развивать местные, славянские традиции, но и постоянно принимала новые и новые плодотворные импульсы, исходившие от соседних и более отдалённых земель Европы.

Последнее было обусловлено постоянным присутствием в древнем славянском городе над Вислой богатых иностранных купцов, занимавшихся одной из наиболее важных и прибыльных отраслей международной торговли эпохи средневековья – торговлей сукнами.

¹ См.: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях в XI–XIII вв. М., 1987. С. 154.

² Среди них особенно опустошительным был набег 1254 года, отголоски которого – наряду с первым нашествием – хранила историческая память польского народа в течение столетий. См.: Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 51, 67.

³ См.: Савицкая В.И. Краков. М., 1975. С. 68.

⁴ Площадь представляет собой гигантский квадрат, сторона которого равна 200 м.

⁵ См.: Historia sztuki Polskiej w zarysie. Krakow, 1962. T. 1. S. 196–198.

Благодаря особенностям своего географического положения во второй половине XIII – первой половине XIV в. Краков приобрёл роль важнейшего центра транзитной торговли дорогими сукнами на границе Центральной и Восточной Европы, западного и восточного христианства. Дух предпринимательства привлекал сюда, поэтому, купцов-сукноторговцев не только из богатых городов Германии или соседней Чехии, но и из крупнейших центров средневекового сукноделия – городов Северной Италии, Фландрии и далёкой Англии.

Эта особенность краковской торговли оставила о себе память в знаменитом, расположенном в центре рыночной площади здании торговых рядов – Сукеннице, архитектурный облик которого формировался в течение столетий под влиянием художественных вкусов выходцев из различных стран¹.

Таким образом, своеобразный жизненный уклад средневекового Кракова как центра международной торговли нашёл яркое отражение в его архитектурных сокровищах.

Следует при этом отметить, что наиболее значительная часть художественно-культурного наследия средних веков и эпохи Возрождения сосредоточена не в торгово-ремесленных кварталах города, а пределах древней цитадели Кракова, с возникновением которой связаны истоки его истории.

Речь идёт о крепости-резиденции славянских правителей, которая была основана в эпоху раннего средневековья на так называемом Вавельском холме над Вислой, выполняла функции важной пограничной крепости уже во времена Мешко I, а в годы правления Болеслава I Храброго стала центром епископства².

Период «золотого века» Вавельского холма начался в XIV столетии, когда наиболее выдающиеся представители династии Пястов – короли Владислав I Локеток (1305–1333) и Казимир III Великий (1333–1370) – добились решающих успехов в деле восстановления единого Польского государства и предприняли целенаправленные усилия к тому, чтобы превратить Краков в одну из самых великолепных столиц Европы. Этот рубеж следует, на наш взгляд, считать началом второго этапа истории культурного взаимодействия в Кракове. Этот этап характеризу-

¹ См.: Żmigrodzki M. Przegląd historii sztuki w Polsce. Krakow, 1911. S. 82.

² См.: Bohdanowicz H. Wawel. Warszawa, 1970. S. 27.

ется значительным расширением международных связей Кракова и обогащением его культурной жизни. Этому способствовала энергичная дипломатия королей из рода Пястов, нити которой тянулись во все крупные политические центры тогдашней Европы. Свою роль сыграли также тесные, включая династические, связи с венгерским двором, где в XIV веке обосновались представители Анжуйской династии, неразрывно связанной с Францией и Италией.

В 1364 году в Кракове был открыт университет, являвшийся, как и всякий средневековый университет, международным центром; на Вавельском холме Владиславом Локетком был заложен, а Казимиром Великим достроен собор св. Вита и св. Станислава — уникальный памятник европейского зодчества, ставший своеобразным музеем скульптуры и живописи средних веков и эпохи Возрождения¹.

Строительство собора продолжалось в течение нескольких столетий, здание дополнялось колокольнями и многочисленными — их число достигло 19 — капеллами (часовнями), построенными в разное время в духе различных архитектурных стилей и ставшими местом рождения неповторимых шедевров пластики и живописи.

Краковский двор, проводивший активную и многоплановую внешнюю политику, был главным заказчиком архитектурных и художественных работ в Вавельском соборе. Знаменитая королева Ядвига оставила о себе память в не менее знаменитом деревянном распятии, выполненном в русле самобытных художественных традиций западнославянского региона².

Влияние мастеров Германии и Чехии, Франции и Италии, а также местных традиций проявилось в выразительных скульптурах, украшающих гробницы польских королей, местом захоронения которых со времён Владислава Локетка и Казимира Великого стал собор св. Вита и св. Станислава на Вавеле³.

¹ См. Савицкая В.И. Указ. соч. С. 133—146.

² Это произведение принято считать наиболее ярким памятником так называемого краковского типа малопольской пластики. См.: *Historia sztuki Polskiej w zarysie*. Krakow, 1962. Т. 1. С. 275—276.

³ См.: *Zmigrodzki M. Przegląd historii sztuki w Polsce*. Krakow, 1911. С. 88; *Historia sztuki Polskiej w zarysie*. Krakow, 1962. Т. 1. С. 272—275.

В XV веке, в период правления короля Казимира IV из династии Ягеллонов, своды Вавельского собора украсили фрески русских живописцев, приглашённых Казимиром из Пскова, который виделся ему одним из центров будущей огромной славяно-литовской державы, управляемой краковскими королями. Созданные псковичами росписи отмечены глубокой печатью породившего их времени, периода наивысшего расцвета древнерусской фресковой живописи, эпохи Андрея Рублёва и Дионисия¹.

С рубежа XV–XVI веков преобладающим иностранным влиянием, с наибольшей отчётливостью отразившемся в архитектурном облике Кракова, стало влияние великого искусства Италии эпохи Возрождения.

На наш взгляд, есть основания говорить о нескольких причинах этого явления. Во-первых, искусство Высокого Возрождения (рубеж XV–XVI веков был ознаменован вступлением великой культуры Возрождения в высшую стадию своего развития) само по себе представляло собой исключительно яркое явление, способное преодолевать огромные расстояния и оказывать мощное воздействие на умы и сердца людей.

Во-вторых, усилению влияния искусства Возрождения способствовало упрочение позиций гуманистического искусства в Риме, поддержка папством творчества великих художников. Связи же Кракова с Римом на всём протяжении польской истории были особенно прочными, что определялось политической независимостью польской короны от Германской империи и необходимостью поддержки папства в ходе военных и дипломатических конфликтов.

Но наиболее существенной видится третья причина заметного усиления итальянского влияния на культурно-художественную жизнь Кракова в XVI веке. Представляется несомненной связь этого явления с важнейшими факторами развития Европы на рубеже Средних веков и Раннего Нового времени: последствиями турецких завоеваний, Великих географических открытий, перемещения важнейших путей международной торговли из Средиземного моря на Атлантическое побережье Европы. Оказавшись в стороне от наиболее оживлённых торговых путей, ставшая с 1494 года ареной опустошительных войн между французскими

¹ См.: Bohdanowicz H. Op. cit. S. 5.

королями и Габсбургами, Италия переживала всё более глубокий экономический и политический кризис, который выталкивал из страны не только ремесленников и купцов, мореплавателей и учёных, но и художников, искавших возможности заработка и благоприятных условий для творческого труда.

Именно в это время Краков стремительно укреплял свои позиции как столица огромного государства, простиравшегося от Балтийского моря до Чёрного, которое в условиях «революции цен» и необычайно выгодной конъюнктуры для торговли сельскохозяйственной продукцией, прежде всего зерном, на рынках крупнейших торговых и промышленных центров Западной Европы становилось средоточием богатого дворянства, не скупившегося на затраты по обеспечению блеска и роскоши своих резиденций.

Краков связывает жизненные судьбы первых польских гуманистов – Гжегожа из Санока и нашедшего в 1470 году в Польше пристанище главы Римской академии Филиппа (Каллимаха) Буонакорси, который был вынужден бежать от преследований по подозрению в подготовке антипапского заговора. В написанном Буонакорси жизнеописании Гжегожа из Санока Краков и его культурная жизнь занимают видное место¹. Живым воплощением прочности и плодотворности связей Кракова и Италии является судьба Николая Коперника, Краковский (1491–1595) и итальянский (1496–1503) периоды жизни и деятельности которого занимают центральное место в его судьбе и творческих исканиях².

В Кракове в XVI веке работала целая плеяда ярких мастеров Высокого и Позднего Возрождения. Около 1500 года из Венгрии в Краков прибыла группа мастеров во главе с Франциском Флорентийцем³. Наибольшую известность среди них приобрёл Бартоломео Береччи (около 1480–1537), создавший в Вавельском соборе знаменитую часовню-усыпальницу последних представителей династии Ягеллонов – Сигизмунда Старого (1506–1548) и Сигизмунда Августа (1548–1572).

¹ Филипп Буонакорси Каллимах. Жизнь и нравы Гжегожа из Санока, архиепископа Львовского // Польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1960. С. 27–30.

² См.: Рыбка Э. Николай Коперник. Варшава, 1967. С. 39–55.

³ См.: Козакевич Х., Козакевич С. Ренессанс в Польше. Варшава, 1977. С. 11.

По признанию многих историков искусства, часовня Сигизмунда представляет собой самый значительный памятник итальянского искусства XVI века, созданный к Северу от Альп¹. Великолепное архитектурное решение, рельефное убранство купола и скульптуры гробниц последних Ягеллонов принадлежат к числу величайших шедевров Северного Возрождения.

Следует особо остановиться на ренессансном дворце, построенном на территории Вавельского замка по проекту Бартоломео Береччи в годы правления Сигизмунда Старого. После женитьбы последнего на Боне, представительнице рода миланских герцогов Сфорца, считавшейся одной из красивейших женщин Европы и законодательницей мод, Краковский замок стал своего рода эталоном придворной жизни, местом проведения рыцарских турниров, пышных торжеств, дипломатических встреч². Последние представители династии Ягеллонов выступали в качестве щедрых покровителей иностранных мастеров, прибывавших в Краков, заботились о приобретении шедевров европейского искусства. В числе последних особое место занимает богатейшая коллекция настенных ковров – шпалер, созданных по заказу короля Сигизмунда Августа в знаменитых шпалерных мануфактурах фландрского города Арраса³.

Важно отметить, что творчество итальянских мастеров приобретало на польской земле новые грани, оказывая влияние на искания местных мастеров, способствовало формированию неповторимых черт искусства Польского Возрождения, первым и важнейшим центром которого являлся Краков⁴. Культурная среда Кракова привлекала своей неповторимостью представителей гуманистической культуры и искусства других стран Европы, оставивших яркий след в мировой художественной культуре. С Краковом связаны важные страницы творческой биографии немецкого поэта-гуманиста Конрада Целтиса, который в 1489–1491 гг. преподавал в Краковском университете, одновременно изучая астрономию, и оставил о нём восторженные

¹ См.: Żmigrodzki M. *Przegląd historii sztuki w Polsce*. Krakow, 1911. S. 136.

² См.: Bohdanowicz H. *Op. cit.* S. 29–30.

³ *Ibid.* S. 5.

⁴ См.: История искусства зарубежных стран. М., 1963. С. 331–334; Козакевич Х., Козакевич С. Указ. соч. С. 11.

строки¹. С Краковом связан расцвет творчества уроженца Нюрнберга Фейта Штосса (около 1455–1533), вошедшего в историю мирового искусства под полонизированным именем Вита Ствоша, автора крупнейшего в истории мирового искусства деревянного алтаря, украсившего Мариацкий костел в Кракове². Именно в Кракове создал свои наиболее яркие произведения и Ганс Дюрер – младший брат величайшего художника Немецкого Возрождения.

Последним ярким творением итальянских мастеров эпохи Возрождения в Вавельском замке принято считать гробницу короля Стефана Батория, выполненная флорентийским скульптором Санти Гуччи.

Начало периода правления династии Ваза было отмечено возведением ряда церковных и светских построек в стиле барокко³, однако перенос в 1609 г. столицы Польши в Варшаву обозначил верхний хронологический рубеж «золотого века» истории Кракова, наивысшего подъёма его международных связей и вместе с тем наиболее плодотворного периода развития архитектуры и формирования культурного наследия.

В этом событии вновь проявилась особая благосклонность судьбы к этому городу, поскольку XVII век оказался для Речи Посполитой столетием суровых испытаний и постепенного угасания былого величия. Краков же остался непобеждённой столицей великого королевства, избежавшей позора разделов Речи Посполитой и циничного попрания чести и достоинства польского народа.

¹ «Тут, между прочим, сказать я намерен о Краковской школе, Слава учёная чья мир облетела кругом.

Ибо главу вознесла, благородным предавшись искусствам,

В ярких светилах она свой проявила талант.

Мощной природы теперь досконально испытаны тайны,

Как и движение звёзд и совершенство небес,

Да и не звёзд лишь одних, но во всех изощрённа искусствах,

Что и ораторы чтят и одобряет поэт» (Цельтис К. Стихотворения. М., 1990. С. 261).

² Уместно привести в этой связи оценку выдающегося знатока западноевропейского искусства средних веков и эпохи Возрождения М.Я. Либмана: «Так кому же принадлежит Фейт Штос — Швабии, откуда он пришёл, Польше или Франконии? Он принадлежит европейской художественной традиции, будучи в то же время обновителем польской скульптуры и ярким представителем немецкого искусства» (Либман М.Я. Немецкая скульптура. 1350 — 1550. М., 1980. С. 162).

³ См.: Добжицкий Е, Купецкий Э. Краков. Варшава, 1973. С. 7.

ПУТЕШЕСТВИЕ УРСУЛЫ МНИШЕХ В КИЕВ В 1787 г. ДЛЯ ВСТРЕЧИ С ЦАРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ II

М. Э. Ковальчик

В 1787 году Екатерина II отправилась в путешествие, целью которого было инспектирование владений, присоединённых к Российской империи за четыре года до этого. В 1783 году Россия аннексировала Крым вместе с Таманским полуостровом и Кубанью. Императрица доверила это Григорию Александровичу Потёмкину, который вынудил отречься хана Шахина Гирея и ввёл российские войска в Крым¹. «Князь Потёмкин, которому всё это дело было поручено, превосходно исполнил замысел монарха», — сообщала польским читателям 24 сентября 1783 года «Газета варшавска»². Сразу же после объявления об аннексии на территории Крыма была образована Таврическая губерния, а управлять ею стал Потёмкин, награждённый за свои старания титулом князя Таврического. Потёмкин с невероятной энергией и быстротой проводил колонизацию этих территорий. Он начал также интенсивное хозяйственное обустройство приобретённых земель и строительство Черноморского флота. Возникали новые города и деревни, развивались старые порты на Черном море, которое стало важным пунктом торговой и военной стратегии России³.

Подготовка к триумфальной поездке Екатерины II в Крым началась уже в 1784 году. Организация вояжа находилась в руках Потёмкина, который обдумал его со всеми подробностями. Князь Таврический творил чудеса, чтобы представить все свои достижения и доказать Екатерине II, что население подвластных ей территорий живёт в ничем не омрачаемом счастье и самом высшем благосостоянии. Всё путешествие было демонстрацией великолепия, мощи, а также фантазии. Якобы значительная часть прекрасных сельских поселений на пути Екатерины II состояла попросту из эффектных макетов и декораций. После проезда кортежа императрицы, якобы, постройки живописных деревень по-

¹ Bazyłow L. Historia Rosji. Wrocław, 1985. S. 236–237.

² Suplement do Gazety Warszawskiej we środę dnia 24 września r. 1783, numer 77.

³ Wójcik Z. Dzieje Rosji 1533-1801. Warszawa, 1971. S. 319–320.

спешно демонтировались и их перевозили на новое место, где снова на пару дней расцветало в чистом поле богатое, хорошо благоустроенные селение, радуя глаза императрицы. Следует добавить, что некоторые историки считают, что знаменитые «потёмкинские деревни» являются творением враждебной князю Таврическому пропаганды, и что нет достоверных источников, которые подтверждали бы установку таких макетов¹.

Екатерина II выехала из Петербурга 18 января 1787 года в сопровождении внушительного двора. На пути между Петербургом и Киевом, который преодолевался по суше, было организовано 76 остановок, для чего были построены соответствующие помещения для царицы и её свиты, что дополнялось возведением триумфальных арок и организацией фейерверков. В Киев императрица выехала 9 февраля и провела там три месяца, ожидая, когда Днепр освободится ото льда². В это время Киев посещали представители аристократии со всей Европы. Естественно, не могло не быть в их числе поляков во главе с Урсулой Мнишех, племянницей короля Станислава Августа Понятовского. Нахождение в Киеве означало пребывание в центре международных событий, а также предоставляло большие шансы для разрешения различных дел.

После освобождения Днепра ото льда Екатерина II должна была пересечь на корабль и плыть до Херсона, города, основанного в 1778 году на правом берегу реки, недалеко от её впадения в Чёрное море. Здесь она должна была встретиться с австрийским императором Иосифом II. Однако до этого, в небольшом польском пограничном городке Каневе на Днестре, Екатерина II должна была встретиться с королём Речи Посполитой Станиславом Августом. Выбор места встречи обуславливался тем, что польское законодательство запрещало монархам покидать страну. Замысел встретиться с российской императрицей во время её путешествия в Крым возникла у Понятовского летом 1786 года, в связи с чем Августину Деболи, польскому полномочному министру в Петербурге, было дано указание прозондировать, имела ли подобная идея шансы реализоваться. Положительный ответ пришёл

¹ Montefiore S. S. Potiomkin. Książę książąt. Warszawa, 2006. S. 445–446.

² Serczyk W. A. Katarzyna II cesarowa Rosji. Wrocław, 1983. S. 249.

в Варшаву в ноябре 1786 года¹. Сразу после этого началась организация путешествия Станислава Августа на Украину, которое продолжалось с 23 февраля до 22 июля 1787 года. В течение пяти месяцев королевский кортеж проехал более 400 населённых пунктов, в том числе Вишневец на Волыни, резиденцию Урсулы и Михала Ежи Мнишехов².

Урсула Мнишех была дочерью Подольского воеводы Яна Якуба Замойского и Людвики Понятовской. Её первым мужем был Винценты Потоцкий, великий коронный подкоморий, с которым она после нескольких лет совместной жизни развелась. В 1781 году она снова вышла замуж за Михала Ежи Мнишеха, великого коронного маршала³. Урсула была любимицей Станислава Августа и принадлежала к его ближайшему окружению. Желая как можно лучше подготовить дворец в Вишневце к визиту дяди и его двора, она уже в январе 1787 года вместе с мужем покинула Варшаву. В Вишневец Станислав Август прибыл 9 марта, и был принят с большим великолепием и помпой. После нескольких дней визита королевский кортеж двинулся в дальше, а Урсула и Михал Ежи устремились в Киев, чтобы поклониться Екатерине II. Подробное описание всего вояжа сохранилось в письмах Урсулы матери – Людвике Замойской, которые в 1867 году в Париже опубликовал историк, публицист и автор многих романов Юзеф Игнацы Крашевский⁴.

К киевскому путешествию Мнишехи готовились ещё до того, как Станислав Август прибыл в Вишневец. Сразу после приезда на Волынь Урсула выхлопотала у местного приходского ксендза «разрешение» на досрочную пасхальную исповедь для себя, мужа и лиц, которые должны были их сопровождать в путешествии. В

¹ Zielińska Z. Listy Stanisława Augusta z podróży do Kaniowa (1787) // *Kwartalnik Historyczny*. R. CX. 2003, 4. S. 71–73.

² Naruszewicz A. *Dyaryusz podróży Najiaśniejszego Stanisława Augusta króla polskiego na Ukrainę i bytności w Krakowie aż do powrotu do Warszawy dnia 22 lipca roku 1787*, Warszawa 1787; Kraszewski J. I. *Podróż króla Stanisława Augusta do Kaniowa w r. 1787*. Podług listów Kazimierza Konstantego Hrabiego de Broel Platara, Starosty Inflantskiego. Wilno, 1860.

³ Helena Wereszycka, Mniszchowa z Zamoyskich Urszula // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 21. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1976. S. 457–458.

⁴ Listy Pani Mniszchowej, żony marszałka w. koronnego, pisane do matki, Pani Zamoyskiej, z domu Poniatowskiej, wojewodziny podolskiej, 1787 / oprac. J. I. Kraszewski // *Roczniki Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu*. 1867. S. 174–231.

1787 году Пасха приходилась на 8 апреля. Мнишехи, зная, что в это время будут в многолюдном Киеве, хотели в Польше спокойно подготовиться к самому важному празднику в христианском календаре. В письме матери от 1 марта Урсула написала: «После этого позволения мой муж исповедовался несколько дней назад, а я должна завтра быть на исповеди. Похоже, нам придётся дольше находиться в Киеве, чем мы думали, по крайней мере, в течение трёх воскресений»¹. Она также предупреждала мать, что письма, которые та будет получать от неё из Киева, будет прежде распечатывать и читать Екатерина II. «Одна мама почувствует, как это сдерживает взаимные откровения»², – писала она 2 марта.

Ожидая в Вишневце приезда короля, Урсула получала из Киева разные новости и слухи. Ей сообщалось, что «чужие» видят Екатерину II три раза в неделю, что императрица регулярно играет в карты, которые были одной из её слабостей. Об этом ходили многочисленные рассказы и анекдоты. Один эпизод описал английский посол. Однажды царица позвонила, вызывая пажа, звонила много раз, но никто не являлся. В конце концов, она в ярости выбежала в коридор, где увидела пажа, играющего в карты, у которого игра складывалась так удачно, что он не хотел её прерывать. «И что сделала царица, – писал посол, – отдала приказ пажу, а потом спокойно уселась, взяв его карты вплоть до момента, когда тот вернулся»³. На Волыни также сплетничали, что в Киеве скучно и «довольно грустно»⁴.

Урсула и Михал Ежи Мнишехи выехали из Вишневца в Киев 15 марта, направляясь в сторону Заслава и Хвастова. В путешествии их сопровождали Тадеуш Морский, Шарль де Линь с двумя сыновьями, Эдуард Диллон и Льюис Литтлпейдж. Нахождение в этой весёлой интернациональной кампании способствовало тому, что как во время путешествия, так и позднее, во время пребывания в Киеве, Урсула чувствовала себя «как будто была в Париже»⁵. О «пресимпатичных» спутниках по путешествию она сообщала матери в письме, написанном 21 марта: «Это милое путешествие закончится завтра, признаюсь, что с великой нашей

¹ Ibid. S. 188.

² Ibidem.

³ Cronin V. Katarzyna Imperatorowa Wszechrosji. Warszawa, 2000. S. 227–228.

⁴ Listy Pani Mniszchowej... S. 188.

⁵ Ibidem. S. 192, 197.

жалостью, но их мы снова встретим в Киеве после дневных дел, на наших спокойных вечерах»¹.

До Киева компания с Мнишехами добралась в четверг после полудня 22 марта. Дом, в котором они проживали, не восхитил Урсулу. «Дом наш настолько сносен, насколько может быть в Киеве»², – писала она матери. Наём в это время приличного жилья граничил с чудом из-за огромного количества людей, которые съехались в город вместе с Екатериной II или по этому поводу. Уже в день приезда Мнишехов в Киев начались визиты вежливости. Два дня позже, в субботу 24 марта Мнишехи были представлены Екатерине II и приглашены ею на обед. «Беседа во время обеда была оживлённой, а императрица соизволила оказывать нам чрезвычайную милость»³, – сообщала она матери.

Екатерина II имела на племянницу Станислава Августа Понятовского особые виды. Доказательством её великого расположения было одарение Урсулы алмазным орденом Св. Екатерины. Мнишех распирало от гордости. Деболи записал тогда: «...ей казалось, что уже вся Польша стала счастливой»⁴. Это выделение якобы возбудило огромную зависть у Юзефины Амалии Потоцкой, жены Станислава Щенсного, Русского воеводы⁵, которая также находилась в это время в Киеве. Желая задобрить обиженную Потоцкую, Екатерина II наградила её жемчужным орденом. В доказательство «дружбы» она подарила Потоцкой также одно из самых красивых своих платьев, о чём мы узнаём из письма другой пребывавшей в Киеве польки – Розалии Любомирской, жены Александра, Киевского каштеляна⁶.

Время великого поста время в Киеве протекало в визитах, встречах, изысканных ужинах, переплетавшихся с торжественными богослужениями, посещением города и покупками. Урсула с особым желанием заглядывала в магазины с китайскими товарами. Покупала она, однако, мало, поскольку цены на предлагае-

¹ Ibid. S. 194.

² Ibidem.

³ Ibid. S. 195.

⁴ Helena Wereszycka... S. 457.

⁵ Русское воеводство до разделов Польши включало в себя земли львовские, перемышльские, санокские, галицкие и хелмские. После первого раздела Польши в 1772 году в составе Польши осталась только хелмская земля, остальные же оказались в составе Австрии.

⁶ Archiwum Państwowe w Krakowie. Oddział na Wawelu. Sygn. AMCh. 464. S. 83–85.

мые товары, даже для такой зажиточной аристократки, как Мнишех, были «безумными»¹.

В начале апреля Мнишехи совершили короткую поездку в Канев, чтобы разнообразить время пребывания, и при случае известить Станислава Августа Понятовского. В письме матери Урсула сообщала, что от Киева до Канева 24 польские мили. «Мы ночевали, – писала она, – на полпути у пани Тарновской, урождённой Устшицкой, в хорошем доме, который на счастье на этом пути оказался»². В Канев они прибыли во вторник 3 апреля в семь часов вечера и находились там до пятницы, чтобы в субботу после полудня возвратиться в Киев³. После пасхального воскресенья при дворе Екатерины II начались парадные обеды, балы, концерты и фейерверки, на которые приглашались почти все пребывавшие в городе заграничные аристократы.

После месячного пребывания в Киеве Мнишехи начали готовиться к поездке в Канев, чтобы там ожидать прибытия Екатерины II и участвовать в её встрече со Станиславом Августом Понятовским. Лёд на Днепре постепенно таял, а это означало, что флотилия императрицы приплывёт вскоре к берегам польского городка. Во вторник 10 апреля Мнишехи последний раз приняли участие в балу при дворе, который, согласно Урсуле, «не был слишком пышным», а в среду были на прощальном обеде с Екатериной II. «Мой муж и я, – сообщала она в письме матери, – прибыли по обычаю около полудня на этот обед, но вместо того, чтобы сесть за стол, императрица велела писать свой портрет, что продолжалось почти до трёх часов. Лишь после этого был подан обед, а несколько часов до этого заполнялись ничем иным, только шуткой, весёлостью, любезностью, которые могут сделать приятной беседу полной блеска и колкостей»⁴.

Утром в четверг 12 апреля супруги выехали из Киева. Условия поездки были скверными. Таявший снег делал дороги труднопроходимыми из-за грязи, в которой вязли повозки, сильно досаждающая этим путешествующим. До Канева добрались лишь в субботу⁵. Там им пришлось провести три недели, ведь императрица

¹ Listy Pani Mniszchowej... S. 197–198.

² Ibidem. S. 201.

³ Naruszewicz A. Op. cit. S. 104–108.

⁴ Listy Pani Mniszchowej... S. 205.

⁵ Naruszewicz A. Op. cit. S. 120. ♣

прибыла к берегам Канева лишь 6 мая, где её 100 орудийными выстрелами приветствовал Станислав Август. По первоначальным планам Екатерина II должна была провести в Каневе несколько дней и принять участие в торжествах, связанных с приближающимися именинами Станислава Августа, приходящимися на 8 мая. Это сценарий, однако, не был реализован. Царица решила провести в Каневе только один день и сразу же после этого отправиться в дорогу дальше, до Херсона. Об изменении планов Понятовскому было сообщено лишь 6 мая утром¹.

В этот же день в полдень король был приглашён на обед на большую галерею императрицы. Приглашение также получила Урсула Мнишех с мужем. Когда приглашённые доплыли до галеры, Понятовского сразу же провели в апартаменты Екатерины II. Первая после многих лет встреча бывших любовников с глазу на глаз длилась лишь несколько минут, и, как можно было предполагать, не обошлась без эмоций². Когда они вышли из апартаментов, Екатерина II призналась Урсуле, что «нельзя в первый момент не быть в затруднении»³. В беседе с императрицей король провёл на галерее немного времени. Более того, Екатерина II, объяснив усталостью, отказалась от участия в вечернем приёме и иллюминации, которую Станислав Август подготовил в её честь в каневском дворце. Король, сильно переживавший афронт, который выразился в отказе царицы, поплыл обратно на берег, провожаемый орудийными залпами. Когда он ещё плыл по Днепру, на польской стороне была начата иллюминация. Всю эту встречу блистательно описал Шарль де Линь: «Польский король потратил три месяца, выдал три миллиона, чтобы видеть императрицу три часа и показать ей три минуты искусственные огни»⁴.

По дороге в Варшаву Станислав Август встретился в Корсуни с Иосифом II, спешащим в Херсон. В соответствии с пожеланием императора, встреча прошла без соблюдения этикета, совершенно неофициально, почти тайно. После продолжавшейся более часа беседы Станислав Август представил австрийскому

¹ Zienkowska K. Stanisław August Poniatowski. Wrocław, 2004. S. 305.

² Karkocha M. „Gazeta Warszawska” księdza Stefana Łukasiny o podróży Stanisława Augusta Poniatowskiego do Kaniowa w 1787 r. // Przegląd Nauk Historycznych. 2011, R. 2011. № 2. S. 121.

³ Listy Pani Mniszchowej... S. 213.

⁴ Zienkowska K. Op. cit. S. 305–307.

императору свою любимую племянницу и её мужа¹. «Император очень мил, в разговоре приятный»², – сообщала Урсула матери. 12 мая Мнишехи расстались со Станиславом Августом и поспешили в Вишневец, чтобы подготовиться к его визиту. Королевский кортеж добрался туда 26 мая и задержался на пять дней. Присутствие короля было отмечено концертами, фейерверками, танцами и многочисленными театральными и балетными представлениями. Позаботились также о том, чтобы Станислав Август имел возможность посетить красивые в это время года окрестности³. Сообщая матери о пребывании её коронованного брата в Вишневце, Урсула писала: «...триста человек остановилось в замке, и больше чем столько в городке; по восемнадцать столов ежедневно мы должны были ставить утром и вечером... Большая часть этой компании разъехалась вместе с королём»⁴.

Урсула Мнишех была женщиной, известной в Польше своей красотой, а также «болезненным самомнением и тысячью гримами»⁵. Ценные дары, орден, благосклонные жесты, милые слова и красивые намёки, которыми осыпала её Екатерина II в Киеве, сильно льстили её самомнению и укрепляли в убеждении, что она имеет исключительное положение не только при польском дворе, но также при петербургском.

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ М. Н. МУРАВЬЕВА ПО РУСИФИКАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ В 1863–1865 гг.

С. В. Ананьев

Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866 гг.) известен в истории под прозвищами «Виленский» и «Вешатель», которые он получил за подавление польских восстаний 1830 и 1863 гг. в Северо-Западном крае, как один из самых одиозных министров

¹ Naruszewicz A. Op. cit. S. 155–156.

² Listy Pani Mniszchowej... S. 215–216.

³ Olszewska M. Stanisław August Poniatowski i jego podróż do Kaniowa w 1787 roku // *Artifex*. 2010. № 12. S. 14.

⁴ Listy Pani Mniszchowej... S. 219–222.

⁵ Magier A. *Estetyka miasta stołecznego Warszawy*. Wrocław, 1963. S. 303.

Александра II, своей службой зарекомендовавший себя как реакционер и крепостник. Наиболее важными моментами политической деятельности Муравьева были: участие в декабристском движении, управление рядом губерний Западного края в годы царствования Николая I, руководство министерством государственных имуществ и участие в разработке крестьянской реформы уже во время правления Александра II. Самыми главными государственными делами Муравьева были подавление польского восстания 1863 года и расследование покушения на жизнь царя в 1866 г. При Николае I он зарекомендовал себя одним из самых принципиальных политиков, а в годы правления Александра II и вовсе стал крупной политической фигурой в России.

Правительство поставило Муравьеву задачу по русификации и «усмирению» Северо-Западного края в чрезвычайно тяжелых условиях, в разгар польского восстания 1863 г., когда определялась судьба западных губерний Российской империи. Русский образ национальной территории или «идеального Отечества» сформировался в остром конфликте с соответствующей польской концепцией¹.

Одной из мер подавления восстания 1863 г., и его возможных негативных последствий для самодержавия, стала русификация края, которая проводилась жестко и последовательно. Борьба за души литовцев, белорусов, евреев стала важной составляющей русско-польской «войны за цивилизацию»². Политика русификации внесла весомый вклад в общее дело царского правительства по «усмирению» не только непокорных поляков, но и остальных жителей Западного края, а также обеспечила интеграцию края в структуры империи. Необходимо рассмотреть все эти мероприятия.

М. Н. Муравьев получил назначение на пост генерал-губернатора Северо-Западного края приказом от 1 мая 1863 года, в то время когда решалась судьба региона. Как обстояло дело в крае до этого назначения? Ситуация в крае для царского правительства была плачевной. В период правления Николая I царское правительство стремилось превратить поляков в лояльных под-

¹ Миллер А. Конфликт «идеальных Отечеств» // Родина. 1999. № 8. С. 81-82.

² Шукин В. Pro et contra «честной чичиковщины» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 345.

данных империи путем переселения и «перевоспитания» их, регулированием браков между православными и католиками. Однако самодержавие так и не смогло выработать политику единой, четкой и последовательной русификации к 60-м гг. XIX в.

Руководители русской политики к 60-м годам XIX века уже перестали верить в возможность обрусения западных территорий и примирились с их положением и характером. Высшие администраторы в повседневной служебной речи чаще именовали эти земли «польскими губерниями»¹. Военный министр Д. А. Милютин отмечал в своих воспоминаниях: «На этот край так привыкли смотреть польскими глазами, что смешивали массу народа литовского и белорусского с наносным верхним слоем польским»². Сохранились свидетельства, что в январе 1863 года даже сам Муравьев не верил в возможность удержания Польши.

В январе 1861 года в Варшаве, а впоследствии и во всех губерниях Царства Польского и в Северо-Западном крае, начались беспорядки в форме манифестаций, религиозных процессий и траурных шествий. Тогдашний генерал-губернатор В. И. Назимов не знал, как с этим справиться. В крае продолжало господствовать ортодоксальное католичество, так как он был полонизирован еще с XVI в. Состояние православной церкви там было тяжелым³. Современник вспоминал: «Поляки распевали гимны во славу «ойчизны» и, возбуждая в себе воинственность, задорно ругали москалей, тщеславно кичились будущими военными подвигами и романсовали с прелестным полом. Разгул был бесшабашный...»⁴.

Это отчасти стало реакцией на насильственную русификацию 30-х гг. XIX вв. В советской историографии, посвященной данной проблеме, было принято писать, что события 1863 года стали проявлением мощного подъема национального самосознания не только польского, но и белорусского и литовского народов. Повсеместно издавались нелегальные издания на литовском и на бе-

¹ Долбилов М. Д. Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863-1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova*. 2000. С. 338.

² Долбилов М. Д. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг. // *Ab imperio*. 2001. № 1-2. С. 231.

³ Липранди А. П. Польша и польский вопрос // *Русский Вестник*. 1898. № 11. С. 10-11.

⁴ Войт В. К. Воспоминание о графе М.Н. Муравьеве. СПб., 1898. С. 3-4.

лорусском языке. В большинстве случаев они были польского и белорусского происхождения, имели антирусский характер: «Мужицкая правда», «Гуторка старого деда», «Гуторки двух соседей» и т.п.¹ С другой стороны, это противопоставлялось «господской» в крае польской культуре и языку. Так возникала идея литовского сепаратизма, как от России, так и от Польши.

В январе 1863 года манифестации переросли в национально-освободительное восстание в Польше, которое затем незамедлительно перекинулось и на губернии Северо-Западного края. Вооруженное восстание практически было подавлено в период управления краем Назимовым. От нового генерал-губернатора Муравьева требовалось главное – «усмирить» регион.

М. Н. Муравьев вступил на свою новую должность с убеждением, что в крае народ – русский; шляхта – «ополяченная»; католическая вера – знамя в борьбе². Одной из форм русификации, по мнению Муравьева, должно было стать культивирование в русском сознании полонофобии. Первым делом, генерал-губернатор счел необходимым наказать участников восстания путем публичных казней и высылки во внутренние губернии империи. С мая 1863 г. по декабрь 1864 г., по официальным данным, было казнено 128 человек³. Высылке подверглись около 10 тыс. человек⁴. Был проведен ряд других репрессивных мер по отношению к польскому дворянству, духовенству, мятежной шляхте⁵.

Меры по русификации края Муравьев начал с улучшения положения православной церкви в Северо-Западном крае⁶. Большое внимание уделялось возрождению нравственного влияния церкви на жителей края путем более широкого привлечения духовенства в сферу народного просвещения. Создавались народные школы для детей всех сословий, в основном для крестьян. По мысли правительства, народные школы должны были не только конкурировать с польскими частными учебными заведениями, но и, по

¹ Революционная Россия и революционная Польша. М., 1967. С. 6.

² Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Вильна, 1867. Т. 1. С. 239–240.

³ Войт В. К. Воспоминание о графе М.Н. Муравьеве. СПб., 1898. С. 11.

⁴ ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 57. Л. 8.

⁵ ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 51. Л. 2.

⁶ Миловидов А. И. Заслуги М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 56.

возможности, их вытеснить. Значительно увеличилось число народных школ. Если к началу 1863 г. в крае их насчитывалось 115, то до конца года было открыто еще 120 школ, а в конце 1864 года их было уже 520. Все эти школы находились на попечении православного духовенства.

Сама православная церковь должна была стать важным инструментом в деле русификации края. Муравьев был убежден, что большинство польскоязычного населения Северо-Западного края вовсе не поляки по генеалогическим корням, а переродившиеся в католицизм во времена Речи Посполитой русские¹. Власть края считала необходимым сокращение процента польских воспитанников в школах, но этот проект не получил широкого распространения, так как мог обострить национальные противоречия. Генерал-губернатор объявил конкурс на составление учебника истории Западного края, а также активно приглашал из Великороссии русских преподавателей для народных школ. Запрет получило изучение жителями края истории и географии Польши в пределах 1772 года (т. е. до первого раздела Речи Посполитой – С.А.)².

Культивировалось чувство морального превосходства над польской цивилизацией. Муравьев писал шефу жандармов В. А. Долгорукову: «Надобно решиться окончательно объявить край этот русским... Мы должны всеми средствами, не жалея ни трудов, ни издержек, усиливать и возвышать русскую в здешнем крае народность... Нужна система твердая и единообразная во всех Западных губерниях, неподверженная... колебаниям»³. С 1864 г. в крае уже полным ходом шла пропаганда православия. Циркуляр 1 января 1864 г. также запрещал преподавание польского языка и употребление польских букварей для обучения крестьян⁴. Летом 1864 года было издано 10 тысяч букварей литовского языка с русским алфавитом. Повсеместно закрывались польские гимназии и женские пансионы⁵.

Северо-Западный край декларативно объявлялся «древним достоянием России». К 1865 г. во всех гимназиях края были уже

¹ Долбилев М. Д. Консервативная программа М. Н. Муравьева в реформаторском аспекте // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 174.

² ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 48. Л. 7 об.

³ ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 45. Л. 12.

⁴ ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 50. Л. 2 об.

⁵ ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 48. Л. 6.

русские учителя. Проводились меры по приобщению литовцев к русскому языку, православию, и отделению их от польской культуры (введение кириллицы, издание букварей, молитвенников на русском языке и т.п.). Муравьев громогласно заявлял: «Крестьяне везде с охотой изучают русскую грамоту, и сами просят о назначении русских учителей. Они принимают уже радушное участие в устройстве православных церквей и гордятся званием русских»¹.

Официальная пропаганда оправдывала эту политику: «Все дело наиболее заключается в сельском населении, которое в душе русское, но было загнано и забито... Теперь русская речь всюду утверждена среди населения, которое еще так недавно думало, что навеки поработено поляками...»². Для еврейского населения края Муравьевым было отворено виленское «гетто», так как до него евреям не разрешалось селиться на главных улицах Вильны³.

Решение ввести в литовских школах русский алфавит и издать новый букварь вызвало недовольство местного населения. Один из современников отмечал, что литовцы не знали ни русского, ни польского языка, и своим «стойким упрямством заставили польских панов учиться говорить с ними по-литовски»⁴. Русским чиновникам зачастую приходилось общаться с литовским населением через переводчиков – поляков⁵.

В польских, немецких и еврейских школах края было введено обязательное преподавание русского языка. Польские учителя повсеместно замещались русскими учителями. Идентичной была политика по отношению к белорусскому языку (до начала XX века не появилось ни одного учебника на белорусском языке). В мае 1864 года Муравьев отмечал: «Бедственная идея о разъединении народностей в России, введении малороссийского, белорусского и иных наречий уже глубоко проникла в общественные взгляды. Необходимо положить этому твердую преграду и вменить министру народного просвещения (А. В. Головнину – С. А.)

¹ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 48. Л. 66.

² Всеподданнейший доклад графа М.Н. Муравьева // Русская Старина. 1902. № 6. С. 497.

³ Владимирова А. П. О виленском памятнике Муравьеву // Русское обозрение. 1895. № 6. С. 890.

⁴ Из записок Н. А. Никотина // Русская Старина. 1902. № 2. С. 365.

⁵ Бутковский Я. Н. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 329.

в обязанность действовать в духе единства России, не допуская в учебных заведениях развития противных тому идей¹. Помимо образования, были приняты меры по унификации по русскому образцу транспортной, таможенной и почтовой служб².

Налагался запрет на официальную переписку на польском языке³. Все делопроизводство вплоть до низшего уровня должно было вестись на русском языке. Русским было запрещено жеманиться на польках⁴. Издавались циркуляры, касающиеся наружной атрибутики исторического нарратива Речи Посполитой. Согласно циркуляру Муравьева 24 марта 1864 г., все вывески, объявления, надписи и т.п. на польском языке должны были быть заменены русскими за короткий срок⁵. Попечитель Виленского учебного округа П. Н. Батюшков писал: «Литвы как термина, законом установленного, не существует...»⁶. Велась борьба с польской символикой, организовывались инспекции в типографии и фотостудии. «Польский говор был изгнан», а раньше «польская речь царила всюду», «даже семейство Назимовых училось польскому языку», — отмечал И. А. Никотин⁷.

Газета «Виленский вестник», печатавшаяся в двух столбцах, по-польски и по-русски, с 1864 г. стала выходить только на русском языке⁸. Чиновники края были обязаны подписываться на эту газету⁹. За распространение и подержание в обществе польских начал применялось наказание. В Вильне появился русский театр, однако, ни поляки, ни евреи его не посещали. В театре ставились исключительно русские пьесы. Распоряжение Муравьева гласило: «Прекратить всякую мысль в обитателях сего края, что они могут составлять какое-либо одно целое с Царством Польским»¹⁰.

¹ Алянчиков. У портрета графа М.Н. Муравьева // Русский Архив. 1897. № 11. С. 390.

² Тихонов А.К. Власти и католическое население России в XVIII – XIX веках // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 144.

³ Цылов Н. И. Сборник распоряжений графа М.Н.Муравьева по усмирению польского мятежа в северозападных губерниях 1863–1864 гг. Вильна, 1866. С. 280.

⁴ Бутковский Я. Н. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 101.

⁵ Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 136–137.

⁶ Алексеев Л. В. Судьба Виленского музея древностей // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 160.

⁷ Из записок Н. А. Никотина // Русская Старина. 1902. № 2. С. 511, 517.

⁸ Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1865 гг. СПб., 1898. С. 105.

⁹ Миловидов А. И. Первая русская газета в Северо-Западном крае. М., 1902. С. 14.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 48. Л. 15.

Появившийся в Вильне в 1856 г. музей древностей, также подлежал реконструкции – его коллекция активно заменялась. Музей был объявлен «средоточием полонизма»¹. Муравьев давал указания по этому поводу: «Большая часть музейной коллекции составляет коллекция, относящаяся к чуждой этому краю польской народности. Это напоминает о временном владычестве польском в здешнем крае. Это способствует возникновению в здешней публике мнения, что этот край польский – а также польских идей...»². Далее он продолжает: «Нужно будет сообщить виленскому музею, чтобы выставлял предметы, напоминающие о русской народности, православии... Устроить предметы русские в первых рядах на видном месте, чтобы могли быть ясны и понятны эти живые свидетели искони присущей здешнему краю русской народной жизни... Предметы, принадлежащие к польской народности, портреты польских королей и магнатов, статуи собрать и разместить в отдельном зале...»³.

Впоследствии, уже в период наместничества В. Н. Троицкого, в Вильне был открыт музей Муравьева (материалы к нему собирались сразу после восстания 1863 г.), в котором была собрана богатая коллекция о польском восстании. Интерес представляют некоторые картины: на одной картине, например, одноглавый польский орел повалил на землю двуглавого и терзает его, а возле него в отчаянии рвет на себе волосы православный «москаль», которого как схизматика с неба поражает молнией сам Господь; на второй, Спаситель воскрешает Польшу; на третьей – Польша распята на кресте⁴. Польский художник Матейко написал большую картину, представляющую казаков, бьющих нагайками польскую даму, стоящую на коленях перед Муравьевым⁵.

Политика царизма в Северо-Западном крае строилась на трех принципах: русификации, унификации, бюрократизации. Русификаторская политика Муравьева исходила из представления о Литве и Белоруссии, как исконном русском крае, впоследствии

¹ Алексеев Л. В. Судьба Виленского музея древностей // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 161.

² ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.

³ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–2.

⁴ Каспийский М. И. Муравьевский музей в Вильне // Исторический вестник. 1901. № 7. С. 276–277.

⁵ Владимиров А. П. О виленском памятнике Муравьеву // Русское обозрение. 1895. № 6. С. 879.

ополяченном. Он писал В. А. Долгорукову: «Польская пропаганда принимает характер панславизма, стараясь привлечь к этой... мысли некоторых русских..., но цель их, видимо, та же самая, т.е. желание во что бы то ни стало со временем освободиться от русского владычества и не называться даже именем русским»¹. Племянник Муравьева отмечал в частном письме в июне 1864 г.: «У Михаила Николаевича только и речи, что о Литве, и выражения его при посторонних и подчиненных об усмиренных уже поляках возмутительны; наедине он человечнее, видно, такая система»². Таким образом, борьба с полонизмом и его носителями – панями и ксендзами – должна была, по мысли начальника края, восстановить «историческую справедливость».

В годы генерал-губернаторства М. Н. Муравьева в крае активно проводилась культурно-политическая ассимиляция. Большинство тамошнего населения рассматривалось как составная часть русского народа. Администрация края считала необходимым вытеснить из употребления польский язык, заменить его русским языком. Преследовалось публичное употребление польского языка и письменности. В апреле 1865 года Муравьев писал Александру II: «Я знаю, что многие осуждают принятые меры для подавления в крае польского элемента, но это единственное средство к удержанию края...»³.

Генерал-губернатор предлагал продолжить начатую им политику в Северо-Западном крае (так как считал ее воздействие на край недостаточным), а именно: не снимать военного положения еще несколько лет, не отменять 5 % сбора с польских помещиков – «их надобно, как говорится, бить по карману, тогда все будет спокойно», не возвращать еще долгое время высланных из края, продолжать устраивать быт крестьян, продолжать утверждение православия в крае⁴. Все эти меры были приняты правительством. Царь в ноябре 1863 года заявил: «Все идет хорошо, и я очень хотел бы, чтобы Михаил Николаевич продолжил им начатое»⁵. Таким образом, в крае сложилась «система Муравьева».

¹ Долбиллов М. Д. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863-1865 гг. // *Ab imperio*. 2001. № 1-2. С. 234-235.

² Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому // *Голос Минувшего*. 1913. № 12. С. 269.

³ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 48. Л. 65.

⁴ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 48. Л. 65-66.

⁵ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.

Основной целью администрации М. Н. Муравьева в 1863–1865 гг. была русификация Северо-Западного края, а окончательное подавление восстания (которое было разгромлено еще в период наместничества В. И. Назимова – С. А.) являлось второстепенной задачей. Правительству в крае необходим был «мясник», и Муравьев был обласкан и возвеличен, хотя в придворных кругах к нему продолжали относиться с презрением¹. В 1865 году по модели генерала Цейдлера было отлито и распространено в России несколько статуэток Муравьева².

Искусственным образом раздувалось неопровержимое значение интеграции Литвы в русско-православный мир. Целенаправленно нагнеталось ощущение сплошного окружения знаками и символами «полонизма». Это стало еще одним весомым поводом для форсирования политики русификации в крае. Успех этой политики был бы невозможен без призрака «полонизма». «Русское дело» как целостный социально-политический проект Муравьева – это русский богатырь, способный превозмочь злую колдовскую волю и развеять дурные чары. Это представление было раздуто до демонического масштаба³.

«Русскость» преподносилась как жизненно необходимый антипод крайне негативных черт и свойств, приписываемых носителям «полонизма»⁴. Историк Д. И. Иловайский вспоминал беседу с начальником края: «В разговоре Муравьев моего мнения не спрашивал, а высказывал свои суждения авторитетным тоном и неоднократно повторял, что это край русский, русский и русский»⁵. Что же касается отношения наместника к Польше, то там, по его мнению, все можно оставить под влиянием польского элемента⁶. Имперская власть не помышляла о превращении поляков в русских, а только пыталась укрепить государственное влияние в регионе⁷.

¹ Токть С. В., Карев Д. В. Граф М. Н. Муравьев – проводник политики и идеологии царизма в Белоруссии в 30-е – 60-е гг. XIX в. // Наш радавод. Гродно, 1991. Кн. 3. Ч. 3. С. 587.

² К торжеству открытия памятника М. Н. Муравьеву // Русский вестник. 1898. № 11. С. 438.

³ Долбилов М. Д. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // *Ab imperio*. 2001. № 1–2. С. 241–242.

⁴ Там же.

⁵ Иловайский Д. И. Мелкие сочинения, статьи и письма 1857–1887 гг. М., 1888. С. 195.

⁶ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 48. Л. 14 об.

⁷ Боханов А. Н. Национальная политика и межэтнические отношения // Московский журнал. 2004. № 3. С. 47.

Относительно русификаторской политики Муравьева в Северо-Западном крае А. И. Герцен не без сарказма заметил: «И хороша, должно быть, эта коренная (русская) народность, которую поддерживать надобно такими виселицами и конфортативами...»¹. Главный политический оппонент Муравьева граф П. А. Валуев писал о недопустимости говорить языком племенной вражды и ненависти, так как это бросает на Россию пятно как на варварскую страну², на что Муравьев как бы отвечал: «Заграничная брань России полезна, а вот от иноземных похвал русскому не поздоровится»³. Есть версия, что в полной мере применялась система устрашения, которую Муравьев якобы заимствовал у герцога Альбы, кровавого подавителя нидерландской революции.

Несмотря на жесткую и последовательную политику самодержавия по русификации Северо-Западного края, искоренить полностью польскую культуру в крае (которая там занимала более прочные позиции, чем русская культура – С. А.) не удалось. Подавление «польского элемента» в крае, развитие культуры застопорилось. Сильный русский землевладельческий класс там не удалось создать, а бюрократия получила расцвет⁴. Крестьянство края (которое громогласно объявлялось главным союзником царской администрации – С. А.) продолжало разниться Великорусского по внешности, обычаям, нравам. Оно отделяло себя от крестьян Великороссии, и у него не было явного тяготения к Москве⁵. Успехи русификации не смогли подавить стремление поляков к независимости. В правительственных кругах формировалось мнение, что Польша – инородное тело в составе империи.

Муравьев обвинял своих политических оппонентов в космополитизме (по его мнению, они мешали политике русификации края – С. А.), по его словам, они только «носят личину русских» и «популярность в Европе ставят выше интересов России»⁶. Он

¹ Герцен А. И. Собр. Соч. в 30-ти тт. М., 1959. Т. 18. С. 54.

² ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1133. Л. 3.

³ Из записок Н. А. Никитина // Русская Старина. 1902. № 2. С. 328.

⁴ Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909. С. 43-44.

⁵ Карнович Е. Раздумье над «Записками» графа Муравьева // Наблюдатель. 1883. № 12. С. 28-29.

⁶ Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому // Голос Минувшего. 1913. № 12. С. 200.

жаловался на них в письме министру государственных имуществ А. А. Зеленому: «Здесь я с поляками справлюсь, лишь бы мне не мешали, но кажется, что хотят вмешиваться в военно-судное дело... Ежели они хотят распорядиться из Петербурга, то мне здесь нечего делать, пускай присылают другого на мое место...»¹. Сторонник политики русификации в крае П. Майков отмечал, что тогда в «высшем» обществе господствовало мнение о том, что отречься от Отечества, его чести, интересов – есть верх либерализма и образованного человека².

В притязаниях повстанцев на Северо-Западный край Муравьев усматривал вызов единству Российской империи, но предвещал, что рано или поздно этот край может отсоединиться от России³. Он также отмечал, что в условиях польского восстания 1863 г. гуманность и законность были бы неуместны, «ибо с законностью нас вынесли бы из края, как выносят сонных детей»⁴.

Генерал-губернатор предчувствовал свою отставку, которая произошла в 1865 году. Однако он был уволен с милостивым рескриптом и возведением в потомственное графское достоинство. Вероятно, правительство сменило тактику дальнейшей интеграции Северо-Западного края с Российской империей. Впоследствии Александр II говорил о том, что единственный чиновник, который умел «держать в руках» поляков – это Муравьев⁵. Современники признавали, что Муравьев был чрезвычайно умен, энергичен, находчив, отличался самостоятельностью суждений, имел беспощадную логику, не боялся ответственности, был прямолинеен, придерживался авторитарного стиля управления.

До сих пор деятельность М. Н. Муравьева в Северо-Западном крае вызывает много споров и не всегда признается плодотворной, как для местного населения, так и для российского государства в целом. Н. Е. Врангель в своих воспоминаниях, например, оставил такую характеристику его личности и политики: «Не знаю, был ли он другом Отечества, но дара правления у него не

¹ Там же.

² Майков П. Памяти графа М. Н. Муравьева // Русская старина. 1898. № 11. С. 276.

³ ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 45. Л. 16 об.

⁴ Всеподданнейший доклад графа М.Н. Муравьева // Русская Старина. 1902. № 6. С. 504.

⁵ Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 397.

было. Но он был безжалостным усмирителем. Литву он успокоил, но он же и привел ее к хозяйственной разрухе... Наша политика не только в Польше, но и на всех окраинах, ни мудра, ни тактична не была. Мы гнетом и насилием стремились достичь того, что достижимо лишь хорошим управлением. Увлекаясь навеянной московскими псевдопатриотами идеей русификации, мы мало-помалу восстановили против себя Литву, балтийский край, Малороссию, Кавказ... Некоторые считали Муравьева гением, чего он не заслуживал, а некоторые – извергом рода человеческого, чего он также не заслуживал»¹. Исследователь М. В. Довнар-Запольский так подытожил взаимоотношения Муравьева с польским населением Западного края: «Хотя у поляков М. Н. Муравьев оставил тяжелые воспоминания, которые оставляет в памяти каждого восставшего народа его усмиритель, однако это был один из выдающихся деятелей эпохи... Поляки прозвали Муравьева «вешателем». Этот эпитет обычно повторяют и русские. Муравьев, безусловно, был очень суров. Но выделялся ли он излишней жестокостью, каждый может считать согласно своим взглядам на то, каких жертв стоит обычно вооруженное восстание, если мы сообщим, что количество осужденных к разным видам наказания составило 4,5 тысяч человек (на самом деле примерно в два раза больше – С. А.), из которых около 170 поплатились жизнью»².

Действительно, Муравьев был жестким проводником русификации Северо-Западного края. В целом ему удалось справиться с возложенными на него обязанностями в тяжелых условиях. Именно в 1863–1865 гг. в Северо-Западном крае правительство вырабатывает стандарт многих русификаторских проектов. Самодержавие создает систему административной, правовой, социальной, культурной интеграции западных окраин в состав империи. «Муравьевская» модель русификации национальных окраин была взята за основу в годы правления Александра III, а Северо-Западный край еще долго ощущал последствия политики М. Н. Муравьева.

¹ Врангель Н. Е. Воспоминания от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 105-112.

² Довнар-Запольский М.В. Гісторыя Беларусі. Мінск. 1994. С. 277-279.

УЧИТЕЛЯ-ГАЛИЧАНЕ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

А. Н. Птицын

В 1860–1870-е гг. происходило массовое переселение русинской интеллигенции из Австро-Венгрии в Российскую империю, в целом, и в Царство Польское, в частности. Этот процесс был вызван тяжелым материальным положением образованных галичан, их недовольством существовавшими в Галиции порядками, национальным неравноправием русинов, а также целенаправленной политикой российских властей по приглашению из соседней Габсбургской монархии специалистов славянского происхождения – учителей, священников и других. Переселенцы, как правило, являлись выпускниками филологических, богословских и юридических факультетов Львовского либо Венского университетов.

По своему происхождению почти все представители русинской интеллигенции были выходцами из семей униатских священников. Именно духовенство являлось единственным образованным сословием у галичан, поскольку представители местного дворянства давно ополчились. Как отмечал в этой связи видный галицийский ученый Я. Ф. Головацкий, «русины, как известно, не имеют ни администраторов, ни дипломатов, ни юристов; весь образованный класс народа составляет духовенство»¹.

В середине XIX в. греко-униатские священники из Галиции в массовом порядке переселялись в Царство Польское. Они служили в приходах восточных польских губерний, где проживало немало восточных славян. Некоторые из священников, бывшие выпускниками австрийских университетов, затем переходили на педагогическую работу. Сыновья переселившихся священников также часто становились учителями, получая образование уже в российских вузах.

Яркую карьеру в Царстве Польском сделал Филипп Никитич Дьячан. Он окончил богословский факультет Венского университета и в 1858 г., в 26-летнем возрасте, переехал в Царство Поль-

¹ Пашаева Н. М. Очерки истории Русского Движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 66.

ское. Как высокообразованный специалист, Ф. Н. Дьячан был приглашен преподавателем богословия в Холмскую греко-униатскую семинарию и одновременно являлся соборным протоиереем в Холме. Затем он, оставаясь священником, стал преподавать древние языки в Холмской гимназии¹.

В дальнейшем педагогическая деятельность в жизни священника вышла на первый план. В 1871 г. Ф. Н. Дьячан стал штатным преподавателем Холмской гимназии, а в 1874 г. перешел в Варшавскую 1-ю гимназию. В том же году он защитил магистерскую диссертацию по греческой словесности. После этого Ф. Н. Дьячан одновременно со службой в указанной гимназии занял должность доцента кафедры греческого языка и словесности Варшавского университета. В 1878 г. он стал экстраординарным, а в 1882 г. — ординарным профессором той же кафедры. Заработок педагога после этого составил громадную по тем временам сумму — 5 840 руб. в год (в том числе 3 000 руб. профессорского жалования, 1 500 руб. учительского жалования, 1 025 руб. дополнительной платы за выслугу лет в Царстве Польском, 160 руб. платы — за дополнительные уроки и 160 руб. доплаты — за должность классного наставника). С начала 1890-х гг. Ф. Н. Дьячан оставил работу в гимназии, а в университете продолжал преподавать до середины 1900-х гг., получая 6 тыс. руб. в год, половину заработка составляло собственно жалование, а остальное — доплата за долгий стаж работы в Царстве Польском. Вскоре после переезда в Россию он принял российское подданство, в середине 1870-х гг. присоединился к православию. Его жена была православной, в семье было 3 сына и 2 дочери. Ф. Н. Дьячан был награжден орденами Св. Анны 1 степени, Св. Владимира 3 степени и другими².

Протоиерей Николай Николаевич Ливчак, выпускник богословского факультета Венского университета, в 1864 г. переселился в Царство Польское. Он служил греко-униатским священником в г. Бела и состоял учителем Закона Божия в Бельской гимназии и Бельской учительской семинарии. С 1 декабря 1883 г. И. И. Ливчак

¹ Холмский греко-униатский месяцеслов на 1868 год. Варшава, 1868. С. 41-42; Список чиновников и преподавателей Варшавского Учебного округа. 1871. Варшава, 1872. С. 248-249.

² Список чиновников и преподавателей Варшавского Учебного округа. 1884. Варшава, 1884. С. 21; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1902 г. СПб., 1902. С. 724.

занял должность штатного преподавателя древних языков в Ломжинской гимназии с оплатой 1 300 руб. в год и проработал на ней до начала 1890-х гг. Он был женат и имел 7 детей¹.

Основную массу среди эмигрантов из числа русинской интеллигенции, переселявшихся в нашу страну, составляли учителя-филологи. Это было связано с тем, что во второй половине 1860-х гг. и 1870-е гг. проводилась кампания по массовому приглашению австро-венгерских учителей и студентов-филологов для работы в российских гимназиях. В эти годы в нашей стране проводилась гимназическая реформа, нацеленная на создание новой образовательной модели, построенной по образцу западноевропейских стран и основанной на приоритетном изучении древних языков. В этой связи в российских гимназиях было значительно расширено преподавание латинского языка и введен в качестве обязательного предмета греческий язык. Между тем, квалифицированных преподавателей классических языков в России не хватало, и отечественные вузы были не в состоянии ликвидировать этот дефицит.

В этих условиях российские власти решили прибегнуть к массовому приглашению на российскую службу филологов из Австро-Венгерской монархии, где, с одной стороны, действовала хорошая система классического образования, а, с другой, значительную долю населения страны составляли славяне, которые охотно переселялись в «братскую» Россию и могли быстро освоить русский язык. 22 декабря 1865 г. Александр II одобрил «всепоподданнейший доклад» министра народного просвещения А.В. Головнина, который предложил «допустить австрийских славян и чехов, имеющих удостоверенные в Австрии дипломы учителей древних языков в гимназии и прогимназии, к преподаванию сих языков в наших средних учебных заведениях»².

Дефицит преподавателей древних языков был таким значительным, что в 1866 г. круг приглашаемых был расширен за счет недавних выпускников австро-венгерских вузов, а с начала 1870-х гг. на русскую службу стали приглашаться и студенты, проучившие-

¹ Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 354; Памятная книжка Ломжинской губернии на 1890 год. Ломжа, 1890. С. 118.

² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. СПб., 1871. С. 267.

ся в университетах не менее трех лет. Они должны были проходить переподготовку и завершать свое образование в специально учрежденном в 1866 г. в Петербурге Учительском институте славянских стипендиатов. Приглашенных специалистов стали называть «славянскими стипендиатами», поскольку они во время переподготовки получали специальную стипендию (вначале 300 руб., затем 400 руб., а впоследствии и 600 руб. в год). Как правило, обучение в Институте славянских стипендиатов занимало один-два года, хотя были и случаи, когда оно сокращалось до нескольких месяцев или же растягивалось до 3–4 лет. Срок обучения зависел как от уровня первоначальной подготовки того или иного стипендиата, так и от скорости освоения ими русского языка, поскольку по окончании Института они должны были сдать специальный экзамен на учительское звание на русском языке.

Первоначально перед Институтом славянских стипендиатов была поставлена задача по подготовке учителей для Царства Польского. Это было связано с тем, что после подавления польского восстания 1863–1864 гг. российские власти старались заменить «неблагонадежные элементы» среди местных педагогов новыми кадрами. Инициатором создания Института стал статс-секретарь по делам Царства Польского, видный деятель эпохи «великих реформ» Н. А. Милютин. В своем «всеподданнейшем докладе» от 21 января 1866 г. он предложил приглашать «для приготовления учителей в средние учебные заведения Царства Польского молодых людей из австрийских славян, окончивших свое образование в австрийских университетах, в Россию, с производством им в течение двухлетнего приготовления к учительской должности стипендий»¹. Для подготовки кандидатов к учительской должности предназначалось 20 стипендий, которые предполагалось давать «молодым людям из русских уроженцев Галиции и Венгрии, а также словаков, преимущественно протестантов»².

Таким образом, русины рассматривались в качестве наиболее желательных кандидатов на приглашение в Россию. В соответствии с тогдашними представлениями они считались русскими по

¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. VIII. СПб., 1892. Стб. 100.

² Рокина Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX века. Казань, 2005. С. 216.

национальности, а по религиозной принадлежности греко-униатов часто признавали в качестве «единоверцев» православных.

4 июля 1867 г. руководство делами славянских стипендиатов по распоряжению царя было передано от Н. А. Милютина министру народного просвещения Д. А. Толстому¹. По предложению последнего задачи Института были расширены – он стал готовить учителей древних языков не только для Польши, но и для всей империи.

С 1866 г. в славянских землях Габсбургской монархии развернулась работа по отбору кандидатов на учительские должности, которую координировал Михаил Федорович Раевский, священник при российском посольстве в Вене. В рассматриваемое время он играл роль посредника во всех неофициальных контактах австро-венгерских славян с Россией. М. Ф. Раевский был хорошо знаком с ведущими учеными, общественными деятелями и журналистами из славянских земель, и по его поручению они подыскивали молодых филологов, готовых отправиться в Россию. В частности, привлечением галичан на русскую службу занимался профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий. Множество материалов по этому вопросу содержит архив М. Ф. Раевского, часть которого опубликована².

Кампания по приглашению австро-венгерских филологов продолжалась полтора десятка лет, до начала 1880-х гг., и имела большой успех. Всего на русскую службу в это время было привлечено около 200 педагогов. Половину из них составляли чехи. Русины занимали среди приглашенных второе место, их численность составляла 70–75 человек (треть от общего количества). За ними следовали представители других славянских народов Австро-Венгрии – словенцы, словаки, хорваты и сербы. Большая часть приглашенных русинов прошла через Институт славянских стипендиатов. За все годы его существования (1866–1882 гг.) там прошли обучение 44 русина. Подавляющее большинство из их происходили из Галиции – 35 стипендиатов, уроженцами Буковины были 5 человек, выходцами из Карпатской Руси – 4 человека³.

¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. VIII. Стб. 101.

² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е гг. XIX в. М., 1975.

³ Подсчитано по: РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1–36.

Полтора десятка русинов, имевших австрийские свидетельства о получении учительского звания, были приняты на работу в российские гимназии во второй половине 1860-х и начале 1870-х гг. без специальной переподготовки. Примерно столько же сдали в нашей стране экзамены на звание учителя немецкого или французского языка и в дальнейшем преподавали эти предметы.

Молодые специалисты из Австро-Венгрии охотно ехали в Российскую империю, где учительский труд пользовался уважением в обществе и хорошо оплачивался. Учителя в дореволюционной России считались государственными служащими, получали классные чины и ордена, через 25 лет службы начинали получать неплохую пенсию. Примечательно, что российский учитель гимназии получал гораздо больше, чем его австрийский коллега. Так, по свидетельству российского консула в Буковине Д. А. Кира-Динжана, в австрийских гимназиях в начале 1870-х гг. учитель древних языков зарабатывал 1040 гульденов в год, а в российских – 1 300 рублей¹. Если учесть, что тогдашний российский рубль по обменному курсу составлял 1,62 гульдена², то можно прийти к выводу, что годовой заработок учителя, трудоустроившегося в России, составлял 2 100 гульденов по сравнению с 1 040 гульденами на родине, т. е. был больше в 2 раза.

География работы учителей-русинов в нашей стране была весьма обширной – от Варшавы до Красноярска и от Петербурга до Тифлиса. Значительная часть их служила в Царстве Польском, что было связано со стремлением правительства усилить там «русский элемент». Этому способствовало также знакомство галичан с польским языком. Власти рассматривали русинов как самый лояльный элемент среди всех иностранцев. На «галичан греко-униатского исповедания, служивших по учебной части в Варшавском учебном округе», и принявших русское подданство, в 1869 г. были распространены «Правила о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского» – им полагалось повышенное денежное содержание, льготы по выслуге лет и т. д.³

¹ Зарубежные славяне и Россия. С. 204.

² Кавказский календарь на 1876 г. Тифлис, 1875. С. 200.

³ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. IV. Стб. 1036.

Одним из первых из числа галичан на российскую службу поступил выпускник философского факультета Львовского университета Игнатий Петрович Федынский. С 1866 г. он работал учителем латинского языка и помощником директора в Холмской гимназии (Люблинская губерния). В 1873 г. педагог был назначен директором Плоцкой гимназии в одноименной губернии Царства Польского и оставался на этом посту почти 30 лет, до 1900 г. В середине 1880-х гг. заработок И.П. Федынского составлял 2 848 руб. в год (2 000 руб. – жалование, 480 руб. – плата за уроки и 308 руб. – прибавочное жалование за выслугу лет). В 1895 г. он получил чин действительного статского советника, его денежное содержание к этому времени увеличилось до 3,5 тыс. руб. в год за счет увеличения платы за выслуги лет до 1,5 тыс. руб. Педагог был награжден орденами Св. Владимира 3 степени, Св. Станислава 1 степени и другими. Он был женат и имел 4 детей. Один из сыновей педагога – Сергей Игнатьевич Федынский (1876–1926) – стал известным врачом-педиатром и профессором Московского университета. Другой сын – Владимир (1882 г.р.) также был врачом¹.

Николай Григорьевич Сенгалевич окончил Львовский университет и получил там же степень доктора философии. После этого он пять лет состоял на австрийской службе (с 1861 г. по 1866 г.), а затем переехал в Царство Польское, где стал работать учителем древних языков и библиотекарем в Грубешовской прогимназии (Люблинская губерния). 8 декабря 1873 г. Н. Г. Сенгалевич был назначен директором Люблинской гимназии с жалованием 2 000 руб. в год (через 10 лет оно возросло до 3 000 руб.) и проработал на этом посту до самого конца века. Через 10 лет службы в крае педагог стал получать дополнительно к жалованию 1 000 руб. Он был награжден орденами Св. Владимира 4 степени, Св. Анны и Св. Станислава 3 степени. В семье Н. Г. Сенгалевича было 5 детей².

¹ Памятная книжка Люблинской губернии на 1870 год. Люблин, 1870. С. 42; Памятная книжка Люблинской губернии на 1873 год. Люблин, 1873. С. 48; Памятная книжка Плоцкой губернии на 1874 год. Плоцк, 1874. С. 96; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 365; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1897 г. СПб., 1897. С. 691.

² Памятная книжка Люблинской губернии на 1870 год. С. 46; Памятная книжка Люблинской губернии на 1873 год. С. 52; Памятная книжка Люблинской губернии на 1877 год. Люблин, 1877. С. 53; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 285.

Маркелл Осипович Лавровский, выпускник Венского университета, был зачислен на российскую службу 1 июля 1868 г., в 27-летнем возрасте. В Россию он приехал вслед за своим старшим братом, тоже учителем, Лукьяном Осиповичем Лавровским (который начал свою карьеру в 1867 г. в Бельской гимназии, с 1872 г. работал директором гимназии в Петербурге, а с 1878 г. занимал такую же должность в Москве). Первым местом работы М. О. Лавровского стала Грубешовская прогимназия, где он, за отсутствием вакансии для филологов, преподавал математику. С 16 января 1872 г. педагог занял должность учителя древних языков в Бельской гимназии в Седлецкой губернии, а с 15 февраля 1878 г. стал ее инспектором. На этом посту М.О. Лавровский получал 2800 руб. в год (1 700 руб. составляло жалование, 600 руб. – доплата за 10 лет работы в Польше, 200 руб. – плата за дополнительные уроки и 300 руб. – квартирные). В 1881 г. он получил чин статского советника¹.

В августе 1884 г. М. О. Лавровский получил повышение и был назначен директором той же гимназии с годовым заработком 2 840 руб. (из них жалование составляло 2 000 руб., доплата за 10 лет службы в Варшавском учебном округе – 600 руб. и плата за уроки – 240 руб.). В августе 1888 г. он был назначен директором Келецкой гимназии в одноименной польской губернии с заработком в 4 тыс. руб. (жалование составляло 2 тыс. руб. и столько же – доплата за 20 лет службы в польских губерниях). В 1891 г. педагог получил чин действительного статского советника. В 1901 г. М. О. Лавровский возглавил еще одну гимназию в Царстве Польском – Ломжинскую, где также получал 4 тыс. руб. в год, там он проработал до середины 1900-х гг. Педагог стал православным, как и его жена, имел сына и дочь. М. О. Лавровский за свой многолетний труд был награжден орденами Св. Станислава 1 степени, Св. Владимира 3 степени, Св. Анны 2 степени².

¹ Памятная книжка Люблинской губернии на 1870 год. С. 46; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1871. С. 287; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1880 год. Седлец, 1880. С. 84; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 320.

² Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения. 1890/91 учебный год. СПб., 1890. С. 643; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1902 г. С. 766; Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1905 г. СПб., 1905. С. 1000.

Василий Онуфриевич Баньковский, выпускник Венского университета, поступил на российскую службу 4 ноября 1867 г. С 1873 г. и до конца 1880-х гг. он работал учителем греческого языка в Бельской гимназии. К концу карьеры В. О. Баньковский имел звание заслуженного преподавателя, чин статского советника, был награжден орденами Св. Станислава 2 степени и Св. Анны 3 степени и получал денежное содержание в размере 2 020 руб. в год (1 500 руб. жалования, 360 руб. платы за дополнительные уроки, 160 руб. платы за должность классного наставника). Педагог был женат и имел 2 детей¹.

Евгений Афанасьевич Лесковацкий окончил курс в Львовском институте для образования учителей реальных училищ и 27 февраля 1867 г. был принят на российскую службу. С середины 1870-х гг. он в течение 20 лет преподавал древние языки в Грубешовской прогимназии. В начале 1880 г. педагог получал денежное содержание в 1530 руб. в год. Он имел жену и 4 детей².

Все перечисленные выше учителя имели австрийские учительские свидетельства, и поэтому были сразу определены на службу. В дальнейшем в Царство Польское получили распределение семеро галичан из числа выпускников Института славянских стипендиатов и еще двое, получившие образование в Русском филологическом институте при Лейпцигском университете.

В первом наборе славянских стипендиатов был Антон Григорьевич Семенович. Он окончил Венский университет и получил там же степень доктора философии. 16 июля 1866 г. А. Г. Семенович был зачислен в «славянские стипендиаты Царства Польского», в течение года прошел переподготовку в Петербурге, после чего сдал учительский экзамен. 4 сентября 1867 г. он был зачислен на службу и назначен учителем латинского языка в Седлецкую гимназию в Царстве Польском. В начале 1870-х гг. молодой педагог перешел на службу в Московский учебный округ, где сделал быструю административную карьеру. 1 июля 1873 г. А. Г. Семенович был назначен инспектором Московского учебного округа, будучи при этом всего лишь в чине коллежского советника.

¹ Справочная книжка Седлецкой губернии на 1875 г. Седлец, 1875. С. 90; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1880 год. С. 84; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 323; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1889 г. Седлец, 1889. С. 122.

² Памятная книжка Люблинской губернии на 1870 год. С. 42; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 420.

В 1874 г. он в течение полугода занимал должность директора 6-й московской гимназии, а затем вернулся на пост инспектора Московского учебного округа, который занимал до лета 1882 г. В марте 1881 г. педагог получил чин статского советника¹.

Дальнейшая карьера А.Г. Семеновича протекала в Царстве Польском. В сентябре 1882 г. он был назначен директором Кашицкой гимназии, где проработал до 1901 г. Его жалование вначале составляло 2 тыс. руб. в год, и постепенно возросло до 3 тыс. руб. В декабре 1887 г. А. Г. Семенович был произведен в действительные статские советники. Он был награжден орденами Св. Станислава 1 степени, Св. Владимира 3 степени, Св. Анны 2 степени. А.Г. Семенович, что было редкостью в то время, оставался холостым².

Другой галичанин из первого набора славянских стипендиатов, ставший директором польской гимназии – Яков Иванович Гринчак. На российскую службу этот выпускник Венского университета был зачислен 31 июля 1867 г., после годичной переподготовки в Петербурге, и распределен вначале в Ковенскую гимназию. Затем Я. И. Гринчак получил назначение в Москву, где служил инспектором 4-й гимназии. В июле 1876 г. он получил чин статского советника. Согласно служебному отзыву (1882), Я. И. Гринчак характеризовался как «очень хороший знаток древних языков и весьма полезный преподаватель их особенно в старших классах; несколько горяч и вспыльчив, весьма усерден в исполнении своих учительских обязанностей»³. 15 сентября 1883 г. Я. И. Гринчак был назначен директором Ломжинской гимназии в Царстве Польском, где проработал до 1890 г. Он получал 2 280 руб. в год (2 000 руб. жалования и 280 руб. за уроки). Педагог был вдов, детей не имел⁴.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 1 об.-2; Список чиновников и преподавателей Варшавского Учебного округа. 1871. С. 281; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения. 1874/75 учебный год. СПб., 1874. С. 78.

² Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 242; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения. 1880/81 учебный год. СПб., 1880. С. 218; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения. 1884/85 учебный год. СПб., 1884. С. 528; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения на 1900 г. СПб., 1900. С. 734.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 3 об. 4.

⁴ Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 351; Список лицам, служащим по ведомству министерства народного просвещения. 1884/5 учебный год. С. 528.

Еще один галичанин из первого набора славянских стипендиатов – Климентий Алексеевич Гвоздецкий. До переезда в Россию он окончил Львовский университет, а с 1 октября 1866 г. по 1 января 1868 г. проходил переподготовку в Петербурге. После этого молодой педагог получил назначение в Пултусскую прогимназию в Ломжинскую губернию Царства Польского, где и провел всю свою карьеру, до ухода на пенсию в середине 1890-х гг. В отзыве, датированном 1882 г., отмечалось, что К. А. Гвоздецкий «аккуратный учитель, но мало имеет энергии, преподавание безжизненное, одно заучивание грамматических форм, а поэтому ученики его мало выносят пользы от его уроков»¹. В то время он был холост и получал содержание в размере 1 380 руб. в год (в том числе жалование 900 руб., плата за дополнительные уроки 320 руб. и плата за должность классного наставника – 160 руб.)².

И, наконец, в первом наборе Института славянских стипендиатов был Виктор Васильевич Думанский. Он был принят в него 12 сентября 1866 г., и через год был назначен учителем греческого языка в Седлецкую гимназию, где проработал до начала 1870-х гг.³

Лукиян Иванович Бескостый, галичанин из второго набора славянских стипендиатов, прошел переподготовку в Петербурге менее чем за год – с 10 октября 1868 г. по 10 сентября 1869 г., и в это время принял православие. Вначале он получил назначение в Слуцкую гимназию (Минская губерния), а через год был переведен в Мариампольскую гимназию (Сувалкская губерния), где проработал до 1875 г., когда перешел в Минскую гимназию⁴.

Галичанин Николай Павлович Подлужский (1856 г.р.) учился вначале в Черновицком университете, а затем – в Институте славянских стипендиатов (с 18 августа 1879 г. по 1 сентября 1880 г.). Он был распределен в Ломжинскую гимназию, где, согласно служебной характеристике, зарекомендовал себя как трудолюбивый, внимательный и исполнительный преподаватель⁵.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 4 об. 5.

² Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 468; Памятная книжка Ломжинской губернии на 1894 год. Ломжа, 1894. С. 214.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 3 об. 4; Список чиновников и преподавателей Варшавского Учебного округа. 1871. С. 281.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 5 об. 6; Список чиновников и преподавателей Варшавского Учебного округа. 1871. С. 303.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 33 об. 34.

Иван Егорович (Георигиевич) Кубиевич родился в 1846 г. в Галиции, окончил Львовский университет и до отъезда в Россию работал помощником учителя в австрийской гимназии. С 1 октября 1879 г. по 1 ноября 1880 г. он прошел обучение в Петербурге в качестве славянского стипендиата и был назначен учителем Холмской гимназии. Там он провел всю карьеру, до ухода на пенсию 25 лет спустя. В служебной характеристике, датированной 1882 г., И. Г. Кубиевич характеризовался как «лучший преподаватель гимназии, как по своим познаниям в древних языках, так и по аккуратности, усердию, педагогическому такту, солидности и хорошему влиянию на учеников». В то же время, отмечалось, что, «...к сожалению, плохое материальное обеспечение и ежедневные заботы по приисканию средств к жизни отнимают у него много времени»¹. В 1884 г. И. Г. Кубиевич получал 1 390 руб. в год (750 руб. – жалование, 360 руб. – за дополнительные уроки, 160 руб. – за должность классного наставника и 120 руб. по должности библиотекаря гимназии). Он имел жену и 3 детей².

Эмилий (Емельян) Иванович Киричинский (1859 г.р.) вначале учился в Тарнопольской гимназии в Галиции, а в 17-летнем возрасте приехал в Россию, поступив в Холмскую духовную семинарию. Однако в духовной карьере он быстро разочаровался и через год вышел из семинарии, поступив в Русский филологический институт при Лейпцигском университете. Там он проучился 4 года (с октября 1877 г. по июль 1881 г.), после чего получил назначение в Люблинскую гимназию. Первый отзыв ее директора о работе молодого педагога (1882 г.) был плохим, однако при этом неудачи объяснялись отсутствием опыта³. В конце 1880 – первой половине 1890-х гг. Э.И. Киричинский работал в Замостской прогимназии Люблинской губернии, а с середины 1890-х гг. до середины 1900-х служил в Седлецкой гимназии, став заслуженным преподавателем и статским советником⁴.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Л. 34 об. 35.

² Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 302; Памятная книжка Люблинской губернии на 1889 год. Люблин, 1889. С. 57; Памятная книжка Люблинской губернии на 1898 год. Люблин, 1898. С. 169; Памятная книжка Люблинской губернии на 1903 год. Люблин, 1903. С. 175.

³ РГИА. Ф. 733. Оп. 234. Д. 12. Л. 20 об. 21.

⁴ Памятная книжка Люблинской губернии на 1889 год. С. 60; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1897 год. Седлец, 1897. С. 124; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1907 год. Седлец, 1907. С. 101.

Александр Федорович Редька, получивший среднее образование в Львовской академической гимназии, в 1873–1876 гг. учился в Лейпцигском Русском филологическом институте. После этого он работал в гимназиях Пскова и Кутаиса. В середине 1880-х гг. учитель перешел в Седлецкую гимназию, где проработал до начала 1890-х гг. В 1900-е он преподавал в Ялтинской прогимназии¹

Ряд галичан работал в Царстве Польском учителями немецкого и французского языка. Иван Иванович Свирнюк окончил богословский факультет Львовского университета. 13 сентября 1872 г. он был зачислен на российскую службу и поступил на должность помощника классного наставника в Седлецкой гимназии, а позднее стал там же преподавателем немецкого языка. В начале 1880-х гг. педагог получал 1 870 руб. в год (900 руб. жалования, 520 руб. – за уроки, 300 руб. – за должность помощника классного наставника и 150 руб. – квартирных). В середине 1890-х гг. И. И. Свирнюк, получивший к тому времени чин статского советника, перешел в Сувалкскую гимназию, где преподавал немецкий язык до конца 1900-х гг. Он был женат, но детей не имел².

Август Трифонович Копыстинский, получивший образование в Львовском университете, был принят на российскую службу 1 января 1878 г. и назначен учителем французского языка в Бельскую гимназию Седлецкой губернии. Там он проработал до конца 1880-х гг., получая 1 060 руб. в год (960 руб. жалования и 160 руб. – платы за дополнительные уроки). А. Т. Копыстинский был женат на россиянке – жительнице г. Белы и имел двоих детей³.

Его брат, Александр Тифонович Копыстинский, окончивший педагогические курсы в галицийском Пшемьсле (Перемышле), с 1 августа 1882 находился на российской службе и преподавал немецкий язык в Ловичском реальном училище с годовым заработ-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 234. Д. 12. Л. 3 об. – 4; Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. С. 19; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1887 год. Седлец, 1887. С. 74; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1891 год. Седлец, 1891. С. 126.

² Памятная книжка Седлецкой губернии на 1875 год. С. 88; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 314; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1891 год. С. 126; Памятная книжка Сувалкской губернии на 1897 год. Сувалки, 1897. С. 122; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1907 год. С. 102.

³ Памятная книжка Седлецкой губернии на 1880 год. С. 85; Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 325; Памятная книжка Седлецкой губернии на 1889 год. С. 123.

ком в 1 030 руб. (750 руб. составляло жалование, 720 руб. — оплата за дополнительные уроки и 160 руб. — плата за исполнение обязанностей классного наставника). Он имел семью и был отцом 6 детей¹.

Стефан Григорьевич Семенович (брат упомянутого выше А. С. Семеовича) окончил богословский факультет Львовского университета, после чего принял сан. В 1867 г. он переехал в Царство Польское, где служил священником в Седлецкой губернии и преподавал Закон Божий в Бельской учительской семинарии. В 1880 г. С. Г. Семенович был принят на должность учителя немецкого языка в Грубешовскую прогимназию с платой по найму 450 руб. в год и проработал на ней около 10 лет. Он был женат и имел одного ребенка².

Согласно служебным характеристикам, большинство галичан, поступивших на службу в российские гимназии, были квалифицированными и добросовестными педагогами, хотя встречались и «ремесленники от образования», ограничивавшиеся механическим преподаванием своего предмета. В то же время, у многих галичан в характеристиках отмечался существенный недостаток — плохое владение русским языком. Этот факт свидетельствует о том, что язык, на котором говорили восточные славяне Австро-Венгрии, был достаточно далек от русского литературного языка того времени. Это показывает несостоятельность общепринятых в XIX столетии представлений о том, что австро-венгерские русины являются составной частью русского народа, а их язык представляет лишь диалект русского языка. Впрочем, языковая проблема для «славянских стипендиатов» остро стояла в первые годы после приезда в Россию, а затем постепенно сходила на нет.

В целом, учителя-галичане смогли быстро и успешно адаптироваться в России. Практически все из них остались в нашей стране навсегда (в отличие от педагогов-чехов, которые после выхода в отставку часто возвращались на родину). Также все переселенцы-галичане приняли российское подданство и православие. Благодаря своей культурной близости с русскими галичане быстро обрусели. Этому способствовала и их первоначальная

¹ Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 468.

² Список чиновников и преподавателей Варшавского учебного округа. 1884. С. 421; Памятная книжка Люблинской губернии на 1889 год. С. 59.

идентичность, изначальное осознание принадлежности к «великому русскому народу» (пусть и к его малорусской ветви).

Часть переселенцев приезжала в Россию вместе с семьями, холостые же педагоги женились на россиянках, что еще в большей степени способствовало их адаптации. Следует отметить тот факт, что многие эмигранты были связаны родственными, дружескими или земляческими связями. Так, среди славянских стипендиатов первого набора были широко представлены сыновья священников-галичан, ранее переехавших в Царство Польское. Также среди приглашенных учителей часто присутствовали братья.

Эмигранты-русины смогли успешно интегрироваться в российское образовательное пространство. Почти все из них проработали в гимназиях многие годы, некоторые – по 30–40 лет. Целый ряд галичан дослужился до должности директора гимназии. Таким образом, русины смогли внести свой вклад в развитие российской системы гимназического образования не только как педагоги, но и как ее организаторы и руководители. Некоторые из них также являлись авторами учебников и учебных пособий по древним языкам. В целом, практика приглашения русинских педагогов оказалась успешной.

Перебравшись в Россию, представители русинской интеллигенции, бесспорно, улучшали свое материальное положение и условия жизни своих семей. В то же время, для русинского населения Габсбургской монархии массовая эмиграция интеллектуалов имела негативные последствия, потому что вела к ослаблению позиций русинских меньшинств. Кроме того, массовый отъезд русофильской интеллигенции способствовал усилению украинофилов, которые с конца XIX в. вышли на ведущие роли в русинском национальном движении. Таким образом, эмиграция интеллектуалов ослабляла русинские сообщества Австро-Венгрии, но имела положительное значение для принимающей страны – России.

Эмиграция галичан была тесно вписана также в контекст «польского вопроса», поскольку российские власти рассматривали ее как один из способов усилить «русское присутствие» в Царстве Польском. При этом галичане работали, в основном, в гимназиях восточных польских губерний, где присутствовало восточнославянское население униатского вероисповедания.

КОМИТЕТ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТЬЯНЫ РОМАНОВОЙ И ПОМОЩЬ ПОЛЬСКИМ БЕЖЕНЦАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т. Н. Лихачева

Военный конфликт 1914–1918 гг. выдвинул на первый план множество новых гуманитарных проблем. Одной из них стала проблема адаптации и оказания всесторонней помощи «инвалидам войны»: военнопленным, увеченным и раненым воинам, беженцам. В Российской империи была развернута целая система государственных учреждений по опеке данной категории населения. Однако едва ли она могла быть эффективной без взаимодействия с благотворительными организациями.

Характерной чертой развития благотворительности в Российской империи было активное участие членов императорской семьи в благотворительной деятельности. Великие князья рассматривали свое участие не только как форму помощи нуждающимся гражданам, но и как средство поддержания авторитета и престижа династии Романовых и монархии в целом. В тогдашних отчетах отмечалось: «Весь царский дом, обычный крестьянин... помещик и купец... равно несут тяжесть войны с глубокой надеждой на то, что Россия и ее союзники сломают коварного, злого, сильного и недостойного врага»¹. В начале XX в. по количеству благотворительных учреждений те из них, которые находились под патронатом членов царской семьи, занимали третье место в империи (после Министерства внутренних дел и православной церкви)².

В годы войны под больницы использовались дворцы императора и великих князей (Михаила Александровича, Николая Михайловича, Павла Александровича, Константина Константиновича). Члены императорской фамилии делали пожертвования, организовывали склады, лазареты, госпитали, санитарные поезда. Одним из направлений благотворительной деятельности велико-

¹ Государственный архив Житомирской области (далее – ГАЖО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 338. Л. 1.

² Матвеева Н.Л. Из истории благотворительности в России. Романовский комитет в годы Первой мировой войны // Клиф. 2005. № 3 (30). С. 168.

княжеской семьи стало создание и патронирование различных именных комитетов. Императрица Александра Федоровна председательствовала в Верховном совете по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Романовскому комитету, который занимался опекой детей воинов, покровительствовал Николай II. С целью решения различных социальных проблем, вызванных к жизни Первой мировой войной, были созданы комитеты великих княгинь Елизаветы Федоровны и Марии Павловны, великих княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны и др. В данной статье уделяется внимание анализу работы Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (далее – КТН).

КТН был основан 14 сентября 1914 г. и со временем стал одной из ведущих организаций по оказанию помощи беженцам – людям, «выселенным по распоряжению военных или гражданских властей из районов военных действий» в тыловые губернии¹. Исследователи беженской проблематики, как и организации, которые вели учет в годы войны, неоднозначны в своих подсчетах. Их сложность объясняется тем, что регистрационные списки учитывают лишь тех беженцев, которые получали помощь. В 1915 г. официальным органом по подсчету и регистрации беженцев был назначен КТН². На июль 1916 г. сотрудники комитета зарегистрировали 3 074 896 беженцев³. Поляки, которые по численности уступали только русским (в то время термин имел обобщающее значение и подразумевал также украинское и белорусское население), составляли 17 % (521 000 чел.)⁴. В то же время подсчеты польских организаций, занимавшихся опекой беженцев-поляков, дают возможность говорить о 744 тыс. эвакуированных⁵.

¹ Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. М., 1916. С. 3.

² Сообщение министра внутренних дел на имя главноуполномоченного Всероссийского земского союза кн. Г.Е. Львова о прекращении предпринятой союзами регистрации беженцев // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 29. С. 99.

³ Glinka W. Pamiętnik z wielkiej wojny: w 4 t. T. 2: Na wygnaniu (20 września 1915 – 26 czerwca 1917). Warszawa, 1927. S. 112.

⁴ Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф. 18. Оп. 21. Д. 142. Л. 5.

⁵ Archiwum Akt Nowych (далее – AAN). Zesp. 51 (СКО). 54. К. 72; AAN. Zesp. 51 (СКО). 284. К. 3.

Татьяна Николаевна занимала должность председателя, но фактически организацией руководил член Государственного совета Алексей Нейдгардт. Говоря о роли великой княжны в работе комитета, начальник канцелярии императорского двора А. Мосолов отмечал, ее «разумное и толковое» председательство¹. В то же время, один из членов КТН В. Семенов-Тян-Шанский писал, что великая княжна избегала высказываний во время заседаний за исключением коротких фраз, обращаясь к А. Нейдгардту. С целью уточнения докладчику через фрейлину передавалась записка с вопросом². О вкладе Татьяны Николаевны в деятельность организации можно судить из отрывка письма великой княжны: «В среду заседание комитета ... Я с ужасом думаю об этом дне, ведь мне придется быть одной, а не с мама»³. Нельзя не отметить тот факт, что на момент начала войны Татьяне Романой исполнилось только 17 лет, и, несмотря на это, формальное участие в работе комитета покровительство великой княжны обеспечивало организации поддержку правительства и доступ к государственным субсидиям.

В состав КТН входили придворные и именитые люди империи, среди которых были генерал-губернатор Галиции Г. Бобринский, митрополит Евлогий. В работе организации принимали участие поляки – графы В. Велопольский и З. Велопольский, И. Шебеко, С. Глезмер (как члены Государственного совета), а также князь С. Четвертинский и граф В. Собанский как представители Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского (одной из ведущих польских организаций по оказанию помощи польским беженцам, далее – ЦОК)⁴. Большинство сотрудников работало бесплатно. На 1 января 1917 г. в губернских отделениях КТН насчитывалось 3 568 работников, 73 % составляли общественные деятели и лишь 27 % – чиновничий элемент⁵.

Вскоре после образования комитет основал губернские отделения (которые делились на уездные) во главе с губернаторами и

¹ Мосолов А. А. При дворе последнего российского императора. Записки начальника канцелярии Министерства императорского двора. М., 1993. С. 61.

² Семенов-Тян-Шанский В. П. Татьянинский комитет. Великая княжна Татьяна и ее помощь беженцам // Возрождение. 1956. № 55. С. 16.

³ Матвеева Н. Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 48.

⁴ Spustek I. Polacy w Piotrogrodzie 1914–1917. Warszawa, 1966. S. 167.

⁵ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья ... С. 143.

при участии представителей общественных, сословных и национальных организаций на прифронтовой территории, а затем и по всей стране, превратившись в крупнейшую благотворительную организацию по оказанию помощи беженцам. Всего в 1915 г. отделения были открыты более чем в 60 губерниях империи, а в начале 1916 г. работало более 400 уездных подотделов¹.

До лета 1915 г., когда беженство имело стихийный характер, а местами временного пребывания поляков становились соседние с родными местности (расположенные подальше от линии фронта), КТН, открывая врачебно-питательные пункты, строя временные бараки, раздавая одежду и обувь, играл ведущую роль в оказании помощи беженцам². Комитет занимался финансированием мероприятий других учреждений (губернаторов, благотворительных обществ).

Важную роль в его деятельности играли всероссийские и локальные сборы пожертвований на нужды пострадавшего населения. К подобной практике комитет обратился осенью 1914 г., объявив всероссийский кружечный сбор «Россия – Польше», которой «судьбой суждено стать ареной борьбы великанов»³. В Харькове к его организации привлекли местную интеллигенцию и студенческую молодежь. Пожертвования осуществлялись посредством продажи особых значков в театрах, кинематографах, ресторанах. Подсчеты, сделанные после вскрытия кружек, показали, что сбор пополнил средства отделения на 10 609 руб. Большую часть денег перевели в Варшаву на счет ЦОК⁴. Во время своего визита в Харьков в декабре 1914 г. Татьяна Николаевна лично поблагодарила руководительницу сбора Е. Акишеву⁵.

¹ Деятельность отделений Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий // Призвание и благотворительность в России. – 1916. – № 7. – С. 713; Семенов-Тянь-Шанский В.П. Татьянинский комитет... С. 14.

² Очерк деятельности Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий со дня основания по 1-е января 1916 г. Пг., 1915. С. 6–7; Труды соединенного собрания членов Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны с местными представителями 3–7 мая 1915 г. Пг., 1915. С. 30–31.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 651. Оп. 1. Д. 324. Л. 1.

⁴ ГАХО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 9.

⁵ Ежемесячник Харьковского губернского отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны. Х., 1916. С. 16.

Кружечный сбор «Кишинев – Польше» дал 2 375 руб., «Одесса – Польше» – 11 367 руб.¹, «Киев – Польше» – 147 168 руб.²

КТН не раз прибегал к практике кружечных сборов. Более того, до лета 1915 г. его средства в основном состояли из сумм, вырученных от подобных мероприятий: продажи открыток, флагов, лотерей, представлений. Например, 29–31 мая 1915 г. по случаю дня рождения великой княжны устроили всероссийский кружечный сбор под названием «Россия – разоренным окраинам». С целью собрать средства для облегчения участи населения, пострадавшего от наступления врага, по всей стране для продажи были разосланы 25 млн. специальных значков, 1 млн. листовок с портретом Татьяны Николаевны, настенные портреты великой княжны и два типа плакатов: для «выставления в окнах» магазинов и различных заведений, а также для «выставления в окнах» квартир. Всего в результате кампании было собрано 2,2 млн. руб.³

Собрание пожертвований отличалось разнообразием форм их проведения: от продажи различного рода предметов (открыток, марок, жетонов, личных вещей членов императорской семьи) до устройства лотерей, лекций, концертов, ярмарок, спортивных праздников, сборов одежды, обуви, белья для беженцев, отчисления от продажи билетов на проезд в трамвае, на пароходе, игры в карты, кегли, бильярд⁴.

С целью сбора средств КТН неоднократно выпускал особые плакаты-объявления, в которых Татьяна Николаевна обращалась к местному населению с призывом жертвовать деньги, вещи и продукты на нужды беженцев. Они печатались в газетах. Примером является обращение, опубликованное в газете «Южный край»: «Война разорила и рассеяла миллионы наших мирных жителей: несчастные беженцы – бездомные и голодные ищут убежище ... Нужда их так огромна, что покрыть ее под силу только всему народу. Прошу Вас, добрые люди, согрейте беженца духовно и телесно и утешьте его осознанием того, что понято Вами безмерное горе его. Вспомните заповедь Господа: «Голодал Я, и вы дали Мне есть, чувствовал жажду, и вы напоили Меня, был странником, и вы приютили меня...»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 39. Л. 31, 33.

² Ресент О.П. Перша світова війна і Україна. К., 2003. С. 420.

³ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья... С. 117–118.

⁴ Труды соединенного собрания... С. 51–57.

⁵ Южный край. 27.01.1916, 02.02.1916.

Всего же пожертвования от частных лиц и учреждений с сентября 1914 г. по январь 1916 г. составили 4 089 035 руб.¹, а с учетом поступлений от лотерей, концертов, лекций – 7 355 488 руб.². За весь период существования комитета были получены пожертвования в размере 12,6 млн. руб.³ С целью поощрения и поднятия социального престижа лица, сделавшие крупные частные пожертвования, награждались особыми дипломами и жетонами. Они свидетельствовали об оказании КТН больших услуг жертвованиями или устройством сборов, выставок, концертов, спектаклей, лекций, лотерей и т. д.⁴

Но массовый наплыв беженцев, вызванный отступлением российских войск летом 1915 г., сделал необходимым расширение деятельности комитета и видов оказываемой помощи, рост численности административного аппарата. Летом 1915 г. дело помощи беженцам потеряло свой сугубо благотворительный характер и приобрело государственное значение. При таких обстоятельствах КТН начал принимать меры (организация питания, лечения, расселения беженцев, выдача денежной помощи, обеспечения их одеждой и обувью, открытие приютов для нетрудоспособных и детей, учебных заведений и т. д.) в масштабах, выходящих за пределы благотворительной деятельности. Если до лета 1915 г. смета КТН колебалась в пределах 500–800 тыс. руб. в месяц, то в августе 1915 г. она составляла уже 2 677 307 руб., в сентябре – 5 779 687 руб., в октябре – 4 021 807 руб., в ноябре – 3 292 720 руб., в декабре – 3 471 158 руб.⁵

Впоследствии часть учреждений переходила под опеку других организаций, например, пункт питания в Минске. Сначала он содержался на средства КТН, а со временем перешел в распоряжение Всероссийского земского союза помощи больным и ране-

¹ Комитет Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий (14 сентября 1914 г. – январь 1916 г.). Т. 2. Пг., 1917. С. 241.

² Падучев В.П. Помощь жертвам войны со стороны Татьянинского комитета // Призвание и благотворительность в России. 1916. № 1–2. С. 89.

³ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья... С. 148.

⁴ Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. С. 159.

⁵ Очерк деятельности Комитета... С. 15.

ным воинам (далее – ВЗС)¹. Но все равно в результате расширения деятельности комитета, средств, собираемых только путем частных пожертвований, не хватало, и он обратился за государственными субсидиями. Покровительство великой княжны имело положительное значение для получения средств. К тому же КТН выделялись деньги непосредственно от государства без составления предварительной сметы Особому совещанию по устройству беженцев (как это делали все другие организации помощи беженцам)². Всего с 14 сентября 1914 г. по 1 апреля 1917 г. сумма полученных средств составила 68 млн. руб.³

Как отмечают исследователи, деятельность отделений комитета в разных регионах отличалась и зависела от инициативы руководителей – губернаторов или их жен, представителей местных властей, сословных, общественных и национальных организаций⁴. На 1 января 1916 г. в распоряжении КТН находилось 1 625 разнопрофильных учреждений, среди которых 775 приютов, 268 питательных и 24 распределительных пункта, 165 медицинских учреждений, 101 мастерская, 76 учебных заведений, 63 столовых, 47 общежитий, 20 складов, 10 инвалидных домов и др.⁵ Нижегородское отделение с 14 сентября 1914 г. по 1 января 1916 г. помогло 221 079 беженцам, потратив 496 477 руб.; киевское отделение содержало на свои средства 6 питательных пунктов, 4 барака, 7 мастерских, 4 школы и гимназии, 7 приютов для детей, 12 больниц и амбулаторий⁶. На деньги КТН при железнодорожной станции «Чернигов» были обустроены питательный и санитарный пункты, через которые обязательно проходили все новоприбывшие по железной дороге беженцы⁷. Усилиями оренбургского отделения на продовольственных пунктах города всего за

¹ Комитет Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий (14 сентября 1914 г. – январь 1916 г.). Т. 1. Пг., 1916. С. 184.

² Законы и распоряжения о беженцах... С. 3; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате. 1914 г. Отдел первый. Второе полугодие (7–9). Пг., 1914. С. 3626.

³ Матвеева Н. Л. Благотворительность и императорская семья... С. 148.

⁴ Загребельна Н., Коляда І. Велика війна: українство і благодійність (1914–1917 рр.). К., 2006. С. 49.

⁵ Деятельность отделений Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 7. С. 713.

⁶ Щеров И.П. Миграционная политика в России. 1914–1922 гг. Смоленск, 2000. С. 45.

⁷ Загребельна Н., Коляда І. Велика війна: українство і благодійність (1914–1917 рр.). К., 2006. С. 152.

четыре дня (с 1 по 3 октября 1915 г.) выдали 181 446 порций еды. В Туле благодаря средствам КТН удалось решить проблему обеспечения беженцев теплой одеждой. В Москве были оборудованы распределительные пункты при станциях Черкизово, Владыкино и в Калитникове¹.

Особое внимание КТН уделял детям. По всей Российской империи представителями комитета или другими организациями на его средства открывались детские приюты. В августе 1915 г. он ассигновал 100 тыс. руб. польским организациям помощи жертвам войны на оборудование приютов для детей². На деньги КТН открывались детские амбулатории³. В 1915 г. помощь учебным заведениям превысила 5 млн. руб.⁴ В конце 1916 г. – начале 1917 г. КТН ежемесячно отчислял 2 265 000 руб. национальным организациям на уход детей в приютах и школах⁵.

По мнению исследователя Д. Цовяна, питание в учреждениях КТН, как правило, было лучше, чем могли себе позволить другие организации. Так, в 23 московских детских приютах, вмещающих 1 700 человек, на питание одного ребенка уходило 35 коп. в день, в то время как в аналогичных заведениях ВЗС – 15–20 коп. На завтрак дети получали полфунта белого хлеба, яйца и чай или кофе с молоком; обед состоял из супа и каши или картофеля (два раза в неделю давали суп с мясом), на ужин кормили молочной кашей и хлебом с чаем⁶. Докладывая о работе комитета в апреле 1917 г., А. Нейдгардт назвал 3 500 учреждений, в которых получало помощь 325 тыс. нетрудоспособных беженцев и детей⁷.

Кроме действительных членов в заседаниях КТН принимали участие представители министерств: внутренних дел, военного, путей сообщения и финансов, а также учебных заведений, банковских структур, железнодорожных управлений⁸. Все это, с одной стороны, способствовало формированию более четкого представления о необходимых мерах, с другой – комитет и его отде-

¹ Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов... С. 172, 174–175.

² Утро России. 1915. 30.08.

³ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Татьянинский комитет... С. 20.

⁴ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья... С. 136.

⁵ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1328. Л. 16.

⁶ Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов... С. 175–176.

⁷ Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья... С. 148.

⁸ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетр. 1. Курск, 1997. С. 47.

ления, таким образом, выполняли важные координационные функции в центре и на местах, привлекая представителей всех заинтересованных сторон, занимающихся беженском делом.

Важным направлением в работе КТН было ассигнования средств на работу других организаций, которые оказывали помощь беженцам. Польские, российские, армянские, латышские, литовские комитеты получали субсидии на содержание столовых, школ, больниц, общежитий, бюро труда и др.¹ При этом от беженцев, которые обращались за помощью непосредственно в КТН, требовали справки местных национальных организаций о виде уже полученной помощи, чтобы избежать повторных выдач².

В отношении помощи польским беженцам, выделение средств, прежде всего, имело место в финансировании культурно-образовательных мероприятий польских обществ помощи жертвам войны, а также помощи детям³. Так, КТН ассигновал ЦОК 3 025 000 руб. во второй трети 1916 г., в частности 620 тыс. руб. Могилевской губернии, 610 тыс. руб. Минской губернии, 240 тыс. руб. Харьковской губернии, по 200 тыс. руб. Киевской и Смоленской губерниям, 186 тыс. руб. Черниговской губернии⁴. При содействии КТН Общество помощи нуждающимся семьям поляков, участвующих в войне, и бедному польскому населению, пострадавшему от военных действий (далее – ПОПЖВ), открыло школы в Киеве и в Бердянске⁵. В Минске детский приют на 200 детей-сирот содержался на общие средства ПОПЖВ и КТН⁶. Аналогичные примеры имели место во всех губерниях Российской империи.

Для иллюстрации тезиса приведем выдержки из смет Харьковского отделения КТН. До августа 1917 г. оно ассигновало польским обществам 177 567 руб. на содержание приютов, в том числе для инвалидов. В частности, 18 900 руб. – общежитию для 60 учеников средних учебных заведений, 8 271 руб. – общежи-

¹ Очерк деятельности Комитета... С. 16–19.

² Ежемесячник Харьковского губернского отделения... С. 14.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 15713. Оп. 1. Д. 3. Л. 58; РГВИА. Ф. 15713. Оп. 1. Д. 19. Л. 323, 345, 349; Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (далее – ЦГИАК Украины). Ф. 917. Оп. 1. Д. 30. Л. 7; ЦГИАК Украины. Ф. 917. Оп. 1. Д. 185. Л. 65.

⁴ ЦГИАК Украины. Ф. 917. Оп. 1. Д. 16. Л. 159.

⁵ РГВИА. Ф. 15713. Оп. 1. Д. 3. Л. 231; Dziennik Kijowski. 1915. 29.11.

⁶ Комитет Ее Императорского Высочества... Т. 1. С. 184.

тию для мальчиков-сирот на 30 человек с обучением ремеслам, 60 834 руб. – на оплату средних учебных заведений, 22 751 руб. – реальному училищу на 250 юношей и 200 девушек, 15 766 руб. – начальным училищам, более 22 тыс. руб. – на обустройство и содержание классов для беженцев, 10 400 руб. – на функционирование восьми летних площадок для детей и отдельно 3 тыс. руб. – на финансирование культурно-просветительской деятельности, а также 40 056 руб. – на выплату денежной помощи польским беженцам из авансов КТН¹.

Заслуживает внимания тот факт, что из 76 млн. руб., потраченных комитетом, 27 млн. руб. было выделено для национальных организаций, среди которых польские занимали первое место². К тому же КТН помогал другим организациям не только деньгами, но и многими вещами, выступая в качестве поставщика продуктов питания, тканей, пряжи для изготовления одежды, гвоздей, железа, меди и других строительных материалов³. Например, Екатеринославский губернский отдел по оказанию помощи беженцам получил от КТН в сентябре 1916 г. 3 тыс. комплектов зимней одежды⁴. Однако зафиксированы случаи, когда КТН не имел возможности оказать помощь другим организациям. Так, например, Комитету римско-католического общества охраны женщин в Петрограде было отказано в предоставлении 30 копек для устройства дополнительных спальных мест в его помещениях. Не получили материалов на изготовление одежды и белья и швейные мастерские польских обществ из-за его ограниченного количества, которого хватало только для обеспечения собственных учреждений⁵.

Следует отметить, что в апреле 1917 г. КТН планировал провести Всероссийскую выставку беженских изделий «Россия: разоренные окраины». Данной намерение было вызвано убеждением в том, что общество должно быть лучше информировано об

¹ ГАХО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; ГАХО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 19; ГАХО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 5. Л. 16–17, 19.

² Матвеева Н.Л. Благотворительность и императорская семья... С. 147–148.

³ РГВИА. Ф. 16115. Оп. 1. Д. 6. Л. 110, 130, 172; РГВИА. Ф. 16115. Оп. 1. Д. 7. Л. 52–53.

⁴ РГВИА. Ф. 16115. Оп. 1. Д. 7. Л. 46.

⁵ РГВИА. Ф. 16115. Оп. 1. Д. 6. Л. 20, 23, 105, 131; РГВИА. Ф. 16115. Оп. 1. Д. 7. Л. 95–97.

условиях жизни и деятельности беженцев. С одной стороны, для того, чтобы доказать, что беженцы не «тунеядцы и бездельники», с другой, чтобы продемонстрировать населению правительственные меры в деле помощи беженцам. Для получения материалов выставочный комитет обратился к отделениям КТН, губернаторам, национальным организациям и всех другим учреждениям, с которыми сотрудничал¹.

По мере подготовки выставки беженских изделий планы разрастались. Организаторы пришли к выводу о необходимости освещения истории беженского дела в отдельных губерниях. Собирая информацию, к работе стремились привлечь самих беженцев. Готовились фотографии, рисунки, отчеты, воспоминания, карты, планы сооружений (убежищ, лечебно-питательных пунктов, распределителей и т.д.)². Предлагалось организовать кинематографические сеансы, которые передали бы на экране все трудности и бедствия, перенесенные беженцами, а также пролили свет на деятельность отделений КТН³. Параллельно планировалась подготовка сборника материалов по истории беженского дела⁴.

Польские организации помощи беженцам поддержали эту идею, высказали готовность создания комиссии для разработки общего плана действий⁵. Руководство ЦОК и ПОПЖВ провело работу по активизации местных отделений в этом направлении⁶. В предварительный список вошли изделия женского рукоделия, одежда и белье, обувь из кожи, дерева, столярные, токарные, кузнечные изделия, учебные пособия и т.п.⁷ Предусматривалась их продажа. Для каждого экспоната изготовлялась этикетка на русском и польском языках с указанием комитета, при котором было

¹ ГАХО. Ф. 18. Оп. 21. Д. 221. Л. 2, 7–11; Помощь беженцам // Трудовая помощь. 1916. № 10. С. 512.

² Gatrell P. Russia's First World War: Remembering, forgetting, remembering // Extending the borders of Russian history: Essays in honor of Alfred J. Rieber. New York, 2003. P. 294.

³ ГАХО. Ф. 18. Оп. 21. Д. 191. Л. 36.

⁴ Собрание материалов по истории беженского движения // Известия Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий. 1916. № 9. С. 5–6.

⁵ РГВИА. Ф. 15713. Оп. 1. Д. 25. Л. 281.

⁶ ГАХО. Ф. 18. Оп. 21. Д. 191. Л. 37–38; ЦГИАК Украины. Ф. 917. Оп. 1. Д. 16. Л. 246, 249.

⁷ ЦГИАК Украины. Ф. 917. Оп. 1. Д. 16. Л. 162.

создано изделие, его количество¹. Но, к сожалению, этим планам не суждено было осуществиться, хотя много свидетельств о трагической судьбе беженцев было обнаружено. Помешала политическая ситуация в стране, последствия которой отразились и на работе самого комитета.

После Февральской революции 1917 г. великую княжну отстранили от работы в комитете, передав все полномочия А. Нейдгардту. Организацию переименовали во «Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны», хотя в официальной отчетности какое-то время использовалось название «бывший комитет Татьяны Николаевны»². На организацию начались гонения, ее несомненные заслуги и достижения записывали только на счет прославления династии Романовых, были закрыты некоторые местные отделения. Финансирование было сокращено, и теперь оно поступало через Особое совещание по устройству беженцев, а не непосредственно от правительства³. В плане помощи польским беженцам сокращение ассигнований вызвало целый ряд осложнений. Ведь бывший комитет Татьяны Николаевны выделял средства на реализацию мероприятий польских обществ помощи беженцам и других организаций. Много вопросов вызвал поиск нового источника выплаты заработной платы учителям беженских классов в Харькове и других городах, функционирование самих школ⁴. Сеть учреждений, деятельность которых ранее финансировал КТН, осталась без средств к существованию⁵. Другими словами, комитет уменьшил объем работ, а новые ресурсы в административном порядке не были заранее предусмотрены, вследствие чего образовался вакуум в системе помощи беженцам.

В итоге Временное правительство решило отнести деятельность бывшего КТН и всех других организаций, которые возглавляли члены императорской семьи, к отдельным ведомствам. В случае с Татьянинским комитетом – к Министерству внутрен-

¹ ЦГИАК Украины. Ф. 917. Оп. 1. Д. 185. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1325. Л. 6; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1328. Л. 1; ГАХО. Ф. 18. Оп. 21. Д. 177. Л. 5, 8; ГАХО. Ф. 18. Оп. 21. Д. 216. Л. 9.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1325. Л. 1, 4, 6; ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1328. Л. 1, 8–9.

⁴ ГАХО. Ф. 45. Оп. 10. Д. 190. Л. 1–2; ГАХО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 4; ГАХО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 5. Л. 17; ГАХО. Ф. 317. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁵ ГАХО. Ф. 18. Оп. 21. Д. 237. Л. 231.

них дел¹. Окончательно проблему решили на Всероссийском съезде по вопросам помощи беженцам, который проходил в Москве с 7 по 10 апреля 1917 г. В постановлении съезда было признано необходимым закрыть бывший комитет Татьяны Николаевны и все его местные отделения. Функции центрального комитета КТН с имеющимися учреждениями передавались Особому совещанию по устройству беженцев, а местных отделений вместе с имуществом – в региональные национальные или общественные комитеты помощи беженцам (губернские, городские, уездные) в зависимости от их непосредственного обслуживания². Безусловно, указанные изменения снизили эффективность работы комитета и вывели его из круга ведущих организаций по оказанию помощи беженцам. После Октябрьской революции 1917 г. он прекратил существование.

Подводя итоги, отметим, что КТН играл одну из ведущих ролей в числе организаций, которые оказывали помощь беженцам. Это была полугосударственная организация под патронатом великой княжны Татьяны Николаевны. Ее покровительство обеспечивало комитету финансовую поддержку правительства и одновременно позволило объединить под «высоким именем» общественную и частную инициативу. До лета 1915 г. (возникновения волны массового беженства) КТН на финансирование своей деятельности хватало средств, поступающих от всероссийских и региональных акций по сбору пожертвований. В дальнейшем такие средства составляли лишь часть его денежных поступлений наряду с государственными ассигнованиями. Комитет открыл широкую сеть отделов в губерниях и подотделов в уездах страны. Они занимались расселением беженцев, их регистрацией, выдачей денежной помощи, одежды, обуви, основанием приютов, общежитий, столовых, а также образовательных учреждений. Кроме того, отделы КТН выполняли важные координационные функции на местах.

Важным элементом в деятельности комитета было ассигнования средств на работу других беженских организаций, в том

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1325. Л. 1–2.

² Постановления съезда по вопросам помощи беженцам 7–10 апреля 1917 года в Москве // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 1917. № 61–63. С. 65, 71.

числе польских обществ помощи жертвам войны. В первую очередь это касалось опеки детей и комплекса мероприятий культурно-образовательного характера. Можно сделать вывод о сотрудничестве КТН и национальных организаций, а также о его близости к правительственному Особому совещанию по устройству беженцев в связи с протекцией великой княжны Татьяны Романовой. Финансовая поддержка КТН и собственная практическая деятельность способствовали повышению эффективности помощи польским беженцам.

ПОЛЬСКАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА И РУССКИЕ ВОЙНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПОЛЬШЕ (1920–1924 ГГ.)

А. И. Ёлкин

Поражение Австро-Венгрии и Германии в ходе Первой мировой войны, а также революционные катаклизмы в бывшей Российской империи создали благоприятные условия для восстановления польской государственности. Польское государство было образовано в ноябре 1918 г. Высшая военная и гражданская власть в нем оказалась передана Ю. Пилсудскому, которого объявили начальником государства. Первостепенное значение теперь для него приобретал вопрос о границах новой Польши. Поскольку западная граница государства определялась Версальским договором, подписанным 28 июня 1919 г. в Париже, то Пилсудский обратился к проблеме восточной границы страны. Его внешнеполитическая концепция, получившая название федералистской, излагалась им в меморандуме, направленном Министру иностранных дел Японии 13 июля 1904 г. Она предусматривала разделение российского государства на главные составляющие части и предоставление независимости входившим в состав империи народам¹.

Теперь же, учитывая, что в результате социальных потрясений и Гражданской войны, Россия оказалась ослабленной, а в бывших окраинах наблюдается подъем национального движения, воспользовавшись создавшейся в ней ситуацией, отделить от нее

¹ Pilsudski I. Pisma Zbiorowe. T. II. W. 1937. S. 253.

Белоруссию, Литву и Украину и превратить их в союзные буферные государства. Реализация этого плана на практике призвано было обеспечить доминирование Польши в Центральной и Восточной Европе, подавление своей силой России, вытесненной далеко в Азию¹.

Поскольку основным инструментом польской внешней политики на Востоке стали вооруженные конфликты с соседями, то претворить эти планы в жизнь оказалось не просто. Однако начальник государства хорошо понимал, что для успешных военных действий на землях, где господство поляков уже не одно столетие отождествлялось с помещиками и католической церковью, следовало иметь союзников из числа русских, белорусов и украинцев².

Естественно, что различные аспекты польской восточной политики, формирование антибольшевистских воинских частей, их участие в военных действиях как союзников Польши, а затем интернирование и пребывание в лагерях на территории страны, привлекали внимание польских и российских исследователей³.

В своей борьбе с большевиками Ю. Пилсудский пытается привлечь на свою сторону их противников из рядов россиян и прежде всего тех, кто поддерживал его федералистскую концепцию. К ним в первую очередь относился бывший эсер Б. В. Савинков. Он во Франции занимался вопросами обеспечения армии А. В. Колчака оружием, боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Причем поляки начинают поиск союзников среди русских после разгрома А. И. Деникина, сторонника «единой и неделимой России». Ибо теперь главным противником польской независимости они считают Советскую Россию. Первые контакты между Б.В. Савинковым и представителем Ю. Пилсудского К. М. Вензегольским* состоялись в январе 1920 г. в Париже. Эмиссар начальника государства передал приглашение Ю. Пил-

¹ Пайлс Р. Русская революция: В 3 кн. К. 3: Россия под большевиками. М., 2005. С. 116.

² Матвеев Г. Пилсудский. М., 2008. С. 253.

³ Karpus Z. Wchodni sojusnicy Polski w wojne 1920 roku. Torun, 1999; Materski W. Na Wiedcie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów. 1918–1943. W. 2005; Симонова Т.М. Белые формирования в Польше (Отряд русских беженцев) в 1918–1921 гг. // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 39–57.

* К.М. Вензегольский был близко знаком с Б. Савинковым, будучи комиссаром 8 армии во время правления Керенского.

судского встретиться с ним в Польше. В январе 1920 г. Б. Савинков вместе с Н. В. Чайковским, членом Русской заграничной делегации, приехал в Варшаву. Последний в Париже настоятельно уговаривал Савинкова поехать в Варшаву и начать переговоры с Ю. Пилсудским¹. Здесь они сделали заявление о том, что они как представители русской демократии настаивают на более определенной политике в отношении Польши и Финляндии, т.е. признании их независимости без всяких оговорок².

На состоявшейся вскоре встрече Ю. Пилсудского и Б. Савинкова, маршал предложил своему собеседнику сформировать с помощью поляков русский отряд на польской территории. Все расходы, связанные с формированием воинских частей, зачислились в долг будущего Русского государства – Польше³. Возникший в июне 1920 г. в Варшаве Русский Политический Комитет (РПК) во главе с Б. Савинковым приступил к формированию русских частей в лагере Скалмержицах возле Калиша. Предполагалось, что численность этих формирований должна составить 5 тыс. человек⁴.

Работа по вербовке добровольцев развернулась не только в Польше, но и за ее пределами. Это касалось, прежде всего, переброски останков бывшей Северо-западной армии генерала Н. Н. Юденича из Эстонии в Польшу⁵.

Об условиях, в которых проходила эта работа красноречиво свидетельствует отчет помощника Б. Савенкова А. А. Дикгоф-Деренталя. В частности, 80 % его деятельности на территории Эстонии протекала в условиях конспирации, потому что в феврале 1920 г. Советская Россия и Эстония заключили мирный договор. Помогавшие ему в Ревеле (Таллине) люди действовали тайно. Поэтому отправка воинского эшелона производилась под видом польских беженцев, хотя поляки в этом участия фактически не принимали⁶. Кроме того, с территории Литвы, в соответствии с соглаше-

¹ Дюррант Д. С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица. Биографический альманах. М., СПб., 1994. № 5. С. 451.

² Свобода. 1920. 25.1.

³ ГАРФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.

⁴ Karpius Z. Jency i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924. Toruń. 1991. S. 81

⁵ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1, Д. 36. Л. 92.

⁶ ГАРФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

нием заключенным между Б. Савенковым и генералом А. В. Паленовым 18 июня 1920 г., перевезли часть его войск (около 2 500 чел.), выходцев из Витебской и Псковской губерний в Калиш¹.

В начале марта 1920 г. границу Польши перешла и оказалась здесь интернирована Русская добровольческая армия под командованием генерала Н. Э. Бредова, сражавшаяся у Деникина. Солдат и офицеров разместили в лагерях Домбие, Стшалково, Пикулицы и Александров Куявский². Численный состав армии насчитывал 15,5–16 тыс. солдат и офицеров³. Генерал Н. Э. Бредов пытался помешать вербовке в савинковские части, но после вмешательства польских властей и представителя П. Н. Врангеля в Польше генерала П. С. Махрова, солдатам и офицерам предоставили свободу выбора.

Общее количество «бредовцев» вступивших в русские и украинские части составило около 2 тыс. человек. Однако ситуация, касавшаяся скалмержицких формирований (Калиш), осложнилась с первых же дней. Главной причиной этого оказалось поведение высшего командного состава сначала в лице генерала П. В. Глазенапа, а потом заменившего его генерала Л. А. Бобошко. Оба генерала были недовольны демократическим направлением деятельности РПК, оба признавали исключительно генерала П. Н. Врангеля, т. е., в сущности, не признавали никого, ибо генерал находился в Крыму. Оба видели в комитете только источник финансирования для отряда; оба не считали нужным уважать обычаи и нравы той страны, которая оказала им гостеприимство.

В связи с тем, что на советско-польском фронте летом 1920 г. сложилась критическая ситуация, поляки требовали отправки русских частей на фронт. Командование же русских частей, ссылаясь на недостаток вооружения и обмундирования, отказывалось это сделать. На изменение ситуации повлияло улучшение отношений между Врангелем и Варшавой, что нашло свое выражение в прибытии в польскую столицу представителя Врангеля генерала П. С. Махрова⁴. По приказу последнего командиром русского отряда оказался назначен генерал Б. С. Пермикин.

¹ Karpus Z. Jency... S. 81.

² ГАРФ. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

³ Karpus Z. Jency... S. 62.

⁴ ГАРФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 171. Л. 3.

В связи с тем, что только во время битвы за Варшаву (август 1920 г.) поляки взяли в плен около 50 тыс. красноармейцев, Б. Савинков направил 27 августа 1920 г. письмо в Военное министерство, где предлагал довести численность русских формирований до 24 тыс. человек¹. Поляки же в свою очередь настоятельно продолжали требовать ускорить отправку русских частей на фронт. В начале сентября 1920 г. военный министр генерал К. Сосновский приказал максимально быстро оснастить русский отряд и отправить его сразу же на фронт². Генерал Врангель переименовал отряд Б. Пермикина в 3-ю Русскую армию³. К моменту заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в ее рядах насчитывалось 6048 солдат и офицеров⁴.

Одновременно с формированием 3-й Русской армии проходил процесс создания частей генерала С. Булак-Балаховича. Он сражался в рядах Северо-Западной армии генерала Юденича. После поражения последней формирования Булак-Балаховича оказались на территории Эстонии, но после заключения ею мирного договора с Советской Россией вынуждены были покинуть ее территорию. В марте 1920 г. на территорию Польши перешло 1 000 солдат и офицеров⁵. Их переформирование предполагалось осуществить в Брест-Литовске, но в связи с приближением фронта, части перевели в Люблин. Отряд С. Булак-Балаховича состоял, главным образом, из россиян, выходцев из Новгородской, Петроградской и Псковской губерний, жителей Латвии и Литвы, а также кресовых поляков. Национальный состав соединения Булак-Балаховича выглядел так: русских – 41 %, украинцев – 23%, белорусов – 21 %, других национальностей – 15 %⁶. В конце сентября 1920 г. отряд Булак-Балаховича насчитывал 4 600 штыков и 1 150 сабель⁷. Поэтому поляки выступили инициаторами заключения между Б. Савинковым и Булак-Балаховичем соглашения (27 августа 1920 г.) о том, что формирования последнего в политическом плане будут

¹ Karpus Z. *Wschodni sojusnicy Polski w wojnie 1920 roku*. Torun, 1999. S. 126.

² ДМИСПО. Т. 3. М., 1965. С. 401-404.

³ Karpus Z. *Wschodni sojusnicy...* S. 126.

⁴ Там же.

⁵ Karpus Z. *Wschodni sojusnicy ...* S. 74.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Karpus Z. *Traktat Ryski a polsky sojusznicy zokres woiny polsky-bolszewickiej 1920 roky // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach*. Torun, 1988. S. 232.

подчиняться РПК, поскольку здесь основную массу солдат и офицеров составляют русские. В сентябре 1920 г. соединение С. Булак-Балаховича получило наименование Русской Народно-Демократической Армии (РНДА). В начале октября 1920 г. генерал заявил, что в его формировании прекрасно уживаются русский национальный и польский с белым орлом флаги¹.

Кроме 3-й армии и частей Булак-Балаховича, поляки решили привлечь на свою сторону казаков. Объясняется этот интерес рядом причин. Во-первых, на это решение оказала влияние ситуация, складывающаяся на Восточном фронте в конце мая – начале июня 1920 г. Здесь польские войска вступили в контакт с частями Первой конной армии С. М. Буденного, а у него имелись целые части с прежними командирами, состоящими из донских, кубанских, уральских, тверских и оренбургских казаков, служивших до этого у А. И. Деникина. Во-вторых, поляки решили привлечь казаков на свою сторону, учитывая их борьбу против советской власти на Дону и Кубани². Первые казачьи части перешли на сторону поляков в конце мая 1920 г. под Уманью и Белой Церковью³. Всего же в конце сентября 1920 г. на территории Польши оказалось 6-7 тысяч казаков⁴. Однако Т. М. Симонова приводит цифру в 8 тыс. чел.⁵ В войне же 1919-1920 гг. на стороне поляков сражались бригады есаулов А. И. Сальникова и М. И. Яковлева, а также полк кубанских казаков в составе армии Украинской Народной Республики (УНР) и полк донских казаков полковника Духопельникова у С. Булак-Балаховича⁶.

Деятельность Б. Савинкова и его соратников, направленная на реализацию их планов, которые он думал осуществить с помощью поляков, вызвала резкую критику со стороны эмиграции. Показательна в этом отношении статья эсера Н. Авксентьева «Patriotica». Автор опровергает тезис о том, что не с Россией воюет Польша, а с большевиками. «Больше того, – пишет Н. Авксентьев, – находились такие, которые считали возможным сочувствовать тому, чтобы русские отряды шли вместе с польскими

¹ Свобода. 1920. 3.10.

² Karpus Z.Wschodni sojusnicy ... S. 136.

³ Артишевский А. Острог, Дубно, Броды. М.-Л., 1928. С. 13.

⁴ Karpus Z.Wschodni sojusnicy ... S. 146.

⁵ Симонова Т.М. Белые формирования в Польше (Отряд русских беженцев). С. 48.

⁶ Karpus Z.Wschodni sojusnicy ... S. 154.

войсками бить Россию. В этот момент считали за честь быть принятым Пилсудским, уверять его в дружбе, унижаться перед ним и читать «неизреченное» на его челе и его очах»¹.

После подписания советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. возникли разногласия между правительством Витоса и военными во главе с Ю. Пилсудским. Если члены правительства выступали за точное соблюдение соглашения и против поддержки антисоветских группировок, то военные ратовали за продолжение вооруженной борьбы. Ю. Пилсудский предложил русским частям выбор: либо эвакуация с оружием в руках из страны к генералу Врангелю в Крым, либо действовать на свой страх и риск².

Русские и украинские формирования приняли решение самостоятельно продолжить военные действия. Общая численность войск составила 40-50 тыс. человек. Б. Савинков и С. Петлюра заключили соглашение о взаимодействии. Оно предусматривало признание первым государственной независимости УНР с действующим правительством во главе с головным атаманом С. Петлюрой³. С. Булак-Балахович решил действовать самостоятельно, считал, что 3-я Русская армия недостаточно боеспособна, ибо ее части находились на стадии формирования. Поход начался в октябре 1920 г. войска 3-й Русской армии и С. Петлюры наступали на Украине в сторону Черкасс, а С. Булак-Балахович в Белоруссии – на Лунинец, Мозырь, Гомель.

Военные действия 3-й армии были непродолжительными. Потеряв в боях 25 % состава, вместе с украинскими войсками она вернулась на территорию Польши⁴. Что касается добровольческой армии Булак-Балаховича, то ей удалось взять г. Мозырь, продвинуться до Днепра, но затем под давлением противника в начале декабря 1920 года армия вернулась на территорию Польской республики. Во время этого похода Булак-Балахович объявил себя борцом за независимую Белоруссию.

Все части, около 17–20 тыс. человек, оказались интернированы⁵. Всего на финансирование двух армий польские власти из-

¹ Авксентьев Н. «Patriotica» // Литература русского Зарубежья. Т. 1. Кн. 1. М., 1990. С. 364–367.

² ДМИСПО. Т. 3. М., 1965. С. 448–449.

³ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 36. Л. 113.

⁴ ГАРФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 171. Л. 4.

⁵ Там же.

расходовали с 1 июля по 20 декабря 1920 г. 150 681 312 польских марок, 467 700 царских рублей и 750 000 думских рублей¹. Бывших своих союзников поляки разместили в лагерях на территории западной и центральной части страны. Всего их насчитывалось около 20.

Однако в связи с недавней советско-польской войной на указанной территории имелись значительные разрушения, а, кроме того, в лагерях находилось около 130 тыс. пленных красноармейцев². Поскольку эта цифра встречается в советских дипломатических документах, но не подкреплена какими-либо источниками, то современные российские исследователи приводят иные данные. Так, И.В. Михутина считает, что в плен попало 165 550 красноармейцев³, Т.М. Симонова указывает цифру 146 813⁴, а Г. Ф. Матвеев приводит количество военнослужащих, оказавшихся в плену – 206 877 человек⁵.

Поэтому многие лагеря оказались плохо подготовленными к приему новых контингентов. Это касалось, прежде всего, помещений, не приспособленных для жилья, нехватки одежды и обуви, а также средств гигиены. По подсчетам автора, в лагере Тухола в ноябре 1921 г. в обмундировании нуждалось 309 человек⁶, в Стшалково, где в 1922–1923 гг. находилось свыше 1200 интернированных, около 50 % из них оказались без сапог, верхней одежды, поскольку все изнашивалось⁷.

Б. Савинков неоднократно обращался с письмами к польским властям, в частности к Ю. Пилсудскому: «Положение в лагере Щипиорно, где в одном бараке помещается до 200 человек, тяжелое. В лагере уже началась эпидемия тифа, среди интернированных ощущается крайняя нужда в белье, обмундировании, мыле. Температура в бараках 1 градус. Пища варится и распределяется

¹ Свобода. 1920. 23.12.

² Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. док. И материалов. М.: СПб., 2004. С. 8.

³ Михутина И. В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 66.

⁴ Симонова Т. Поле белых крестов. Русские военнопленные в польском плену // Родина. 2001. № 4. С. 53.

⁵ Матвеев Н. Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 120–126.

⁶ ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 3. Л. 108.

⁷ ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 180.

нерегулярно»¹. Аналогичные проблемы существовали и в других лагерях. С октября 1920 г. лагеря интернированных находились в подчинении Военного министерства, а с апреля 1921 г. они перешли под контроль Министерства иностранных дел. Следовательно, этим решением интернированные воинские формирования переводились на положение беженцев.

Непосредственно же задача заботы об интернированных легла на РПК. Ему пришлось одновременно решать две основные задачи: добиться ежемесячных регулярных пособий, выдачи пайков и обеспечения обмундированием, а также сохранения в лагерях воинских формирований, способных продолжить борьбу с большевиками.

Особенно остро стояла проблема финансирования. Единственная помощь со стороны зарубежных русских эмигрантских организаций выразилась в передаче 25 тыс. франков Н. В. Чайковским РПК в декабре 1920 года². Неоднократно Б. Савинков обращался с просьбой к Ю. Пилсудскому об оказании финансовой помощи. В марте 1921 г. им было получено от польских властей 25 млн. польских марок³.

После нескольких месяцев интернирования все русские части слились в один отряд, которым командовал генерал Матвеев и в отдельную казачью группу во главе с полковником М. Н. Гнилырыбовым⁴. Подчинялись они начальнику по делам интернированных РПК Д. М. Одинцу⁵. В лагерях сторонники Б. Савинкова осуществляли чистку. Из них были удалены уголовные и морально неустойчивые элементы, а также весь старый командный состав. Эти действия Б. Савинкова вызвали резкие протесты среди монархистов⁶. В частности, В. М. Горлов и генерал П. С. Махров считали, что такие мероприятия Б. Савинкова вызваны политическими соображениями и приведут к разложению войск. Ибо нежелающих подчиниться смещали и удаляли из мест расквартирования, причем их сначала поместили в концентрационный лагерь, но потом выпустили и разрешили выехать из Польши⁷.

¹ Там же. Ф. 5866. Оп. 1, Д. 25. Л. 2.

² За свободу. 1921. 4 января.

³ ГАРФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 171. Л. 6.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 125. Л. 2.

⁶ ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 190. Л. 1-2.

⁷ Там же.

Пребывание интернированных в лагерях регулировалось инструкцией Военного министерства, изданной 2 декабря 1920 года. Согласно этому документу, в интернированных войсках разрешалось сохранить прежнюю воинскую организацию: дивизии, бригады, полки, батареи; в них поддерживалась воинская дисциплина, воинский дух и порядок. В первом же приказе, изданном генералом Матвеевым, предписывалось всем частям сохранить свое тактическое деление. В лагере Щипиорно организовали курсы для младших офицеров. Целью двухмесячного обучения являлось пополнение пробелов в строевой и тактической подготовке, а также предоставление офицерам возможности сблизиться и вести здоровый образ жизни. Здесь же при запасном батальоне сформировали учебную роту и пулеметную команду¹. Высшие военные курсы открыли в 1921 г. в лагере Тухола. Слушателями их являлись 41 человек². Позже осуществили реорганизацию курсов и офицерских рот в двухклассное специальное высшее заведение³.

Поскольку Франция выступала за продолжение вооруженной борьбы против Советской России, то глава ее военной миссии в Польше генерал А. Ниссель в своем предписании 30 ноября 1920 г. подчеркивал: «Было бы желательно, чтобы вы (члены миссии) поощряли командный состав к продолжению изучения военного дела; в частности, надо добиться от польских властей разрешения на посещение лекций и инструктажа, которые проводят французские офицеры в данных округах⁴. Однако польские военные выступили против совместных занятий с русскими офицерами.

Пытаясь продолжить борьбу против большевиков, Б. Савинков не только добился подчинения себе командования двух бывших армий, но и воссоздал образованный в 1918 г. Союз защиты родины и свободы. Здесь он получил название Народный союз защиты родины и свободы (НСЗРиС). В качестве основной задачи была выдвинута борьба за «Третью Россию», построенную на крестьянской демократии, мелкой крестьянской собственности и на союзе народов⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 18, 23.

² Там же. Д. 4. Л. 166.

³ Там же. Л. 194.

⁴ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. С. 416.

⁵ На пути к «Третьей России». Варшава, 1920. С. 18.

Отделения Союза появились в лагерях интернированных. Созданная специальная агитационная комиссия развернула пропагандистскую работу среди интернированных, а также пленных красноармейцев, находившихся в этих же лагерях. За период с сентября по май 1921 г. комиссия отпечатала 107 названий различных брошюр и листовок в количестве 4 048 230 экземпляров. Из них 1,5 млн. экземпляров распространили среди военнопленных частей, а в Советскую Россию отправили свыше 1 млн. экземпляров¹. Поскольку первостепенное внимание уделялось пропаганде и агитации среди интернированных, то в лагерях начали выходить рукописные и напечатанные на гектографе газеты и журналы. В Щипиорно издавались газеты «За проволокой», «Наше слово» и журнал «Дон», последний издавался и в лагере Остров-Познанский². Наряду с пропагандистской деятельностью, в лагерях осуществлялась культурно-просветительная работа. В лагере Тухола возник Союз культурно-просветительных деятелей³. По его инициативе организовали ансамбль балалаечников, гастролировавший затем по Польше. Он дал в 1922 г. концерты в Лодзи, Познани и на Поморье⁴. Коллективы художественной самодеятельности появляются и в других лагерях. В лагере Щипиорно организовали самодеятельный коллектив, поставивший постановку «Дни нашей жизни»⁵.

РПК на средства Земгора (ЗГК) создал в лагерях библиотеки, в частности, в Калише, Тухоле и Стшалково, где имелось 353 книги⁶. Кроме того, наиболее крупные из артелей интернированных, работавших в Августове и Беловежье, снабжались за счет ЗГК книгами и газетами⁷.

Для детей и малограмотных взрослых в лагерях организовали 4 школы⁸. Важную роль в жизни интернированных и пользовались популярностью различные спортивные мероприятия. В обстановке апатии и тяжелых бытовых условий спорт являлся объединяющим фактором, особенно футбол и волейбол.

¹ ГАРФ. Ф. 5866. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.

² За свободу. 1921. 15.01; 17.02.

³ ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 25. Л. 143.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 131.

⁵ За свободу. 1921. 10.01.

⁶ ГАРФ. Ф. 5809. Оп. 1. Д. 205. Л. 4.

⁷ Бюллетень № 9-10 Российского Земско-Городского комитета помощи российским гражданам за границей. Париж, 1921. № 3. С. 253.

⁸ Зарубежная русская школа. 1920-1924. Париж, 1924. С. 106.

**Численный состав состава интернированных
(на 20 мая 1921 г.)**

Название лагеря	Офицеры	Солдаты	Женщины	Дети
Пикулице	551	2136		
Рожаны	61	822		
Плоцк	240	791		
Торн	610	865		
Остров-Ломжинский	719	3126	303 Сестры – 34	103
Итого	2128	7739	337	103

Еще добровольцы двух армий оказались интернированными в лагеря Стшалково, Щипиорно, Калиш, Остров-Познанский, Тухола, Ланцут и другие¹. После завершения депортации пленных красноармейцев из Польши осенью 1921 г. основная масса интернированных находилась в 4-х лагерях: Калиш, Стшалково, Щипиорно, Тухола.

Русская пресса в Польше, в частности, газета «За свободу», на своих страницах уделяла постоянное внимание лагерям интернированных. Однако, получая финансовую помощь от польских властей, она не всегда показывала истинное положение, в котором оказались интернированные. Несомненный интерес, поэтому представляют статьи по данной проблеме, опубликованные в русской зарубежной прессе. Так, на страницах «Общего дела» (Париж) была помещена статья «Жизнь русского солдата в Польше»². Автор статьи утверждал, что солдаты 3-й армии живут в полуразрушенных землянках, в сырости и холоде, они раздеты, получают пищи лишь столько, чтобы не умереть с голода, и находятся в полной зависимости от любого лагерного унтер-офицера.

Эта публикация вызвала резонанс в Польше. Состоялось специальное заседание ликвидационной комиссии Русского эвакуационного комитета (он заменил РПК) 31 мая 1921 г., посвященное обсуждению статьи в «Общем деле». Б. Савинков заявил, что по имеющимся у него сведениям, положение интернированных в

¹ ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 59. Л. 247.

² Общее дело. 1921. 27.05.

Польше неизмеримо лучше положения врангелевской армии на Балканах; паек интернированных равен пайку польского солдата, есть кров. Поэтому статья эта совершенно неверно освещает положение интернированных в стране¹. Ежедневный паек, выделяемый союзным командованием в Константинополе беженцам, состоял из 500 г хлеба, 200 г мясных консервов, 80 г риса или фасоли, 20 г масла, 20 г сахара² (табл. 2).

Таблица 1

**Суточные нормы выдачи продуктов (в гр.)
для офицеров, солдат и членов их семей³**

Наименование продуктов	Офицеры	Солдаты	Члены семей офицеров и солдат	Цена
Мука	400	100	400	1 марка 50 пф.
Мясо	250	200	150	11 марок
Жиры	60	50	50	20 марок
Крупа	150	150	150	2 марки 40 пф.
Картофель	500	500	500	34 пф.
Мармелад	50	50	50	7 марок
Сахар	85	30	50	10 марок
Кофе	14	-	14	55 марок
Цикорий	10	6	10	5 марок
Чай	7	5	7	50 марок
Папиросы	10 шт.	5 шт.	-	-
Мыло	200	150	200	20 марок

Однако на практике имели место случаи уменьшения указанных норм, часто задерживалась выдача хлеба на день, а то и два⁴.

В лагере Стшалково в связи с недостаточным питанием наблюдались случаи заболевания от истощения и хождения по ба-

¹ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 35. Л. 21.

² Владимиров. В. Возвратите их на Родину. М., 1924. С. 15.

³ ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

⁴ За свободу. 1921. 9.01.

ракам с просьбой куска хлеба¹. Сюда следует добавить имевшие место эпидемии: особенно брюшного тифа и других инфекционных заболеваний. Поэтому трудно согласиться с мнением З. Карпуса о хорошем состоянии здоровья интернированных. Ибо он сам отмечает, что количество больных составляло 10 % от общего числа интернированных. Однако, если в начале 1921 г. в лагерях находилось немного более 10 тыс. человек, то больных насчитывалось около 1 тыс. человек².

В апреле 1921 г. в силу вступил Рижский договор, но самым болезненным для обоих государств вопросом было выполнение 5-й статьи соглашения, предусматривавшей отказ сторон от поддержки враждебных друг другу организаций на своей территории. С весны 1921 г., как уже отмечалось, контроль над лагерями интернированных осуществлялся Министерством иностранных дел, которое начало проводить мероприятия, направленные на их ликвидацию. Во-первых, на их содержание нужны были значительные средства, и во-вторых, это диктовалось политическими моментами. Левые депутаты в сейме требовали от правительства приступить к постепенной, но незамедлительной ликвидации лагерей³.

В свою очередь, советская сторона часто протестовала против многолетнего существования лагерей, в которых находились ее политические противники⁴. Поэтому осенью 1923 г. ликвидировали лагерь Стшалково. В нем осталось 180 человек, в том числе 70 женщин и 40 детей. Для них создали сеть мастерских «промышленный городок»⁵. А 31 сентября 1924 г. польские власти закрыли последний лагерь Калиш⁶. Бывшие интернированные получили карты Азиля, т. е. стали политическими эмигрантами. Им предоставили возможность выехать на новое место жительства в центральные и западные воеводства. Въезд на территорию восточных воеводств, за редким исключением, оказался запрещен.

¹ ГАРФ. Ф. 5872. Оп. 1, Д. 74, Л. 6.

² Karpus Z., *Zolnierze Ukrainskiej Republiki Ludowej internowani w obozach w Polsce w latach 1920–1924*. Третій міжнародний конгрес українців 26-29 серпня 1996 р. Харків, 1996. S. 58.

³ ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 149. Л. 125.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 104-108.

⁵ ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 149. Л. 47.

⁶ Там же. Л. 56.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСМОТРА КОНСТИТУЦИИ В ПОЛЬСКОМ СЕЙМЕ 1928–1930 ГОДОВ

И. К. Ким

Одной из главных задач, вставших перед избранным в марте 1928 года и заседавшим до своего досрочного роспуска в августе 1930 года польским Сеймом, стал пересмотр конституции. Выборы значительно изменили его состав. Относительное большинство (125 мандатов из 444) в нижней палате получил созданный накануне выборов организационно рыхлый Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББВР), объединивший большую часть пришедшего к власти в результате майского переворота 1926 года пилсудчиковский (санационный) лагерь. Увеличилось представительство левых: Польской социалистической партии (ППС) (64 мандата) и крестьянских «Вызволене» (41 мандат) и Стронництва хлопского (СХ). Значительно ослабло в Сейме влияние центристских партий Польского стронництва христианской демократии (ПСХД) и Национальной рабочей партии (НПР), крестьянского «Пяста» – их блок получил 34 мандата, и особенно правого Стронництва народного (СН) – 34 мандата¹.

Проблема пересмотра конституции Сеймом второго созыва освещалась в польской историографии. Ей были посвящены фрагменты обобщающих работ, а также разделы в трудах об истории и конституциях Польши², однако нет исследований, специально раскрывающих данную проблему.

Мартовская конституция в статье 125 предусматривала, что Сейм второго созыва мог пересмотреть конституцию «большинством в 3/5 голосующих в присутствии по крайней мере полови-

¹ Mały Rocznik Statystyczny. 1930. Warszawa, 1930. S. 137.

² См., например: Ajnenkiel A. Parlamentaryzm w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1975; Ajnenkiel A. Polska po przewrocie majowym. Warszawa, 1980; Ajnenkiel A. Polskie konstytucje. 1791-1995. Warszawa, 2001; Bardach J., Leśnodorski M., Pietrzak M. Historia ustroju i prawa polskiego. Warszawa, 2001; Czubiński A. Centrolew. Kształtowanie się i rozwój opozycji antysanacyjnej w Polsce w latach 1926-1930. Poznań, 1963; Garlicki A. Od maja do Brześcia. Warszawa, 1985; Gwiżdż A. Sejm i Senat w latach 1918-1939 // Dzieje Sejmu Polskiego. Warszawa. 1997; Historia sejmu polskiego. Warszawa; Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. T. II. Cz. II; Kallas M. Historia ustroju polskiego. Warszawa, 2005.

ны установленного законом количества депутатов»¹. В предвыборной кампании 1928 года проблема изменения конституции была одним из важных лозунгов разных политических сил. Вступая в должность маршала (председателя) Сейма, социалист И. Дашиньский на его первом заседании 27 марта заявил: «...этот сейм имеет право собственными силами осуществить изменения этой конституции, он является тем самым сеймом конституционным. Значение этого следует уже сегодня на первом заседании этого сейма поднять и подчеркнуть»².

Инициатива рассмотрения в Сейме вопроса о пересмотре конституции принадлежала санационному лагерю. А. Гарлицкий замечает: «Своеобразным парадоксом было обстоятельство, что ББВР, делающий из пересмотра конституции один из своих основополагающих предвыборных лозунгов, не имел не только проекта изменений, но даже их концепции», что объяснялось «отсутствием чёткой по этому вопросу позиции Пилсудского»³.

На собрании избранных депутатов Сейма и сенаторов от ББВР 13 марта 1928 года Ю. Пилсудский сказал: «Вы должны пойти на пересмотр конституции, но это очень долгая работа, поскольку там столько проблем и вопросов, что быстро их исчерпать невозможно»⁴. На рубеже июля-августа 1928 года состоялось закрытое совещание по вопросу изменения конституции с участием, с одной стороны, ведущих пилсудчиков (С. Цар, Б. Медзильский, Т. Голувко, И. Матушевский, К. Свительский, В. Маковский, Я. Енджевич, Х. Юзевский, А. Прыстор, Я. Пилсудский, А. Скварчиньский и другие), с другой, видных консерваторов (С. Эстрейхер, С. Мацкевич-Цат, Я. Радзивилл, Э. Сапега и другие), склонявшихся к сотрудничеству с пилсудчиками. Последние предложили несколько проектов конституции, предусматривавших, среди прочего, сильную исполнительную власть, создание государственного совета и конституционного трибунала. Большинство пилсудчиков в этом вопросе, по утверждению А. Гарлицкого, «нашло с консерваторами общий язык, а случилось, что консерваторы вынуждены были модернизировать их консерватизм»⁵.

¹ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1921. № 44.

² Ignacy Daszyński o państwie, demokracji i parlamentarystyce. Warszawa, 1997. S. 171.

³ Garlicki A. Op. cit. S. 291.

⁴ Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. IX. Warszawa, 1991. S. 105.

⁵ Garlicki A. Op. cit. S. 292.

На осенней сессии Сейма 31 октября 1928 года клуб (фракция) ББВР внесла предложение о начале работы по пересмотру конституции. Оппозиция по этому вопросу не заняла единой позиции: правица и центр выразили готовность к обсуждению, у левицы были разные мнения на этот счёт. Председатель СХ Я. Домбский утверждал: «...в нынешней политической ситуации и при нынешнем составе сейма, который возник из злоупотреблений на выборах, нет никаких шансов на улучшение нынешней Конституции, в то же время есть скорее шансы её ухудшения в реакционно-фашистском духе»¹. По мнению же ППС обсуждение вопроса о пересмотре конституции даст возможность показать реакционную сущность создателей проекта конституции, представить свою позицию по этому вопросу. «Левица сейма ожидала, что дебаты по конституции дадут ей возможность поставить вопрос о ликвидации сената. Правица, аналогично как в ходе работ над августовской новеллой, рассчитывала, что и теперь санация реализует часть её программных требований»², — делает вывод А. Айненкель.

Проект ББВР готовился в тайне даже от депутатов Сейма и сенаторов. Очевидец М. Соболевский вспоминал, что по окончании его подготовки «были вызваны члены конституционной комиссии и президиума Блока, которым был зачитан проект». «Очень горячая дискуссия» продолжалась до 4 часа утра и «весь проект без каких бы то ни было изменений был принят». На следующий день перед заседанием Сейма «члены Блока были вызваны для ознакомления с содержанием проекта, для изучения его целиком и подписания»³. Один из них, представитель либеральных кругов З. Лехницкий по этому поводу направил протест руководству клубу Блока.

6 января 1929 года клуб ББВР совместно с правительством внёс предложение по поправкам к конституции в форме проекта конституции. В результате голосования 22 января 1929 года большинство Сейма высказалось за пересмотр конституции. В этот же день проект ББВР был представлен в Сейме председателем конституционной комиссии В. Маковским.

¹ Цит. по: Ajnenkiel A. Konstytucje polskie. S. 200.

² Ibid.

³ Цит. по: Władysław W. Działalność polityczna polskich stronnictw konserwatywnych w latach 1926-1935. Warszawa, 1977. S. 145-146.

Докладчик утверждал, что возможность пересмотреть конституцию даёт незавершённость оформления польской государственности на момент принятия прежней, а также использование в качестве образца для неё французской конституции, не соответствующей условиям XX века. Ставилась задача: «...конституция индивидуалистическая, основанная на противопоставлении человека человеку и государству, государства человеку и его организациям, конституция, опирающаяся на понятие субъектного права, должна уступить место конституции, опирающейся на объектное право, на право общества, на право солидаристского сотрудничества человека с человеком и объединений с государством». Разделение властей и распыление общества на партии назывались фикциями, формировавшими парламентаризм, «болезнью парламентаризма». Фикцией назывались и партийные программы, а их борьба – демагогией. Партиям как объединениям фиктивным противопоставлялись «объединения естественные» – экономические, профессиональные и прочие. Основопологающей идеей ревизии конституции должен был стать, по мнению В. Маковского, «солидаристский фактор, который стремится скоординировать все творческие силы в обществе». ББВР стремится, чтобы «объектом ревизии была Конституция, а не отдельные программы». «Мы хотим, чтобы Конституция была делом общей работы всех, а вы хотите, чтобы новая Конституция была делом торго отдельных политических программ»¹, – обращался В. Маковский к представителям оппозиции.

Начальное положение проекта ББВР гласило: «Источником власти Польской Республики является Нация; Высшим Законом – Благо Государства». Проект переносил центр тяжести государственной власти на президента: «Наивысшим представителем власти в Польском Государстве является Президент Республики». Он должен был избираться всеобщим голосованием на 7 лет из двух кандидатов, одного из которых называл уходящий президент, а другим становился избранный кандидат на совместном заседании Сейма и Сената. При невозможности исполнения президентом своих функций, его должен был замещать премьер правительства (а не маршал Сейма, как по действовавшей конституции). Президент согласно проекту получал широкие политиче-

¹ Waclaw Makowski o państwie społecznym. Warszawa, 1998. S. 87–93.

ские полномочия: он мог «распустить Сейм и Сенат до окончания срока, на который они были избраны», он «назначает и отзывает Председателя Совета Министров и министров», а также назначает судей и генерального инспектора вооружённых сил, непосредственно ему подчиняющегося. «За свои служебные действия Президент Республики не несёт ответственности», – говорилось в проекте. Устанавливалась ответственность правительства перед президентом: «Совет министров и отдельные министры ответственны перед Президентом Республики за свою деятельность...» Президент получал право вето на утверждённый парламентом закон, он «подтверждает его силу своей подписью», а может «вернуть закон Сейму с посланием, требующим его нового рассмотрения». Активное избирательное предусматривалось с 24 лет (по действовавшей конституции – с 21 года). Избранные депутаты «должны работать на благо Государства как целостности и не быть связанными никакими инструкциями избирателей». Предлагалось уменьшить количество сенаторов до 150, из которых две трети будут выбираться гражданами достигшими 30 лет, а треть будет назначена президентом¹.

Видные деятели проправительственного лагеря развернули пропаганду необходимости пересмотра конституции. На собрании деятелей ББВР в феврале 1929 года В. Славек заявил, что проект Блока «целит, прежде всего, в принцип неотчетственности и прерогатив депутатов», а не в Сейм, «представляет собой максимум, который является для общества сегодня решением проблемы устройства в соответствии с его внутренними и внешними условиями жизни»². Профессор В. Маковский на собрании отметил отказ в проекте от «метафизического» разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Президент становится не главой исполнительной власти, а главой государства, его выборы назывались плебисцитом. «...Президент Республики является одним из элементов создания общественных и частных законов, действующим совместно с Сеймом и Сенатом». Правительство должно стать самостоятельным органом, ответственной не только перед парламентом, но и президентом³.

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 6. S. 87-93.

² WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 6. S. 96-97.

³ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 6. S. 97-98.

О решимости санации изменить конституцию говорил на собрании доверенных лиц ББВР в Лодзи 16 июня 1929 года В. Славек. Указав, что у Блока имеется в Сейме лишь треть голосов, недостаточных для изменения конституции, он констатировал, что все партии в Сейме от коммунистов до эндеции вместе с партиями национальных меньшинств выступают против пересмотра конституции. В. Славек заявил: «Мы хотели бы довести до принятия новой конституции, не прибегая к насилию и без государственного переворота. Мы хотели бы, чтобы давление на депутатов был решительным и сильным. Здоровей временами сломать кости одному депутату, чем довести до необходимости использовать пулемёты. Конституция будет изменена»¹.

В дискуссии принял участие и ведущий санационный идеолог А. Скварчиньский. Положения конституции о парламентской демократии он назвал «карикатурой парламентаризма», и практика её реализации «сделала непопулярной в массах сам институт Сейма», исходя из чего высказывалось убеждение, что не осуществит демократию в Польше «факт существования Сейма с избирательным правом, основанном на пяти принципах» (всеобщее, прямое, равное, пропорциональное, тайное). Не осуществляют этого и левые партии, которые являются «олигархией самой чистой воды, обеспечивающей правление клик и мафий». Утверждалось также, что основополагающий принцип демократии – уважение человека, «систематически нарушается деятельностью всех польских партий». В противовес демократии видимой автор предлагал противопоставить «демократию работы и ответственности», что можно сделать посредством «великой нравственной работы», предназначенной для того, чтобы связать людей «нравственными связями доверия и творческими связями призвания». «Доверие к руководителю или предводителю создаётся на основе иерархии и послушания не по принуждению, а по доброй воле, которая является идеалом социальных связей», – разъяснял А. Скварчиньский. Путь к этому виделся в движении к тому, что «мы будем создавать шаг за шагом демократию осуществления, распространяющуюся не только на политические права, но также на жизнь в местном и хозяйственном самоуправлении, на жизнь культурную, хозяйственную, профессиональную, просвещения, втягивая са-

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 24. S. 315.

мые широкие слои как сознательного ответственного совместно-го создателя в этих сферах работы»¹.

Министр юстиции С. Цар 29 ноября 1929 года утверждал, что до мая 1926 года в Польше не существовало предусмотренное конституцией парламентское правление, поскольку в большинстве случаев многопартийный Сейм «не был в состоянии выделить из себя правительства чисто парламентского». Большинство в Сейме «создаётся от случая к случаю путём партийных торгов ценой уступок и компромиссов, которые не всегда совпадают с интересами государства», годящееся лишь «для низвержения правительства, а не для поддержки существующего правительства, то есть для негативизма, а не для позитивной работы». «Но государство не может жить только негативизмом», – восклицал С. Цар. «Власть должна быть сильной, что не исключает контроля над ней социального фактора, и должна быть прочной, если призвана обеспечить постоянство государственной работы. С. Цар обозначил направления реформы государства: «...в её основе лежит лозунг создания в Польше сильной исполнительной власти», для чего следует осуществить «перенесение центра тяжести исполнительной власти на личность Президента Р[еспуб]лики, в рамках демократического строя и при сохранении прав парламента к разумному, предметному контролю над деятельностью правительства», пересмотр конституции «не должен и не может быть покушением на демократические права; но, обеспечивая демократии самые успешные формы контроля над деятельностью публичных властей, следует их гармонизировать с сильным в своих основах государственным строем...»².

Дискуссия внутри проправительственного лагеря по проекту ББВР показала некоторый диссонанс: руководство ППС бывшей Революционной фракции на заседании 8 февраля сформулировало свои, значительно отличавшиеся от проекта ББВР и близкие позиции левых партий положения по конституции, которые рекомендовалось отстаивать парламентскому клубу партии. В частности, избирательное право в выборах в Сейм должно предоставляться с 21 года (активное) и 25 лет (пассивное), парламент должен был состоять из одной палаты, президент выбираться всеми

¹ Adam Skwarczyński – od demokracji do autorytaryzmu. Warszawa, 1998. S. 182–185.

² Stanisław Car – polska koncepcja autorytaryzmu. Warszawa, 1996. S. 47–55.

гражданами, им же должно быть предоставлено право референдума и законодательной инициативы¹.

В Сейме по проекту ББВР развернулись бурные дебаты. Значительные расхождения в позициях в их ходе продемонстрировали оппозиционные партии. Правые, не возражая против концентрации власти, опасались, что таким образом санация окончательно закрепит за собой власть. Представитель либеральных кругов эндеции Винярский в Сейме говорил 22 февраля 1929 года, что необходимость изменения конституции не вызывала сомнений в лагере эндеции. Правительственный проект критиковался за отсутствие действительно народного представительства, за полномочия президента – это «власть больше власти прусского короля и русского царя». «Абсолютизм никогда не образовывал граждан. Иваны Грозные, Екатерины, Петры Великие и Николаи не воспитывают граждан, только массы невольников, которые время от времени срываются к бунту...»², – добавлял представитель эндеции.

Левые партии отвергали в проекте ББВР, прежде всего, его антидемократическую направленность. Один из лидеров ППС М. Недзялковский в своём выступлении в Сейме подчеркнул, что между проектом ББВР и позицией ППС «лежит непреодолимая пропасть, над которой нет никакого моста, ведущего к компромиссу». Обращаясь к авторам проекта, представитель ППС заявил: «Вы вступили на путь ведущий государство с неумолимым следствием к бонапартизму и самовластью президента. Вы потеряли веру в то, что народ может выбрать таких представителей, которые будут выражать его истинные стремления соответствующими интересам Польши». Полнота власти в проекте президента «никогда не будет властью одного человека», поскольку, чем больше президентская власть «тем большая власть бюрократии, а всевластие бюрократии это смерть демократии». «Ваш проект укрепляет состояние преобладания имущих классов. Этот проект укрепляет нынешнюю систему правления и мощь бюрократии». Проект ББВР строит государство не на демократической, а иной основе: «Принципиальная мысль этой основы: я бюрократ, я генерал, я воевода за тебя, гражданин, думаю и решаю, а тебе можно голосовать за одного из двух кандидатов в прези-

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 6. S. 103.

² WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 8. S. 132.

денты». Единственный положительный момент проекта ББВР М. Недзялковский усматривал в том, что он показал истинные намерения санационного лагеря¹.

И вне Сейма левица жёстко критиковала проект ББВР. Представитель людовских кругов С. Тугутт отметил, что конституционные предложения Блока «вводят формы устройства так капитально отличные, что то, что осталось от прежней конституции, находится в разительной с ними противоречии». В центре критики людовского деятеля стало изменение соотношения между президентом и Сеймом, «усиление исполнительной власти, и в особенности прерогатив Президента Республики», чтобы «потеснить Сейм, свести его до роли машины, которая зря толчёт воду». Президент «должен быть по отношению к ним высшим органом», его полномочия расширяются за счёт Сейма, у которого «не осталось уже ничего, чтобы отобрать», и за счёт правительства. Власть президента, по мнению С. Тугутта, была большей «с некоторых точек зрения, чем у самодержавного царя, чем императора Германии», и власть плохого президента и ограничить ничто не сможет².

Еще до внесения проекта ББВР 14 ноября 1928 года представители парламентских клубов трёх левых партий ППС, «Вызволене» и СХ создали Согласительную комиссию по защите республики и демократии. В решении о её создании говорилось: «Задачей комиссии будет обеспечение сотрудничества названных партий во всех делах, касающихся укрепления и защиты республиканского строя, демократии, парламентаризма и свободы в объёме полномочий и деятельности Сейма и Сената Республики». Во всех других сферах деятельности три партии «сохраняют полную свободу тактики, стремясь, однако, как правило, в каждом отдельном случае согласовывать взгляды и шаги»³. Несмотря на то, что именно отношение к пересмотру конституции стало причиной создания комиссии, замечает А. Гарлицкий, соглашение парламентской левицы «было сформулировано настолько общо, что создавало рамки для сотрудничества не только в конституционных дебатах»⁴.

¹ Mieczysław Niedziałkowski o demokracji i parlamentarystwie. Warszawa, 1996. S. 133-137.

² Stanisław Thugutt o demokracji i ustroju Polski. Warszawa, 1998. S. 139-144.

³ Robotnik. 15.11.1928.

⁴ Garlicki A. Op. cit. S. 292-293.

Результатом деятельности согласительной комиссии стало обнаружение 4 марта 1929 года парламентскими клубами ППС, «Вызволене» и СХ своих предложений по изменению ряда статей конституции. Оговаривалось, что предложения по изменению статей 99 и 68 выдвинула только фракция ППС, а поправку к статье 99 – только СХ и «Вызволене». Среди важнейших положений проекта были: ликвидация Сената; признание права законодательной инициативы за 100 тыс. гражданами; всеобщие, но двухступенчатые выборы президента (избрание Национальным собранием, членов которого «выбирают все граждане Республики, обладающие активным избирательным правом в Сейм голосованием равным, тайным, прямым и пропорциональным»); возможность автономии для национально неоднородных регионов; фактическое отделение церкви от государства (отказ от декларирования своих религиозных убеждений, принуждения к религиозным действиям и присяге, запрет государства и органов самоуправления на расходы на религиозные нужды, запрет контроля религиозных объединений над обучением).

Статью 68 конституции ППС предлагала дополнить положением, что Палата труда, состоящая из представителей профессиональных организаций, «будет иметь право законодательной инициативы в сфере вопросов, касающихся трудовых отношений, а также право экспертизы по проектам законов, касающихся трудовых отношений». ППС и крестьянские партии по разному формулировали статью 99. Формулировка ППС говорила о приспособлении «форм собственности к потребностям государства и общества. Все средства производства, коммуникации и обмена подвергаются контролю Республики. Государство будет охватывать путём прописанным законом созревшие для этого отрасли производства и ставить их под свой непосредственный контроль». В версии статьи 99 «Вызволене» и СХ делали упор на земельные отношения: земля «не может быть объектом неограниченного обращения и подвергаться опасности оставления или сосредоточения в одних руках больших поверхностей». Полным правом частной собственности на землю предполагалось наделить только владельцев участков, «не превышающих 30 га земли», а излишки свыше этой нормы «одноразово перейдут в распоряжение Государства для совершенствования аграрного строя

в Польше в опоре его на мелкие самостоятельные земледельческие хозяйства»¹.

Представители левых партий прокомментировали свой проект конституции, параллельно противопоставляя его проекту ББВР. Накануне внесения левицей проекта депутат от ППС Х. Диаманд в интервью подчеркнул сходство позиций этих партий в отстаивании республиканского характера устройства. О проекте ББВР было сказано: «Нужно было бы очень постараться, чтобы создать проект наиболее противоречащий политике бывших партий, боровшихся за независимость, чем проект ББВР. Он даёт выражение тому духу, который даже по мнению руководителей государства послемайского правления, проникнут духом России. Естественно, что дух давит тех, кто является объектами, нежели тех, кто является субъектами нынешнего правления»².

Председатель СХ Я. Домбский назвал проект ББВР попыткой «перевернуть нынешнюю республиканскую и демократическую Конституцию «вверх ногами» » и «создания нового строя, опирающегося на диктатуру Президента, выбранного правительством, а скорее бюрократией». Была отвергнута возможность содействия левицы в проведении проекта ББВР. Обращалось внимание на то, что способ избрания президента «ограничивает, а скорее парализует свободный выбор Нацией. При таком огромном объёме власти, какую Президенту даёт проект ББ, каждый президент должен бы был надломиться так, как раньше или позже надломилась бы любая диктатура». Проект конституции левицы «лучше и более приспособлен к психологии польской нации, чем проект ББ. В любом случае он исключает всякую революцию для смены правительства»³.

После дебатов в Сейме оба проекта были переданы его конституционной комиссии. Лишь 11 января 1930 года эта комиссия начала их рассмотрение. Заседания конституционной комиссии Сейма проходили под председательством депутата от ББВР В. Маковского, заместителем которого был социалист К. Чапиньский. В первый день её работы выступили от ББВР Я. Пилсудский, пред-

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 10. S. 152–158.

² WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 10. S. 160–161.

³ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 10. S. 158–159.

ставлявший проект Блока, и депутат ППС М. Недзялковский от имени парламентских клубов ППС, «Вызволене» и СХ.

М. Недзялковский в своем выступлении подчеркнул, что левица ещё в учредительном Сейме предусматривала пересмотр конституции именно в Сейме второго созыва, поэтому не санация является инициатором этого. Докладчик выступил за конкретный подход к пересмотру конституции: «...следует принять во внимание, чем является сегодняшняя Польша, чего требуют те или иные социальные классы, какова степень напряжения борьбы этих классов, каковы их традиции, их характер, психология, какова степень грамотности с политической точки зрения тех или иных лагерей и какие следствия вытекают из большого процента т. н. национальных меньшинств и т. д.». М. Недзялковский подчеркнул, что лишь парламентская демократия «в нынешних условиях создаёт возможность привлечения к государству трудящихся масс посредством тысячи самых разнообразных вещей и больших, и малых». Проблема усиления власти президента в Польше была «проблемой права распускать сейм», от чего демократический лагерь никогда не отказывался. От имени левых партий докладчик утверждал, что «двухпалатность в Польше экзамена не выдержала», поэтому предлагалось вместо сената создать кодификационную комиссию сейма. Недопущение падения правительства из-за случайно сложившегося в Сейме большинства предлагалось осуществить посредством удлинения срока между предложением о вотуме недоверия до голосования об этом. Обращалось внимание на предложение о возможности законодательной инициативы народа посредством сбора подписей по проектам законов. Докладчик утверждал, что у противников права на автономию для компактно проживающих национальных меньшинств (как в проправительственном лагере, так и эндеции) отсутствует позитивная программа по этой проблеме. Опыт трёх лет после переворота «скорее подготовил почву для лучшего понимания в обществе потребности неприкосновенности депутата, чем это было раньше». Подводя итоги, М. Недзялковский сказал: «Намного больше Польше даст стабилизация устройства такого государства, в котором рабочий класс, крестьянские массы и круги работников умственного труда будут привлечены в орбиту государственных интересов и ответственности за государство. Национальная политика имеет в

виду ту же самую цель». Проект же ББВР отвергается левыми партиями не потому, что они борются за депутатские привилегии, а потому, что «Польша не может быть усилена иначе, чем в форме парламентской демократии»¹.

Позицию ББВР выразил на заседании комиссии депутат Лёвенгерц. Он полагал, что при пересмотре конституции «следует опираться на польскую действительность», а действующая конституция скопирована с французской, в результате чего «власть не имела значения, а управление осуществлял сейм, а точнее его арифметическое большинство». Имея в виду переворот 1926 года, автор утверждал, что против такого строя, «восстал народ под предводительством великого человека, устранил эту систему и ввёл сильную власть». При новом строе формально «существует ещё противоречащая действительному состоянию Конституция», поэтому следует «согласовать писаное право с действительностью», на что и нацелен проект ББВР. Правая же и левая оппозиция («праволев») силится «укрепить усыхающие сеймократические положения Конституции». «Проекты праволева, – продолжал докладчик, – создают слабое государство, обречённое на произвол партийной олигархии, проект Блока укрепляет строй, являющийся условием силы Государства и координации полного авторитета президента, сильного правительства и работающего в границах своих компетенциях парламента». Высшим законом для ББВР является «благо Государства», благо всех, а не партий, чему, в частности должны способствовать прямые выборы президента, который становится представителем всего народа и получает широкие полномочия. По мнению выступавшего Сейм должен сотрудничать с правительством, контролировать его, а не править. «Я горячий сторонник парламентаризма, как и решительный противник правления парламента, или сеймократии», – заявлял представитель ББВР. «Проект Блока, – утверждал докладчик, – нацелен на стабилизацию и единство правления, к избавлению от неуверенности и неустойчивости, от влияний и торгов. Стремление к этой стабилизации существуют у всех народов, разделённых на партии». «Изменения, предлагаемые нами, нацелены на оздоровление отношений, устранения противоречий между действительностью и писаными постановлениями и на создание сильного, на демократических основах опирающегося го-

¹ Mieczysław Niedziałkowski o demokracji i parlamentarystyce. S. 139–153.

сударства. Проект Блока нацелен на освобождение свободы от уз своеволия, демократии от пут демократии, а народа от тирании партийной олигархии»¹.

Дискуссия в комиссии развернулась уже по трём проектам, поскольку, в ходе её работы в феврале 1930 года в Сейме было внесено третье предложение по ревизии конституции в форме проекта клубов центристских партий «Пяст», ПСХД и НПР. Эти партии совместно сформулировали лишь ревизию двух первых её разделов: «Республика» и «Президент Республики». В новой них говорилось, что верховная власть принадлежит народу, а «самым высшим представителем этой власти является Президент Республики». Сейм и Сенат должны были сохранить контроль над исполнительной властью. Большая часть предложений по ревизии предлагалась только «Пястом» и ПСХД. Президент должен был иметь более ограниченные права, чем по проекту ББВР, и выбираться состоящим из 600 членов Национальным конгрессом, которых в свою очередь должны выбирать все граждане всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием. Проект «Пяста» и ПСХД предполагал сохранение Сената, две трети из 150 сенаторов выбирались всеобщим, тайным, прямым и равным голосованием, а оставшаяся треть – палатами земледельческими, торговоремесленной и труда². «Стал заметным упор, сделанный на максимально возможное уточнение прав парламента, чтобы не дать возможность, посредством изворотливой интерпретации положений конституции, нарушить его полномочия»³, – оценивает проект А. Айненкель.

Представляя позицию «Пяста» в комиссии, депутат от этой партии В. Керник указывал, что ещё до переворота партия выдвигала требования изменения конституционных основ (усиление исполнительной власти, изменение избирательного закона, ограничения безответственности депутатов), но считала ранее и теперь, что это «не может вести к убийству парламентаризма, а к его оздоровлению». Отношение «Пяста» к пересмотру конституции давалось на фоне анализа проекта ББВР, который «основной упор делает на установление правильных форм государственного устройства», однако это следует соединить «с живым содержанием, втягиванием

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1930. № 6. S. 44–45.

² WIP. Wszystkie stronnictwa. 1930. № 8. S. 58–62.

³ Ajnenkiel A. Konstytucje polskie. S. 203.

широких масс в орбиту ответственности за Государство». Проект ББВР, обращается «якобы только против ультрапарламентаризма», парламентаризм «надо лечить, а не убивать». Признание в проекте ББВР права парламента принимать законы и контролировать правительство соседствует с положениями, которые «парализуют деятельность такого парламента». Проект «у этого парламента отнимает права и делает его тенью парламента». С оговорками представитель «Пяста» соглашался на возрастание роли президента и его полномочий. Заявлялось далее, что партия выступает «за ограничение депутатской безответственности, безнаказанности за преступные действия», но возражает против привлечения депутатов к Государственному трибуналу только по требованию министра юстиции. «Проект ББ в нынешнем своём звучании не может стать законом, здравые основы этого проекта могли бы однако найти поддержку в соответствующих границах», – заключал оратор. Одновременно он заявлял о предстоящем внесении собственного проекта центристскими партиями, который является «посредним между предложением ББ и левицы и сможет стать основой для работы Комиссии, и при доброй воле дело пересмотра Конституции смогло бы быть осуществлено»¹.

Позицию левицы представил на комиссии депутат от СХ С. Врона. Он утверждал, имея в виду последствия майского переворота, что в Польше «произошло ненормальное для демократической республики явление утверждения власти революционным путём», и нынешние власти «хотят придать Польше другое, своё собственное и такое устройство, которое бы окончательно санкционировало майским путём завоёванную власть». Докладчик подверг резкой критике проект ББВР, прежде всего за концентрацию власти в руках президента, который «сущностью своих прав и привилегий, безмерностью своей власти превосходит самые смелые мечтания самого своевольного сегодня монарха». В этих условиях парламент «должен быть страданием и терпимым злом». Тем самым, речь для правящей группы «не идёт о совершенствовании строя в интересах государства или общества, а о неограниченной власти для себя». В отличие от проекта ББВР конституционный проект левицы ведет не к достижению преобладания одной ветви власти над другой, а к «созданию таких законодательных норм, чтобы три власти – исполнительная, зако-

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1930. № 6. S. 41–42.

нодательная и судебная могли бы гармонично для блага государства сотрудничать». Это должно будет обеспечить «зависимость Президента как от Правительства, так и от Сейма так и совершение его избрания народом в образе специально выбранного Национального Собрания». Обращалось внимание на акцентирование «неограниченного законодательства и контроля над правительством» со стороны Сейма, ликвидацию Сената, представлявшегося органом «излишним, и даже вредным», недопустимость повышения возраста избирателей¹.

Наконец, непосредственно в комиссию были внесены предложения по конституции от народного клуба (эндеции), которые были сформулированы ещё в марте 1929 года. Они не имели статуса конституционного проекта, поскольку такой статус получают предложения, подписанные не менее 111 депутатами (четвертью состава Сейма), каковых эндеция не имела. Поэтому, как разъяснялось этим парламентским клубом, он будет предпринимать усилия отдельные пункты этого проекта «проводить путём поправок к внесённым проектам ББ и левых партий»².

В пояснениях к поправкам СН к конституции утверждалось, что действующая конституция, «закрепляющая крайне демократические принципы», несовершенна, а ещё большую актуальность пересмотр конституции приобрёл «перед лицом явного разрушения майским переворотом правового порядка, опирающегося на эту конституцию». Проект ББВР критиковался, прежде всего, за неизбежный конфликт президента с парламентом и избрание президента всеобщим голосованием. Проект левицы, с точки зрения СН, не годился из-за положений о ликвидации Сената, отделении костёла от государства и введения некоторых социалистических принципов в экономике, а также автономии для национальных меньшинств. «Поскольку тем самым ни один из этих проектов не обеспечивает Польше действительной силы, постоянства государственных учреждений, господства закона, ни возможности спокойного развития, поэтому Стронництву народному таким образом понимаемое совершенствование устройства является решительно противным». Первое положение конституции по мнению СН должно выглядеть следующим образом: «Польское государство является Республикой единой и недели-

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1930. № 8. S. 63–64.

² WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 12–13. S. 178.

мой», что должно было препятствовать разделу государства «на автономные территориальные единицы». Президент избирается «объединёнными Палатами Сейма, и как орган народа, стоит над правительством» и осуществляет над ним контроль. Право вето президента на принятый Сеймом закон последний мог преодолеть новым его принятием квалифицированным большинством. Предполагалось уравнение прав палат парламента, который в целом предлагалось назвать Сеймом, а палаты – депутатской и сенаторской. При избрании нижней палаты не применялся принцип пропорциональности: количество избирателей в округах должно зависеть от уровня развития регионов, «обеспечивая соответствующее представительство польской нации, особенно на территориях со смешанным населением». Сенат должен был наполовину состоять из сенаторов, избранных всем населением, четверть – избирателями с высшим и средним образованием и ещё четверть – хозяйственными организациями. Предлагалось создать Государственный Совет для оценки вносимых в парламент законопроектов. Господство права должен был бы обеспечить Конституционный Трибунал, вердикты которого «обязательны для всех судов и государственных властей»¹.

При внесении поправок СН в комиссию Сейма свои комментарии к ним представил видный деятель этой партии В. Комарницкий. Им заявлялось, что конституция не может быть «искусственным творением абстрактных размышлений, а должна опираться на коллективный опыт и принимать во внимание особенности характера данной нации». Использование чужих примеров возможно «только в ограниченном диапазоне» и они должны адаптироваться «к условиям жизни и характерным чертам нации». Действующая конституция называлась экспериментом и компромиссом «между левицей и правицей Сейма, с явным перевесом левицы...» Основным недостатком её называлась «односторонность устройства», основывавшаяся «на отсутствии равновесия между властью законодательной и правительственной, а также над излишним перевесом Сейма над Сенатом», следствием чего было появление «правления Сеймом». В. Комарницкий утверждал, что идея изменения конституции вышла из лагеря эндеции, поскольку переворот 1926 года был борьбой за власть, а последующие реформы строя были проведены только в том объёме,

¹ WIP. Wszystkie stronnictwa. 1929. № 12-13. S. 175-177.

который «был необходим для получения результатов переворота лагерем, который его совершил». И проект конституции ББВР, вводящий «демократический цезаризм», его авторы рассматривают «под актуально-политическим углом зрения, а не принципиального же совершенствования». Введение такого устройства «не может считаться усилением государственного бытия Польши», — заключал автор комментариев. К главным недостаткам проекта ББВР ведущий деятель энциклопедии относил: избрание президента всеобщим голосованием, безграничный перевес правительства над Сеймом, назначение части сенаторов. Тем самым проект ББВР «содержит немного положений, действительно улучшающих наш государственный строй, но и великое множество серьёзно этот строй ухудшающих». Конституционный проект левицы, с проектом ББВР сближает односторонность, но она другого типа — господство Сейма, которое отличает и действующая конституция. Ухудшают эту конституцию в проекте левицы, по мнению В. Комарницкого, три положения: отказ от национального государства, отделение костёла от государства, стремление обобществления собственности и этатизм. Для энциклопедии проект левицы неприемлем из-за того, что он является «выражением индивидуалистического понимания государства», которому энциклопедия противопоставляет взгляд на государство как на «организацию нации». Пересмотр конституции должен стать одним из этапов движения к национальному государству. «Стронничество народов высказывается как против сеймовластвования, так же и всевластия личности в какой-либо форме диктатуры или цезаризма», — провозглашал В. Комарницкий. Основным принципом пересмотра конституции — «сильное государство». Особенностью проекта конституции СН называлась его всесторонность в отличие от проектов ББВР и левицы, поскольку он стремится «к усилению и укреплению исполнительной власти, но также к реформе парламента, как и успешного обеспечения правопорядка». Поддерживая расширение власти президента, заявлялось, что СН против его всенародного избрания, так как это втянет высшее лицо государства в «вихрь политической борьбы», избрание же его парламентом станет гарантией «более осмысленного, и отсюда лучшего выбора». Требовалось не допускать возможность падения правительства из-за случайно сложившегося большинства в Сейме, но должна сохраняться ответственность правительства

перед парламентом. Реформа Сейма должна исходить из положения об опоре государства на нацию, о том какой должна быть Польша «может решать только Польская Нация». Парламент (Сейм) должен состоять из двух равноправных палат: депутатской и Сената. Выборы в нижнюю палату должны обеспечить преобладание представительства более национально однородных земель западной части Польши, а также представительство польского населения восточной части Польши. Формирование Сената должно было дать возможность представительства кругам, играющим «значительную роль», но которым всеобщее голосование не даёт возможность проявить себя: часть сенаторов избирается всеобщим голосованием, другая – лицами с высшим и средним образованием, третья – профессионально-экономическими объединениями (земледельцев, торговцев, промышленников, ремесленников и так далее), что позволит соединить «экономическое представительство с политическим». Создание Государственного совета, по мнению В. Комарницкого, способствовало бы «подъёму уровня законотворчества», а Конституционный трибунал превратился бы в «стража конституции». В заключение своих комментариев В. Комарницкий заявлял, что СН будет бороться против всех поправок к конституции, которые «стремились бы изменить характер Польского Государства как государства национального и католического»¹.

Дискуссия по проектам в комиссии продлилась почти два месяца и закончилась ничем. «Она не принесла, так как не могла принести, сближения противоположных позиций, представляемых проектами ББВР, левицы и Стронництва народового»², – как отмечает А. Айненкель о дискуссии. А. Гарлицкий объяснял безрезультатность дебатов по конституции, высказывая предположение, что Ю. Пилсудский «вообще не читал проекта изменений конституции, подготовленного ББВР», поскольку не рассчитывал на возможность изменения конституции в существовавшем в Сейме раскладе сил³.

А. Гарлицкий, оценивая роль дискуссии по проблеме пересмотра конституции, отмечает её неоднозначные последствия для взаимоотношений центристских и левых оппозиционных партий.

¹ Wacław Komarnicki o ustroju państwa i konstytucji. Warszawa, 2000. S. 94–111.

² Ajnenkiel A. Konstytucje polskie. S. 203.

³ Garlicki A. Op. cit. S. 331.

С одной стороны: «...проблема пересмотра конституции, несомненно, углубила, и в любом случае укрепила расхождения между группировками парламентской левицы и центром», поскольку центристские партии ПСХД, НПР и «Пяст» отвергали не только проект ББВР, но и левых партий. Но другой стороны: «Конституционные дебаты должны были дезинтегрировать оппозицию, поскольку выявляли программные различия. В то же время политическая практика санации представляла собой интегрирующий фактор»¹. Последний фактор оказался более значимым, поскольку параллельно с дебатами в Сейме шла консолидация левоцентристских сил в надпартийном объединении Центролев, которое с лета 1930 года превратилось в угрозу для политического господства санации, что привело к роспуску парламента и репрессиям оппозиции.

* * *

Анализ предложений по пересмотру конституции в Сейме проправительственным, правым, центристским и левым лагерями позволяет сделать вывод, что основными проблемами, вокруг которых разворачивалась дискуссия были: степень демократизма строя, парламента (полномочия, соотношение его полномочий с президентом и правительством, количество палат, способ избрания), президент (полномочия, роль в государстве государства, способ избрания) и правительство (полномочия, стабильность).

Дискуссия показала непреодолимые принципиальные расхождения в позициях отдельных политических лагерей, несмотря на наличие определённых точек соприкосновения. Сходство позиций у проправительственного лагеря и эндеции выражалась в антидемократических тенденциях, стремлении концентрировать власть в руках президента, усилении исполнительной власти, подчёркивании национального характера государства. В свою очередь, близость позиций центристов и левых проявлялась в стремлении сохранить демократический строй и значительную роль парламента.

Серьёзных расхождений между политическими лагерями было больше. Каждый из них настаивал, что именно он является инициатором изменения конституции. Вся оппозиция обвиняла проект ББВР в стремлении окончательно закрепить за собой политическое доминирование. Это опасение было главным в отношении эндеции

¹ Garlicki A. Op. cit. S. 303–304.

к планам изменения конституции проправительственным лагерем, которая именно поэтому стремилась не допустить крайней степени концентрации власти в руках президента. Антидемократизм и антипарламентаризм проекта ББВР был неприемлем для центристов и левых. Но и среди оппозиционных лагерей единства по направлениям пересмотра конституции не было. Центристы и левые негативно относились к антидемократическим предложениям эндеции. Расхождения между эндецией и левыми, кроме того, касались проблем соотношения государства с нацией и церковью, количества палат парламента. Центр и левых разделяли разное отношение к расширению полномочий президента. Даже между отдельными партиями одного политического лагеря имелись расхождения: среди центристов НПР не поддержала все предложения ПСХД и «Пяста», у левых в социально-экономических вопросах ППС акцентировала внимание на обобществление собственности, а крестьянские «Вызволене» и СХ – на укреплении мелкой частной крестьянской земельной собственности.

**ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС В ПОИСКАХ ПУТЕЙ
РАЗРЕШЕНИЯ ВЕНГЕРСКОГО КРИЗИСА 1956 г.
ВЛИЯНИЕ ПОЛЬСКОГО И БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО
ФАКТОРОВ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ
(ЧЕРТЫ ГРУППОВОГО ПОРТРЕТА НА ФОНЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫЗОВА)**

А. С. Стыкалин

Публикация в середине 1990-х годов черновых протокольных записей заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября – начало ноября 1956 г. позволила сделать существенный шаг в процессе реконструкции отклика официальной Москвы на целый ряд внешнеполитических вызовов, перед которыми оказалось осенью 1956 г. руководство КПСС – речь идет о мощном общественном движении в Польше под знаком более равноправных отношений с СССР, о венгерском восстании 23 октября 1956 г., вследствие которого в течение считанных дней в этой стране рухнула вся система коммунистической власти в центре и на местах, наконец,

о Суэцком кризисе – военной акции Великобритании и Франции (при участии Израиля), направленной против Египта, национализировавшего в конце июля Суэцкий канал¹.

Из записей, выполнявшихся чиновником близким Н. С. Хрущеву – заведующим общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малиным, при всей обрывочности, заведомой неполноте этих записей² можно составить представление о позициях отдельных членов Президиума ЦК КПСС и их проявлении в ходе дискуссий. Имели ли место реальные дискуссии или же решения принимались по большей части автоматически, в порядке одобрения точки зрения первого секретаря ЦК Н. С. Хрущева? Превратился ли Президиум (Политбюро) ЦК из совещательного органа (в лучшем случае), каким он был при жизни Сталина, в полномостную структуру? Как изменялся характер обсуждения по мере укрепления положения Хрущева, его ведущей роли в послесталинском «коллективном руководстве» КПСС? В какой мере можно говорить о противоборстве либеральной и консервативной тенденций в осуществлении линии Президиума ЦК? Как сосуществовали в сознании советских лидеров и проявлялись при выработке принципиальных решений идеологические стереотипы, идущие от коминтерновской, большевистской традиции, и сугубо державный подход? Можно ли говорить о том, что наряду с интересами борьбы за власть для кого-то в партийном руководстве не утратила своего значения и забота о благополучии народа?

Попытки ответить на все эти вопросы предпринимались и ранее, но главным образом на основе мемуаров. Ознакомление с рабочими записями заседаний и постановлениями Президиума ЦК КПСС, причем не только за осенние месяцы 1956 г., но за весь 10-летний период³, позволяет исследователям дать гораздо более рельефную картину механизмов принятия решений, больше уз-

¹ Записи, относящиеся к периоду апогея венгерского кризиса, были опубликованы сначала в 1996 г. в российском журнале «Исторический архив» (№ 2, 3), а в том же году и в Венгрии. Позже вошли в книгу: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е. Орехова, В. Середя, А. Стыкалин. М., РОС-СПЭН, 1998. Более позднее, дополненное издание: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Главный редактор академик А. А. Фурсенко. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003.

² См.: Стыкалин А. С. Советско-венгерские отношения 1954–1964 годов в записях заседаний Президиума ЦК КПСС // Восточный блок и советско-венгерские отношения. 1945–1989 годы // отв. ред. О. В. Хаванова. СПб., 2010.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1–3. М., 2003–2008.

нать о характере и стиле работы высшего органа партии, опираясь на более достоверный, чем мемуары, источник. Источник тем более существенный, что вопреки действовавшему законодательству Политбюро (Президиум) ЦК правящей партии на протяжении всего советского периода было реальным органом власти в стране. Этот орган предстает в записях Малина уже не как некая анонимная обезличенная инстанция, принимавшая ответственные решения от имени партии – в документах находят отражение разногласия мнений, борьба отдельных деятелей за доминирование своей позиции и неизменно сопутствующие этой борьбе интриги, прослеживается возникновение временных тактических союзов, складывавшихся с целью закрепления властных позиций.

Публикация записей заседаний руководства КПСС позволяет преодолеть некоторые стереотипы, устоявшиеся в исторической науке, отбросить не подтвержденные документами версии. Согласно одной из них, в Президиуме ЦК уже 28 октября взяли верх сторонники силового разрешения венгерского кризиса¹. Однако внимательное прочтение записи заседания за этот день², свидетельствует об обратном. С одной стороны, советское руководство действительно не исключало возникновения ситуации, когда «может быть придется назначить правительство самим» («выработать свою линию, к ней присоединить венгерских людей»). Вместе с тем при всей озабоченности кремлевских лидеров происходящим в Венгрии и при всем их недовольстве уступчивостью премьер-министра Имре Надя в руководстве КПСС после долгих дискуссий в конце концов возобладала точка зрения о предпочтительности мирного пути – необходимости удержать под контролем действующее правительство, подвергавшееся сильному давлению справа. И это несмотря на то, что правительство И. Надя именно 28 октября объявило о прекращении вооруженной борьбы с повстанцами и отказалось от оценки происходящих событий как контрреволюции, провозгласив их национально-демократическим движением (о чем знали в Москве из донесений членов Президиума ЦК КПСС А. И. Микояна и М. А. Суслова, находившихся в Будапеште с 24 октября³).

¹ См. очерк Б. Й. Желицки: Имре Надь // Вопросы истории, 2006. № 8.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. С.181–187. Далее цитаты из выступлений на заседаниях Президиума ЦК даются по этому же изданию.

³ См. их донесения: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Раздел III.

Как это ни парадоксально, главный советский «силовик» маршал Г. К. Жуков первым призвал соратников к проявлению политической гибкости. Возникла идея подготовить обращение к венграм от имени советского правительства в поддержку Имре Надя («а то только стреляем», – красноречиво заметил при этом Хрущев). Решение о поддержке правительства И. Надя было принято единогласно: в его пользу сдержанно высказались даже «ястребы» – В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов («Не на кого опираться. Иначе война»). Премьер-министр Н. А. Булганин отметил, что продолжение боевых действий в Венгрии «нас втянет в авантюру», а Л. М. Каганович добавил, что оно «уведет нас далеко». Решено было не возражать против требования правительства И. Надя о выводе советских войск из Будапешта, куда они вступили в ночь на 24 октября для «наведения порядка»¹, в места их постоянной дислокации. Г. М. Маленков при этом затронул вопрос о необходимости согласия правительств соответствующих стран на пребывание советских войск.

При обсуждении ситуации в Венгрии принимался во внимание свежий опыт мирного разрешения кризиса в Польше. Смирившись с возвращением на польский политический олимп В. Гомулки, выступавшего за расширение самостоятельности Польши в рамках социалистического выбора, и пожертвовав маршалом К. К. Рокоссовским, освобожденным с поста министра обороны ПНР, лидеры КПСС пошли на уступки, которые, однако, сразу оправдали себя: уже 24 октября в Кремле не могли не заметить первых признаков ослабления напряженности в Польше. Рискнув после долгих колебаний сделать ставку на В. Гомулку с его прочной репутацией «право-националистического уклониста», в Москве увидели, что менее зависимое от нее, но в то же время более популярное в своей стране коммунистическое руководство может оказаться для СССР предпочтительнее марионеточного правительства, поскольку способно собственными силами нейтрализовать недовольство в обществе и тем самым доставит меньше хлопот. Сдвиг вправо был предотвращен, Польша сохранена в качестве военного союзника. Удача мирного варианта развития в Польше, равно как и очевидная неэффективность воо-

¹ См.: Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

руженной акции в Венгрии, где ввод советских войск только подлил масла в огонь вооруженного противостояния, заставили советских лидеров еще раз всерьез рассмотреть вопрос о возможностях мирного, политического урегулирования венгерского кризиса, лишь обострившегося после применения военной силы. При этом, конечно же, осознавались пределы уступок: можно было вывести войска из Будапешта, можно было позволить венгерским коммунистам включить в правительство (в целях расширения его социальной базы) деятелей из крестьянских партий 1945–1948 гг., можно было, в крайнем случае, даже разрешить венгерским властям признать справедливость многих требований повстанцев, но никак нельзя было допустить утраты коммунистами власти, уходя их в оппозицию.

Согласно распространенной версии, декларация правительства СССР от 30 октября об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами была не более чем уловкой, предпринятой для отвода глаз от военных приготовлений¹. Однако запись заседания Президиума от 30 октября показывает, что советское руководство на основе венгерского опыта всерьез рассматривало вопрос о необходимости некоторой корректировки характера отношений внутри социалистического лагеря. «Ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии», – говорил министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов. Антисоветские настроения в этих странах широки, продолжал он, и для того, чтобы их преодолеть, необходимо «устранить элементы командования» из практики межгосударственных отношений. Г. К. Жуков расценил венгерский кризис как урок «для нас в военно-политическом отношении». «Упорствовать дальше – неизвестно, к чему это приведет», – заключил он. Зампред Совета Министров СССР М. З. Сабуров связал истоки происходящих событий с недостаточно последовательным воплощением идей XX съезда КПСС.

Силовая политика в Венгрии, таким образом, не оправдывала себя. Очевидная неудача военного вмешательства 24 октября не только заставляла советских лидеров искать другие, более действенные способы разрешения венгерского кризиса, но и вплотную

¹ См.: Желицки Б.Й. Имре Надь.

подводила их к мысли о необходимости определенного пересмотра характера отношений с восточноевропейскими странами, поскольку, при всей видимой всеохватности советского контроля над Восточной Европой, на самом деле не решалась главная задача – сохранения внутривосточной стабильности в странах этого региона, находящегося в непосредственной близости от СССР и входящего в сферу его жизненных интересов. Пребывая в состоянии немалой растерянности – ведь все испытанные до тех пор средства оказались неэффективными – советские руководители решили всерьез (!) испробовать мирный вариант, увидев в курсе И. Надя на компромисс с повстанцами (при условии сохранения основ коммунистического правления) последний шанс на стабилизацию обстановки.

Однако и эти надежды себя не оправдывали. Последующее разочарование в мирной тактике было связано с осознанием слабости правительства И. Надя, неспособного контролировать ситуацию («мы пошли навстречу, но нет теперь правительства»). Сказался и еще целый ряд факторов – давление китайского руководства¹, развитие событий на Ближнем Востоке, где дружественный СССР Египет, за несколько месяцев до этого национализировавший Суэцкий канал, подвергся атаке со стороны Великобритании и Франции с участием Израиля. 28 октября военные приготовления на Ближнем Востоке были для Хрущева аргументом в пользу мирного разрешения венгерского кризиса – он хотел противопоставить свою способность к выработке мирного пути силовой политике империалистов. Однако массированная атака на Египет, произошедшая в последующие дни, заставила советского лидера пересмотреть свое отношение. Перспектива поражения Египта и угроза утраты власти коммунистами в Венгрии были восприняты им как звенья одной цепи, симптомы фронтального наступления сил империализма и отступления сил социализма и их союзников во всемирном масштабе («Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать... К Египту им тогда прибавим Венгрию. Выбора у нас

¹ См.: Стыкалин А. С. Позиция руководства КПК в условиях польского кризиса октября 1956 г. // Российско-польский исторический альманах. Вып. IV / отв. ред. А. Н. Птицын. Ставрополь, Волгоград, Москва, 2009.

другого нет»). Демонстрация военной силы в Венгрии стала бы, с точки зрения Хрущева (поддержанной соратниками), наилучшим опровержением представлений о слабости СССР, именно так она была бы воспринята во всем мире.

Не меньшую роль сыграл и внутренний фактор – реальные опасения Хрущева, что утрата Венгрии как союзника вызовет негативный отклик многих его соратников по партии (не только крайних сталинистов), покажется им явным симптомом ослабления державного положения СССР за годы, прошедшие после смерти Сталина (показательно его высказывание на заседании Президиума ЦК 31 октября: «Мы проявим тогда слабость своих позиций. Нас не поймет наша партия»)¹. Как справедливо заметил еще в 1958 г. первый биограф Имре Надя известный публицист и политолог Тибор Мераи, Хрущеву нужно было предотвратить образование враждебной ему коалиции консерваторов и силовиков, доказав, что он дорожит целостностью империи не меньше друзей.

За один день установки руководства СССР кардинально изменились («Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии»). С таким трудом, но казалось бы, уже обретавшая свои очертания новая концепция восточноевропейской политики СССР, предоставлявшая союзникам большее поле самостоятельности, была на следующий же день, 31 октября, отброшена, произошел откат к более традиционной политике силового диктата. И это несмотря на то, что сложившаяся международная обстановка и однозначно декларированная позиция США едва ли давали серьезные основания говорить о возможности межблокового конфликта («большой войны не будет», – признал сам Хрущев).

Впрочем, Декларация 30 октября не была мертворожденным документом. В ноябре – декабре 1956 г. делегации Польши и Румынии, ссылаясь на нее, добились от Москвы определенных подвижек в двусторонних отношениях (не в последнюю очередь экономических). Показательна и хрущевская трактовка сути декларации, выраженная в словах: «...мы придерживаемся Деклара-

¹ См. также: Стыкалин А. С. Венгерские события 1956 г. и советское общество // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сборник статей / отв. ред. Н. И. Басовская. М., 2009.

ции. С Имре Надем это невозможно». По мнению советского лидера, принятый документ применим только, когда речь идет об отношениях между социалистическими странами; в Венгрии же коммунисты уже теряют власть.

Бесспорно, антиегипетская акция Великобритании и Франции стала тем внешним фоном, на котором советские военные действия в Венгрии, начатые 4 ноября, могли бы вызвать более снисходительное отношение мирового общественного мнения. Кроме того, вовлеченность стран НАТО в Суэцкий конфликт снижала вероятность активного вмешательства этого блока в Восточной Европе, тем более в момент, когда внутри западного лагеря впервые за послевоенный период столь отчетливо проявились разногласия – президент США Д. Эйзенхауэр в разгар предвыборной кампании однозначно не поддержал ближневосточную операцию союзников, осуществленную без должного согласования с Вашингтоном. Самостоятельные, несогласованные действия Лондона и Парижа в условиях столь острого международного кризиса были восприняты в Белом Доме как определенное проявление нелояльности¹. Как бы там ни было, благодаря Суэцкому кризису СССР получал больше свободы рук в венгерских делах, ближневосточные события, насколько можно предполагать на основе записей заседаний Президиума, ускорили принятие решения по Венгрии.

Как видно из записей, членам Президиума ЦК приходилось параллельно заниматься Суэцким и венгерским кризисом. Что касается жесткого, ультимативного заявления советского правительства в адрес Великобритании и Франции, сделанного в ночь с 5 на 6 ноября и интерпретированного на Западе как угроза применения ядерного оружия, его также необходимо рассматривать в венгерском контексте. Проявление временной слабости в Венгрии заставляло искать пути компенсации в Египте. И военная акция в Венгрии, и ультиматум, адресованный европейским державам, воспринимаются как две составные части единого плана демонстрации военной силы, причем предпринятые шаги были до известной степени синхронизированы. При осуществлении со-

¹ Известно высказывание Г. Киссинджера о том, что именно Суэцкий кризис положил конец «эре невинности» в отношениях стран НАТО, когда интересы США и их европейских союзников считались идентичными. См.: Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. Гл. 24.

ветской политики расчет делался как на декларированное невмешательство США в венгерские дела¹, так и на неподдержку Союзными Штатами ближневосточной политики своих союзников. В Москве могли позволить себе блефовать, имея представление о позиции Вашингтона.

В сложившейся ситуации США пытались повлиять на союзников, принуждая их к прекращению акции, в Вашингтоне резонно опасались, что затягивание операции, крайне непопулярной в общественном мнении всех развивающихся стран, только упрочит авторитет президента Египта Г.-А. Насера в качестве харизматического лидера всего арабского мира, сделает его знаменем антиколониалистского движения и этим неминуемо воспользуется СССР в целях укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и – шире – в «третьем мире». Американские дипломаты убеждали своих европейских партнеров не давать СССР повода, чтобы закрепиться в регионе. Задача эта не была достигнута. Предприняв огромные пропагандистские усилия и используя уже приобретенные рычаги влияния на формирующееся движение неприсоединения, СССР сумел приписать себе главную заслугу в прекращении огня в зоне Суэцкого канала. Провалившаяся военная акция двух европейских держав объективно способствовала усилению советского влияния на Ближнем Востоке.

Если на венгерском направлении СССР, учитывая крайне негативный отклик в мире на свою акцию, в немалой мере проиграл, то на ближневосточном направлении он однозначно выиграл. В Кремле это хорошо понимали. Можно сослаться на высказывания А. И. Микояна, который на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г., не поддержав предпринятую перед этим попытку отстранить от власти Хрущева, записал в актив первому секретарю ЦК КПСС то, что после Суэцкого кризиса Запад уже не может без согласования с СССР проводить свою ближневосточную политику². Что касается самого Н. С. Хрущева, то он на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1956 г. увидел взаимосвязь венгерского и ближневосточного кризисов в том, что наступление СССР в Венгрии послужило сдержи-

¹ Из литературы, раскрывающей позицию США в условиях венгерского кризиса 1956 г., см.: Гати Чарльз. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006.

² См.: Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 4. С. 33–34.

ванию империализма в Египте: «если бы мы не набрались смелости и упустили бы, не дали отпора венгерской контрреволюции, то ими была бы перейдена красная линия (на Ближнем Востоке). А сейчас англичанам приходится выбираться из Египта, ведь это позор»¹. Но через считанные недели, осознавая, что дальнейшая демонстрация силы может нарушить в «третьем мире» представление СССР как о миролюбивой державе, Президиум ЦК КПСС активно обращается к обсуждению проблем разоружения². За демонстрацией силы в качестве компенсации произведенного впечатления должна была последовать демонстрация миролюбия.

При всех разногласиях между членами Президиума ЦК КПСС и при всех столкновениях амбиций постсталинское «коллективное руководство» (плод конкретно-исторической ситуации весны 1953 г.)³ до наступившего в 1957–1958 гг. хрущевского «единовластия» выступало как орган, в целом способный к результативному, согласованному принятию оперативных внешнеполитических решений. Глубоко укорененные традиции большевистской этики не позволяли никому упорствовать в своих взглядах, ведь любое чрезмерное упорство могло повлечь за собой обвинения во фракционности. Каждому следовало вовремя присоединиться к мнению большинства. Так, поступил, в частности, Микоян, который 1 ноября 1956 г., по возвращении из Будапешта, довольно резко выступал против дальнейшего советского военного вмешательства в Венгрии⁴. С другой стороны, и первое лицо в партии, Хрущев, при существующем раскладе сил в руководстве должен был

¹ См. материалы пленума ЦК КПСС 20–24 декабря 1956 г.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 111–113.

² «Благоприятная обстановка для смягчения напряженности», – констатировал 6 февраля 1957 г. Г. М. Маленков при обсуждении на Президиуме ЦК проекта доклада Д.Т. Шепилова о внешней политике СССР на предстоящей сессии Верховного Совета СССР: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 228.

³ На Западе, в частности, в социал-демократических кругах, довольно скептически восприняли звучащие в Москве утверждения о «коллективном руководстве» как факторе демократизации внутрипартийной жизни в КПСС. Как отмечалось, в частности, в материалах сессии Социнтерна (март 1956 г.), введение «коллективного руководства» не изменило характера режима, ибо речь может идти лишь о «коллективном руководстве» диктатурой.

⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. С. 193–195. Как показали события, связанные с отстранением Г. М. Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР в начале 1955 г., критикой В. М. Молотова по «югославскому вопросу» в июле 1955 г., и «коллективное руководство» легко могло стать «дубинкой» для избивания несогласных в своем составе.

действовать с оглядкой на мнение «коллектива». Надо при этом иметь в виду, что даже между самыми крайними флангами политического спектра в Кремле – «ультраконсерватором» В. М. Молотовым и «ультралибералом» А. И. Микояном не было принципиальных расхождений по самым существенным вопросам, связанным с пониманием геополитических интересов СССР, особенно там, где дело касалось сохранения контроля СССР над своей сферой влияния в Восточной Европе, обеспечения власти компартий в странах блока. Устранение Хрущевым конкурентов в 1957–1958 гг., усилив позиции первого секретаря ЦК КПСС и лишив его противовеса в лице так называемого «коллективного руководство», негативно сказалось на эффективности работы Президиума ЦК и усилило риск принятия авантюрных решений, создававших (как в случае с Карибским кризисом октября 1962 г.) реальную угрозу крупномасштабного ядерного конфликта.

ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛЬШИ СО СТРАНАМИ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ В 1949–1971 ГОДАХ

Б. П. Маркс

После создания Совета экономической взаимопомощи (СЭВ)¹ в начале 1949 года, уже на II сессии этой организации в августе того же года в Софии были приняты принципы осуществления научно-технического сотрудничества между его членами. В литературе предмета они определяются как «софийские принципы». Страны-члены СЭВ установили тогда, что научно-технические услуги будут предоставляться бесплатно лишь с возвратом издержек по составлению копий документации или делегированию специалистов². Осуществление сотрудничества, опи-

¹ Подробнее см.: Marks B. Rada Wzajemnej Pomocy Gospodarczej (RWPG). Przyczyny utworzenia, doświadczenia, konsekwencje // Integracja europejska. Podręcznik / pod redakcją Antoniego Marszałka. Wyd. II. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2000. S. [388]-407.

² Маркс Б. П. Польско-советское научно-техническое сотрудничество в рамках Совета Экономической Взаимопомощи в 1949-1971 годах // Российско-польский исторический альманах. Вып. II. Ставрополь-Волгоград, 2007. С. 163-164.

рающегося на «софийские принципы», должно было способствовать, в частности, быстрому преобразованию экономической структуры государств СЭВ.

С самого начала функционирования Совета выявились, однако, многочисленные препятствия в деле сотрудничества его членов. Большинство из них вытекало из функционирования системы сотрудничества в рамках организации, в частности, из-за навязывания принципов деятельности, и касалась всех областей этого сотрудничества. Были, однако, особые преграды для сферы научно-технического сотрудничества. «Соответствующему» сотрудничеству не способствовала административная бюрократическая экономическая система (централизованного планирования и управления хозяйством), функционировавшая в каждом из государств-членов СЭВ¹.

Мы предпримем попытку представления, главным образом с опорой на архивные материалы, упомянутых препятствий. Здесь следует, однако, подчеркнуть, что источники, касающиеся сотрудничества в сфере науки и техники были, как правило, снабжены грифом «секретно» или «для служебного пользования», а в литературе предмета эти проблемы представлялись сквозь призму официальных документов, которые обычно содержали требуемый, а не реальный образ сотрудничества. Кроме этого, большинство публикаций посвящено представлению лишь некоторых проблем сотрудничества (отдельных форм, юридических основ, институциональных и прочих вопросов) и, главным образом, после принятия в 1971 г. «Комплексной Программы дальнейшего углубления совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ».

Трудности в исследовании вышеуказанной проблематики вытекают также из существования немногочисленных, и к тому же фрагментарных, статистических данных в сфере научно-технического сотрудничества. А к данным, приводимым в отчётах о сотрудничестве, следует относиться с большой осторожностью, так как особенно в отношении использования получаемых Польшей от партнёров научно-технических услуг (особенно в 50-х годах)

¹ См. : Marks B. Współpraca naukowo-techniczna Polski z europejskimi krajami RWPG (1949-1970). Przyczynek do oceny // Celem nauki jest człowiek... Studia z historii społecznej i gospodarczej ofiarowane Helenie Madurowicz-Urbańskiej. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego., 2000. S. [241] i n.

указывалось на «завышение экономического эффекта», вытекающего из их использования. Кроме того, в этих отчётах обращалось внимание, главным образом, на показатели количественного характера, и обходились молчанием или же нерегулярно приводились данные качественного характера. Таким образом, нами будут выявлены не только «внешние» причины трудностей в сотрудничестве Польши со странами СЭВ, но и «внутренние» причины польской экономической системы.

После Второй мировой войны Польша также как и остальные государства-члены СЭВ предприняла попытки преобразовать существующую тогда аграрно-индустриальную структуру своей экономики в индустриально-аграрную. Это должно было произойти, в частности, посредством модернизации старых и строительства новых промышленных предприятий. Быстрая индустриализация страны должна быть осуществлена в период 1950–1955 годов¹. Это была концепция, опиравшаяся на ранее осуществленную в СССР стратегию, основой которой было создание производственной базы тяжёлой промышленности (особенно металлургии), как основы развития остальных отраслей экономики². Выполнение так называемого «Шестилетнего плана» должно было обеспечить быстрое развитие производительных сил, значительный подъём жизненного уровня польского общества и создание основ социализма в материальной и духовной сфере³.

Оптимистические и точно вычисленные показатели выше упомянутого плана указывали на преувеличенную веру тогдашних властей в магию чисел и непринятие в расчёт экономических реалий. Выполнение запланированных задач должно наступить, в частности, благодаря развёртыванию массового соревнования. В первый раз в таком большом масштабе власти предприняли попытки применить механизмы управления общественным поведением⁴.

¹ Подробнее см.: Kaliński J. *Polityka gospodarcza Polski w latach 1948-1956*. Warszawa: KiW., 1987. S. 52 i n.

² Wilczewski R. *Rozwój przemysłu w Polsce w latach 1947-1955 // Gospodarka Polski Ludowej 1944-1955 / red. J. Kaliński i Z. Landau*. Warszawa: KiW, 1986. S. 224.

³ Подробнее см.: Marks B. P. *Współpraca naukowo-techniczna Polski w ramach Rady Wzajemnej Pomocy Gospodarczej (RWP) a problem modernizacji polskiej gospodarki w okresie Planu Sześcioletniego (1950-1955) // Między zacofaniem a modernizacją. Społeczno-gospodarcze problemy ziem polskich na przestrzeni wieków / pod red. E. Kościak i T. Głowińskiego*. Wrocław: GAJT Wydawnictwo 1991, 2009. S. [209] i n.

⁴ Dymek B. *PZPR 1948-1954*. Warszawa: PWN, 1989. S. 135.

К началу 50-х годов тогдашние власти Польши замечали диспропорции в уровне техники и темпах осуществления технического прогресса в сравнении с соседними государствами. К причинам такого положения вещей (называемого в документах «недочётами»), в частности, относили:

- отсутствие как концепции, так и перспективного плана развития техники;

- недостатки методологии планирования технического прогресса, в том числе отсутствие её поддержки в балансах;

- запущённость контроля над выполнением годовых планов развития техники инстанциями занятых в этой сфере;

- отсутствие «поддержки планов технического прогресса в инвестиционном плане и покрытия в финансовом плане» (тогда была принята, например, практика исключения из инвестиционного плана кредитов на технический прогресс);

- наличие «серьёзных слабостей» в конструкторских и технологических бюро промышленных предприятий, в частности, отсутствие на предприятиях лабораторий и экспериментальных мастерских;

- отсутствие у большинства ведомств «соответствующей материальной заинтересованности для осуществления технического прогресса» (лишь в машиностроительной и автомобильной промышленности существовала система награждения работников за подготовку и запуск нового производства, а в энергетической отрасли – 10-процентная надбавка к премии за выполнение плана технического прогресса);

- «недостатки» в сфере организации технического прогресса, в частности: отсутствие сотрудничества между промышленными предприятиями и высшими техническими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами, много разработок последних заканчивалось лишь их публикацией без внедрения результатов исследований в производство;

- недостаток заинтересованности многих министерств, и особенно, центральных управлений, развитием техники на подведомственных им промышленных предприятиях, что объяснялось властями следствием, в частности, низкой профессиональной квалификацией людей на соответствующих должностях в министерствах и центральных управлениях, принимавших решения

относительно технического прогресса (ведущих инженеров, главных конструкторов, технологов и механиков) по отношению к людям на параллельных должностях на предприятиях;

– отсутствие «соответствующего климата для смелого введения новой техники», в некоторых высших экономических инстанциях (например, в Государственной комиссии экономического планирования – ГКЭП) отмечено «существование сильных перестраховочных тенденций», власти констатировали, что «трудно было добиться решения, требующего смелых действий», что способствовало тому, что «дела часто затягиваются, в результате чего они переставали быть актуальными», проблематикой технического прогресса не интересовались также партийные инстанции;

– нежелание новаторов заниматься исследованиями, поисками и так далее в случае их прежних неудач, в этих условиях наступал «рост сибаритства и оппортунизма», чему дополнительно способствовала «лёгкость работы на старой, уже известной технике»;

– плохое использование техники и технологии получаемой из Советского Союза и стран народной демократии; контроль подтвердил, что во многих ведомствах имелась неиспользованная техническая и технологическая документация и что выезды специалистов часто оказывались «без каких бы то ни было результатов»;

– неправильное функционирование исследовательских представительств; констатировалось, что неоднократно предметом их исследований были «темы, не связанные с экономической жизнью», обращалось также внимание на то, что работали они над технологическими процессами исключительно в масштабе лаборатории, без проектирования в масштабе фабрики, неудовлетворительными признавались также сроки проделанных исследований и незначительный объём контактов исследовательских учреждений с мировой наукой (из-за этого научно-исследовательские представительства пытались решать проблемы «с начала», не смотря на уже существовавшие готовые решения);

– недостаточная опека над научными исследователями со стороны Польской академии наук и экономических ведомств, в частности, в сфере снабжения их устройствами, исследовательской аппаратурой и сырьём.

Обращалось также внимание, что подобные «недочёты» существовали в остальных странах СЭВ¹.

Типичным примером недейственности применяемых тогда административных методов внедрения технического прогресса в польскую экономику может быть подготовка планов развития техники на промышленных предприятиях². Этот вопрос был урегулирован в изданной в 1953 году инструкции (на 1953 и 1954 годы), основывающейся на советских данных. Она содержала собрание разнородных мероприятий, не вытекавших из производственных задач, взаимно с собой не связанных и не намечающих определённого направления развития техники на данном предприятии. Эту инструкцию промышленные предприятия трактовали лишь как формальное дополнение к их промышленно-финансовому плану. Большинство их ограничилось лишь разработкой на основании директив центральных управлений плана развития техники, который содержал, как правило, столько пунктов, сколько определил для данного предприятия упомянутый орган.

На предприятиях, которые разработали организационно-технические мероприятия (в большинстве случаев от 2 до 5), они имели чисто формальный характер и «не достраивали» плановых заданий, так как, в частности, не имели просчитанных технико-экономических результатов.

Интересными могут представляться как оценка причин вышеуказанного состояния вещей, так и указания, касающиеся способов его изменения. Обладающий полномочиями в этой сфере Отдел техники ГКЭП основными причинами считал недооценку и непонимание руководством многих предприятий значения технического прогресса для непосредственного выполнения плановых задач и недостаточная материальная заинтересованность коллективов в его выполнении. Для изменения ситуации он рекомендовал:

¹ Archiwum Akt Nowych (AAN). Państwowa Komisja Planowania Gospodarczego (PKPG). Sygn. 334. Notatka w sprawie dyskusji o postępie technicznym na łamach „Trybuny Ludu”; Niedostatki pracy instytutów naukowo-badawczych. См. также: Burzyński L. Kierunki organizacyjnego rozwoju bazy naukowo-technicznej // Biuletyn Informacyjny Komitetu Nauki i Techniki. Warszawa, 1968. № 11-12. S. 25-26; Malinowska U., Kierczyński T. Centralne kierowanie postępowaniem technicznym. Warszawa, 1981. S. 87.

² AAN. PKPG. Sygn. 334. Notatka dotycząca opracowania planu przedsięwzięć organizacyjno-technicznych w zakładach produkcyjnych na 1955 r. B. d. w.

- инициировать специальную политико-разъяснительную акцию в партийной прессе и в профессиональных журналах;
- поставить вопросы, касающиеся планов развития техники, в центр внимания партийных организаций на производственных предприятиях;
- обязать соответствующе министерства «поставить вопрос по административной линии»;
- провести ведомствами и центральными управлениями широкую акцию по инструктажу на предприятиях.

Несмотря на ряд административных действий, предпринимаемых центральными государственными учреждениями в целях увеличения роли науки и техники в экономическом развитии страны, ситуация в этой сфере не улучшалась¹. Об этом говорилось в резолюции IX Пленума Центрального Комитета Польской Объединённой Рабочей Партии (ЦК ПОРП) в декабре 1962 г. Плохое состояние подтверждалось также заявлениями представителей государственных органов, занимающихся развитием науки и техники в Польше. В них в частности утверждалось, что по-прежнему имел место недостаток понимания и массовой общественной потребности в техническом прогрессе, степень важности которого в промышленности по сравнению с производственными планами была ничтожной.

Застой в исследовательской сфере был особенно заметен в деятельности научно-исследовательских институтов. Много из них функционировало в отрыве от промышленности, которая, занятая выполнением текущих производственных планов, часто не принимала их проектов и разработок. Слишком формальный характер имела деятельность научных советов в научно-исследовательских институтах. Не оправдал возлагающихся на него надежд фонд технического прогресса. Несоответствующей считалась структура проводимых исследований, главным образом, учитывая предпочтение разработкам новых конструкций за счёт введения эффективных методов производства, а также предпочтение теоретических разработок за счёт основных разработок экспериментального характера. Серьёзные недостатки выявились

¹ Ibidem, Uchwała Komitetu Centralnego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej w sprawie postępu techniki w przemyśle (projekt roboczy); Werewka S. Fundusz postępu technicznego po dwóch latach // Gospodarka Planowa. 1962. № 1. S. 21 i n.

в кадровых резервах и снабжении научно-исследовательских институтов. Соответствующие органы отмечали также, что для многих исследовательских, производственных и управленческих единиц проблемы, касающиеся технического прогресса, представляли собой «второстепенные вопросы, от которых можно было избавиться заявлениями декларативного характера»¹.

Подтверждением выше упомянутых оценок могут быть, например, результаты проведённого в 1960–1962 годах анализа результатов деятельности научно-исследовательских институтов в тяжёлой промышленности. В его ходе констатировалось, что в среднем 5 % ведущихся ими работ завершалось отрицательным результатом, около 10 % положительно завершённых работ не были использованы, в среднем 22 % проектов институты использовали для собственных нужд и лишь около 42 % результатов внедрено на промышленных предприятиях. Министерство тяжёлой промышленности указывало на низкую степень чёткости в организации научно-технических работ и медленных темпов популяризации научно-технических достижений².

Политические власти предприняли попытку исправления существующей ситуации. Они, однако, намеревались сделать это главным образом действиями организационно-административного, а не экономического характера. В решении XI Пленума ЦК ПОРП было выдвинуто требование преобразования Комитета по делам техники в Комитет науки и техники (КНиТ) и установлены задания для государственных институтов (Польской Академии Наук, экономических ведомств, научно-исследовательских институтов и т. д.), занимающихся развитием науки и техники в Польше. К задачам КНиТ должны были, в частности, относиться координация участия Польши в международном научном и техническом сотрудничестве в рамках СЭВ и забота о чётком использовании и адаптации заграничных научных достижений. Власти обратили также внимание на необходимость расширения в рамках СЭВ сотрудничества при расширении базы для производства оборудования и научной аппаратуры³. Владислав Го-

¹ Подробнее см.: Instytuty naukowo-badawcze a postęp techniczny w gospodarce (uwagi dyskusyjne) // Nowe Drogi. 1963. № 1, S. 141 i n.; № 2, S. 83 i n.; № 3, S. 81 i n.

² Rozwój techniki w PRL. Warszawa, 1965. S. 624 i n.

³ Uchwała XI Plenum KC PZPR // Nowe Drogi. 1963. № 1. S. 38–39.

мулка, тогдашний Первый секретарь ЦК ПОРП, говорил: «Технический прогресс в нашей промышленности движется слишком медленным шагом. Достижения науки не внедряются в практику... Представляется, что главная причина заключается в большом организационном беспорядке, в недостатке исполнительности» и подчеркнул, что иерархию важности проблем «окончательно должны устанавливать авторитетные государственные органы»¹.

Из данных, представленных в конце 60-х годов на IV Пленуме ЦК ПОРП, следует, что принципиального улучшения в сфере технического прогресса не произошло. Как и ранее, темпы внедрения научно-технических достижений в польскую экономику были невысокими. По-прежнему проявлялись проблемы в организации и деятельности, как национальной научно-технической базы, так и в сотрудничестве со странами СЭВ. Всё также усматривали улучшение ситуации в усовершенствованиях организационно-административного характера. В докладе Политбюро ЦК ПОРП констатировалось, в частности: «По-прежнему, однако, существует недостаточная эффективность в деятельности научно-технической базы, рассредоточение средств и научно-исследовательского потенциала и неполное использование возможностей, какие создаёт международное сотрудничество». Было также подчеркнуто, что ускорение процесса научно-технической революции в Польше требует «многосторонней, вдохновенной и организационной работы партии и всех экономических и научных учреждений, специально для этой цели созданных правительственных органов, руководств ведомств, объединений и предприятий, представительств и научных и технических организаций»². По оценке, в период 1966–1970 годов количество проектов принятых, но не внедрённых, составляло около 50 тыс. в год³.

¹ Przemówienie końcowe tow. Władysława Gomułki wygłoszone 18 grudnia 1962 r. na XI Plenum KC PZPR // *Nowe Drogi*. 1963. № 1. S. 28, 30.

² IV Plenum KC PZPR. 14-15 XI 1969 r. Podstawowe materiały. Warszawa, 1969. S. 14.

³ AAN. KC PZPR. Sygn. 1354. P. 246. Lp. 1189. T. 316. Raport o stanie nauki i techniki. Warszawa. Styczeń 1972. S. 30-31. Cp.: Karpiński A. Gospodarcza pozycja Polski w świecie. Warszawa, 1973. S. 293, 300-302; Czaja S., Fiedor B. Postęp naukowo-techniczny jako czynnik wzrostu gospodarczego Polski. Próba analizy ilościowej // *Postęp naukowo-techniczny a przemiany strukturalne w gospodarce socjalistycznej*. Wrocław, 1985. S. 91 i n.; Filasiewicz A. Aktualne zagadnienia rozwoju nauki i techniki // *Gospodarka Planowa*. 1968. № 5. S. 7-10.

Шансы ускорить научно-технический прогресс усматривались не только в развитии национальной научно-технической базы, но и в научно-техническом сотрудничестве со странами СЭВ. Научно-технические услуги, получаемые Польшей от стран-членов упомянутой организации, делались в рассматриваемый период главным источником притока техники и технологии в экономику и оказывали значимое влияние на формирование её структуры.

Анализ документации об этом сотрудничестве (главным образом протоколов из заседаний комиссии и комитетов, занимающихся взаимодействием) показывает, однако, что ответственные за неё органы трактовали её формальным образом, т. е. принимали отчёты о выполнении взаимных услуг без анализа причин проявившихся при этом трудностей. Рекомендовался лишь дальнейший научно-технический обмен опытом и «совершенствование» сотрудничества. Отсутствие хотя бы попыток объяснения причин «недостатков» в научно-техническом сотрудничестве в национальных документах показывает, что эти вопросы представляли собой своего рода табу в экономических взаимоотношениях стран СЭВ.

Недостаточное развитие специализации и кооперации в производстве касалось также научных исследований и проектно-конструкторских работ. Существующий параллелизм в этой сфере требовалось ликвидировать посредством организации общих исследовательских центров и проектно-конструкторских бюро, деятельность которых должна была опираться на принцип разделения труда между странами-членами Совета. Предложения по этому вопросу польская сторона выдвинула в конце 50-х годов. Она также огласила требование создать постоянные отраслевые комиссии СЭВ, которые занимались бы вопросами технического прогресса и развитием новой техники¹. Эти предложения до конца следующего десятилетия, однако, не были реализованы.

В источниках подчёркивается, в частности, что «нарушения» в научно-исследовательском сотрудничестве вытекали главным образом из двусторонних форм её проведения и недостатка многосторонних форм. Отдельные страны трактовали его «как вто-

¹ AAN. KC PZPR. Sygn. 1354. P. 126. Lp. 531. T. 88. Informacja o stanowisku strony polskiej na konferencję krajów – członków RWPG.

ричное дело, подчиненное определённой технической проблеме», проявляя при этом недостаток заинтересованности перспективными исследовательскими работами. Восприятие сотрудничества, главным образом, сквозь призму узкоотраслевых интересов вело к тому, что оно охватывало обычно фрагмент исследовательской проблемы, а не воспринималось комплексно¹.

Проблему представляло также планирование научно-технического сотрудничества. Большинство планов касалось вопросов краткосрочного характера. Министерства и объединения не имели долгосрочных программ сотрудничества с партнёрами. Не хватало также планов развития совместной деятельности на уровне СЭВ.

Вышеназванные «недостатки» показывают, что организация не сумела создать общей, комплексной концепции развития научно-технического сотрудничества. Отсутствовали также экономические механизмы, которые должны были обеспечить эффективное выполнение взаимных соглашений и договоров. У заключаемых соглашений был обычно декларативный характер, не подкреплённый юридическими санкциями. Выход из договоров не сопровождали также практически никакие экономические санкции, или же они исполнялись достаточно либеральным образом. При этом обращалось внимание, что такой подход к сотрудничеству провоцировал увеличение экономического риска и препятствовал расширению взаимных экономических связей. Несмотря на выдвинутое Польшей уже в 1962 году требование создания международного арбитражного органа стран СЭВ, это предложение не дождалось в рассматриваемый период своего исполнения.

Трудности в научно-техническом сотрудничестве вытекали также из восприятия его сквозь призму осуществляемой отдельными странами внутренней экономической политики. Это вело к конфликтам между ними, так как они отказывались от взаимного предоставления услуг, опасаясь запуска партнёром конкурирующего производства.

Основание сотрудничества на принципе безвозмездного предоставления услуг имело своим следствием, в частности, обмен

¹ Ibid. Lp. 534. T. 91. Współpraca w dziedzinie nauki i techniki, s. 3 // Dokumenty na naradę krajów RWPG 6-7. 06. 1962. Cp.: Międzynarodowa współpraca naukowo-techniczna. Wybrane problemy / red. W. Brzost. Warszawa, 1985. S. 29-30.

«устаревшей» научно-технической документацией (например, появившейся в 20-е годы), отправку не тех материалов, за которыми обращались, или неполных, их высокими издержками за каждую единицу, а также требованием оплаты за «техническую документацию мирового стандарта» и самые новые технологии¹.

Общая оценка экономических результатов сотрудничества практически невозможна. Это является следствием, по крайней мере, нескольких обстоятельств: принятия некоммерческих принципов научно-технического сотрудничества в рамках СЭВ, недостатка методов оценки сотрудничества (работа в этой сфере была начата лишь в 70-х годах), разнородности и несравнимости применяемых технико-экономических показателей, проблем перерасчёта из-за отсутствия общей валюты, пробелах в статистике в сфере научно-технического сотрудничества и т. д.

Кроме того, большая часть услуг проходила специальными каналами. Это были, главным образом, технологии, использовавшиеся в военной промышленности². Их огромное, трудное для подсчёта количество, было вызвано, главным образом, навязанной странам народной демократии И. Сталиным «необычайно сложной техникой и организационно и очень дорогостоящей с финансовой точки зрения» программы вооружения³. В Польше, например, планируемые в «Законе о Шестилетнем Плане» расходы на военную сферу (3,3 млрд. злотых в 1950–1955 годах) радикально увеличились, а вдобавок их часть была скрыта в бюджетах гражданских министерств⁴.

В документах обращалось также внимание на «недочёты», связанные с низкой степенью развития научно-технической базы большинства государств-членов СЭВ, бюрократизмом в осуществлении сотрудничества, недостатком экономических стимулов

¹ AAN. Komisja Planowania przy Radzie Ministrów. Sygn. 234/60, 234/81. Cp.: Skrzypek A. Procesy integracyjne państw wspólnoty socjalistycznej. Wrocław, 1987. S. 50; Ausch S. Theory and Practice of CMEA Cooperation. Budapest, 1972. S. 199-200.

² AAN. KC PZPR. Sygn. 1354. P. 108. Lp. 452. T. 10. См.: Маркс Б. П. Польско-советское научно-техническое сотрудничество... С. 183.

³ См. : Jaroszewicz P. Przerywam milczenie. Warszawa, 1991. S. 117; Heller M., Niekricz A. Utopia u władzy. Londyn, 1987. S. 168 i n.

⁴ Подробнее см.: Jezierski A., Leszczyńska C. Historia gospodarcza Polski. Warszawa: Wydawnictwo Key Text, 2001. S. 498-499. Авторы приводят ряд важных данных из докторской диссертации Б. Едлиньского, опирающейся на недоступные ранее данные Военной группы ГКЭП.

для быстрого его развития и для осуществления технического и технологического прогресса в отдельных странах, недостаточно чёткой системой передачи информации о научно-технических достижениях стран и т. д.

Основные причины недостаточного развития сотрудничества заключались в исключении из него товарно-денежных инструментов, а также в недостаточности усилий по приведению в исполнение даваемых рекомендаций.

Научно-техническое сотрудничество представляло собой важную сферу в экономических отношениях государств СЭВ, поэтому исследования этой проблемы должны быть продолжены. В данной статье удалось представить лишь некоторые вопросы, касающиеся оценки научно-технического сотрудничества Польши со странами СЭВ. Более полный анализ сотрудничества станет возможным лишь после передачи в московские архивы материалов этой организации.

РЕЦЕНЗИИ

Н. В. ГОГОЛЬ И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

Отв. редактор Л. Н. Будагова. М.: ИНДРИК, 2012. 568 с.

Сборник, подготовленный по материалам представительной международной конференции Института славяноведения РАН, посвящен роли Н. В. Гоголя в судьбе славянских литератур, восприятию его творчества в славянской культурной среде. В представленных статьях выявляется влияние его творчества на формирование художественных направлений и жанров в славянских литературах, на повышение художественного мастерства писателей. При этом введены в научный оборот некоторые малоизвестные детали, касающиеся рецепции творчества Гоголя в славянских странах. Как показывает приведенный в книге материал, уже в XIX в. освоение славянскими литературами творческого опыта великого писателя шло очень интенсивно, что подтверждает большое значение этого опыта для развития национальных литератур, большинство из которых переживало тогда эпоху национального возрождения. Однако в то время всемирное значение творчества Гоголя определилось еще далеко не полностью. Некоторые художественные находки писателя нашли отклик позже, в XX в., совсем в другом культурном контексте (см. статью Л. Н. Будаговой).

Другой тематический пласт статей – представления самого Н. В. Гоголя о славянстве, исторических судьбах и характере отдельных славянских народов, об их взаимоотношениях, а также отношении писателя к устному и письменному творчеству славян, отражение в его творчестве славянских мотивов, всей многогранной славянской темы.

Авторы многих статей сборника не обошли стороной дискуссионного вопроса о национальной самоидентификации писателя. Трудно, конечно, поставить под сомнение право Гоголя называться, прежде всего, великим русским писателем. Крупный чешский филолог Я. Мукаржовский справедливо писал о нем в свое время как об основателе языковой традиции великорусской поэтической прозы. Открытым, однако, остается вопрос о месте Гоголя в контексте украинской культуры. Можно ли, скажем, согласиться с бывшим президентом Украины Л. Кучмой, который в своей программной книге «Украина – не Россия» писал о Гоголе как общем достоянии

российской и украинской культур, иными словами, о частичном праве украинской культуры и литературы на Гоголя? В статьях недавно скончавшейся выдающейся исследовательницы славянских культур Л. А. Софроновой, В. В. Мочаловой и др. хорошо показано влияние на творчество Гоголя культуры украинского барокко. Не меньшим было влияние на него украинского фольклора, собранного и систематизированного другом писателя М. А. Максимовичем. При этом отношение к фольклору и вообще к украинской культуре было у Гоголя своеобразным. Образ Малороссии, как справедливо отмечается в некоторых статьях, выполнял у Гоголя важную функцию, служил воссоединению современной ему России с ее народно-поэтическим прошлым.

Известно, что самосознание писателя не менее важно, чем язык, на котором он пишет. Великие латиноамериканские писатели писали и пишут на испанском языке, оставаясь колумбийцами, аргентинцами, чилийцами, перуанцами. Целая плеяда великих шотландских и ирландских писателей создавала свои произведения на английском языке. Когда в 1931 г. Бернард Шоу отмечал в Москве (!) свое 75-летие, советские функционеры на торжественном собрании приветствовали в его лице «выдающегося представителя прогрессивной английской литературы», но автор бессмертного «Пигмалиона» сразу поставил их на место, со всей категоричностью заявив с высокой трибуны, что считает себя не английским, а ирландским писателем, и вообще после подавления ирландского восстания 1916 г. терпеть не может англичан. На русском языке создали многие свои и зачастую лучшие произведения киргиз Ч. Айтматов, белорус В. Быков, чуваш Г. Айги, молдаванин И. Друцэ, внеся тем самым свой неповторимый вклад не только в национальные, но и в русскую культуру. Но главный источник их творчества – в национальной духовной стихии, даже если предметом их повествований и рефлексий не всегда была жизнь их национальной родины. Поэтому в художественном мире XX в. они представляют прежде всего свои национальные литературы.

Вышесказанное отчасти применимо и к Н. В. Гоголю. Наличие в нем малороссийского самосознания (рассматриваемого как определенный исторический этап на пути формирования украинского самосознания) позволяет говорить о его причастности к украинской литературе и культуре. Возможно, есть основания указывать на «мерцающую» и не вполне определенную националь-

ную идентичность Гоголя, нередко сознательно ускользавшего от определенности в этом отношении (см. статью В. В. Мочаловой). Верно и то, что малороссийская идентичность не противоречила в то время общему русскому самосознанию (в отличие от более поздней украинской идентичности). Как бы то ни было, понять Гоголя вне контекста Украины и ее культуры невозможно, невозможно также отлучить его от украинской культуры, что, конечно же, отнюдь не оправдывает использование его имени и его наследия в конъюнктурно-политических целях отдельными политиками из Киева и Львова. Существуют, как нам кажется, все основания говорить о Н. В. Гоголе как о посреднике между русским и украинским народами и их культурами. Причем через национальное в своем творчестве Гоголь выходил на универсальные ценности. Можно согласиться с одним из авторов книги, А. В. Липатовым: «Гоголь принадлежит к тем представителям культуры, чей гений продолжает сближать Украину и Россию в общем для них круге европейской цивилизации, возникшей и существующей на универсальной – вне- и надэтнической почве».

Другая тема, привлекавшая и прежде большое внимание исследователей – отношение Гоголя к Польше и полякам и соответственно восприятие его творчества в польском контексте (к ней обратились в своих статьях В. А. Хорев, В. В. Мочалова и др.). Глубокое изучение темы дает возможность подняться над устойчивыми стереотипами о полонофобии Гоголя, проявившейся, в частности, в «Тарасе Бульбе», сделать вывод о более сложном отношении Гоголя к Польше, полякам и польской культуре. Это отношение опиралось на определенные познания исторического прошлого взаимосвязей польского и украинского народов. Известно, что в молодости Н. В. Гоголь отдал дань историческим исследованиям, одно время даже (не слишком успешно) преподавал историю с университетской кафедры. Историческая повесть «Тарас Бульба» справедливо рассматривается исследователями в контексте его исторических концепций и изысканий, а те задачи, которые автор поначалу ставил перед собой как историк, стремясь по летописям и песням воссоздать облик народа и его подвиги, Гоголь (как справедливо отмечается, в частности, в статье В. В. Мочаловой) в полной мере разрешил как художник.

Авторы сборника касаются и вопроса об отношении Гоголя к современному ему российскому славянофильству, не столь одно-

значного, как это может показаться на первый взгляд. Вопреки широко распространенным представлениям о его принадлежности к славянофильскому лагерю, его отношения с этим лагерем были, в общем, непростыми. Так же, как, впрочем, и западники, «покамест они (славянофилы – А. С.) мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть», писал Гоголь, а по кичливости они даже превосходят западников. Вообще же, по мнению Гоголя, каждая из позиций отличалась в той или иной мере односторонностью. Если западники говорят о стене, стоящей перед их глазами, не видя «верхушки всего строения, то есть главы, купола и все, что ни есть в вышине», то славянофил отошел от здания «слишком далеко, так что видит весь фасад, но по частям не видит». Между тем, славянофилы и западники, заключал Гоголь, говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета.

В заключение хотелось бы высказать ряд небесспорных соображений относительно самого предмета исследования. Включение в сборник статей, касающихся восприятия Гоголя только в славянских литературах, вызывает вопрос: насколько правомерна фетишизация и абсолютизация критерия языкового родства при обращении к всемирному литературному процессу? Как бы отреагировали иные из авторов этого коллективного труда, если бы им дали в руки сборник статей о восприятии одного из классиков немецкой литературы, написанных только на материале литератур, созданных на языках германской языковой группы (немецкой, английской, голландской, скандинавских)? Не было бы появление подобного сборника расценено ими как проявление пангерманистских тенденций в культуре, попытка конъюнктурного обслуживания литературоведением пангерманистских политических амбиций и проектов? И не складывается ли в неславянских странах впечатление о панславистской подоплеке наших литературоведческих проектов, подобных нынешнему гоголевскому? Развивая ту же мысль: не показалась бы кое-какому из авторов нашего сборника нелепой идея объединить в единой книге статьи о восприятии творчества того или иного писателя только лишь литераторами, писавшими на языках романской языковой группы (т.е. представителями литератур – французской, итальянской, испанской, португальской, латиноамериканских, а также румынской; речь идет в данном случае о литературах, развивавшихся в

принципиально разных условиях; так, румынская литература резко отличалась по ряду своих типологических параметров от других романских литератур, обладала выраженной восточноевропейской спецификой)?

Никто, разумеется, не ставит под сомнение право говорить о славянских литературах как об определенной литературной общности, но это особенно плодотворно применительно к тем эпохам, когда на первый план (как в эпоху славянского возрождения) выходили задачи славянской общности и литература была тесно связана с общественными движениями, выдвигавшими в качестве знамени идею славянской взаимности, славянского единения. Причем даже в эту эпоху русская и польская литературы развивались по совершенно иным законам, нежели литературы других славянских народов. Это сказывалось, кстати говоря, и на восприятии Гоголя. Как отмечается в статье Л. Н. Будаговой, среди народов, страдавших от османского или австрийского владычества, повесть «Тарас Бульба» имела успех, воспринималась как историко-патриотическое произведение, своевременно переводилась и издавалась. Поляки же, многие из которых читали повесть в русском оригинале, долго медлили с ее переводом на родной язык, считая произведение полонофобским.

Кроме того, даже при изучении эпохи славянского возрождения (первая половина XIX в.) следовало бы лучше учитывать внеславянский региональный литературный, культурный контекст – словацкие литераторы работали в Вене и Пеште, болгарские – в румынских Дунайских княжествах и т.д. Применительно же ко второй половине XX – началу XXI вв. говорить о какой-либо внеязыковой, идейной общности славянских литератур (например, польской и македонской) едва ли приходится, на первый план выходят принципиальные различия, иногда даже литераторы, в сущности пишущие на одном языке (сербские и хорватские, болгарские и македонские), сознательно конструируют разновекторность развития своих и соседних литератур. О какой славянской литературной общности может здесь идти речь? Эта общность существует только в схемах некоторых литературоведов и в головах ангажированных публицистов неославянофильского толка.

С другой стороны, даже самый поверхностный профессионально-литературоведческий взгляд обнаружит гораздо большую

типологическую общность (по многим параметрам) польской литературы с венгерской, чем с македонской или даже сербской литературой (если говорить о многовековом процессе их развития), а болгарской литературы – с румынской, нежели с чешской. Не обрекает ли литературоведение на застойные явления чрезмерное зацикливание на языковом родстве при сравнительно-историческом изучении литературных явлений, а также вырывание славянских литератур из более широкого, не в последнюю очередь регионального (а также – применительно к землям монархии Габсбургов – имперского) контекста? Не является ли все это тормозом, отвечает ли все это магистральным тенденциям развития современной науки? И если даже не выходить на далеко идущие обобщения, стоит заметить: сборник бы только выиграл, если бы в него (даже при неизбежности некоторой концептуальной корректировки) был включен материал о восприятии Гоголя в неславянских литературах Центральной и Юго-Восточной Европы, типологически близких некоторым славянским литературам. На наш взгляд, это только обогатило бы содержание рассматриваемого труда. Между тем, попытка автора этих строк предложить в рецензируемый сборник добротную статью известного венгерского историка Л. Мольнара о Яноше Орлаи (по представлению автора, венгре, а на самом деле закарпатском русине, карпатороссе с достаточно развитым венгерским самосознанием), учителе Гоголя по Нежинскому лицей, оказавшем большое влияние на его формирование в юности, была по сугубо формальным мотивам отвергнута членами редколлегии (венгр не есть славянин). В любом случае нам представляется бесспорным следующее: изучение восприятия Гоголя в славянских литературах не компенсирует необходимости изучения более широкой темы – о рецепции его творчества в славянских и неславянских литературах народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Высказанные принципиальные соображения не меняют, однако, общей высокой оценки рассматриваемого труда. Сборник, несомненно, состоялся и как единое в концептуальном отношении целое.

А. С. Стыкалин

ПАМЯТИ ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ХОРЕВА¹

(22 февраля 1932, Вологда – 25 мая 2012, Гродно)

А. С. Стыкалин

25 мая 2012 года ушёл из жизни один из признанных мэтров и харизматичных лидеров российской полонистики (и – шире – славистики) Виктор Александрович Хорев, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, вице-президент российского Общества культурного и делового сотрудничества с Польшей. Его уход был внезапным, ученый (хотя и не отличался в последние годы блестящим здоровьем: перенес две тяжелые операции) был, тем не менее, полон сил и замыслов. В феврале 2012 г. Виктор Александрович отмечал своё 80-летие. В Институте славяноведения РАН прошла приуроченная к этой дате международная конференция «Victor Chorew – Amicus Poloniae», тогда же вышла и новая, оказавшаяся последней книга очерков ученого – «Восприятие России и русской литературы польскими писателями». Коллеги тогда много говорили и писали в журнале «Славяноведение» о неуместности «подведения итогов» деятельности активно работающего учёного, от которого научная общественность ждала дальнейших глубоких исследований, ярких открытий, новых, как всегда, побуждающих к поискам и размышлениям работ. Коллеги, друзья и ученики Виктора Александровича, уже с благодарностью и восхищением отмечавшие его прошедшие юбилеи посвященными ему трудами², желали юбиляру крепкого здоровья, долгих лет творческой жизни, плодотворной деятельности на благо российской науки.

16 мая Виктор Александрович вернулся из очередной поездки в Польшу, где плодотворно работал и обсуждал с польскими коллегами из Института литературных исследований ПАН планы

¹ Редакторы и авторы «Российско-польского альманаха», издания, за которым В.А. Хорев внимательно следил и сам был в числе его авторов, присоединяются к соболезнованиям по случаю его кончины.

² См.: Studia Polonica. К 60-летию Виктора Александровича Хорева. М., 1992; Studia Polonica II. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002.

дальнейшего сотрудничества, а 22 мая поехал в Гродненский университет, центр белорусской полонистики, для становления полонистических исследований в котором В. А. Хорев сделал так много. Ему было вручено звание профессора *honoris causa* этого университета. Это звание стало последним среди тех многочисленных, которыми Виктор Александрович был отмечен. Из поездки в Гродно он уже не вернулся. Российская, да и мировая полонистика понесла невосполнимую потерю.

Виктор Александрович не успел принять участие в V Конгрессе зарубежной полонистики, состоявшемся 10–13 июля 2012 г. в Институте польской филологии Университета в Ополе. Во время, отведённое для запланированного доклада, речь шла о вкладе В. А. Хорева в российскую полонистику. В сборнике материалов V Конгресса будет опубликован доклад Виктора Александровича, с которым он выступил в Гродно в последний день своей жизни при получении почетного звания.

Почти шесть десятилетий плодотворной работы связывали В. А. Хорева с Институтом славяноведения РАН. Он пришел сюда в 1954 г. в аспирантуру по окончании филологического факультета МГУ, долгие годы работал в штате, пройдя все ступени научного роста. В 1988 г. В. А. Хорев стал заместителем директора Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне Институт славяноведения РАН) и занимал этот пост 17 лет, до 2005 г. Не всем российским академическим институтам удалось пережить суровые 1990-е годы. Но Институт славяноведения не сбавлял привычных темпов деятельности, продолжая оставаться одним из важнейших в мире центров славистики и балканистики, выпуская каждый год по несколько десятков исторических, филологических, историко-культурных трудов, имевших резонанс далеко за пределами России. Заслуга В. А. Хорева в этом очень велика. Отойдя от административных дел, он продолжал возглавлять отдел славянских литератур и (до последних дней) институтский Диссертационный совет по филологии.

Научная деятельность Виктора Александровича впечатляет своей масштабностью и многообразием. В библиографическом списке его работ более 350 наименований, среди которых – монографии разных лет, например, «О литературе народной Польши» (1961), «Владислав Броневский» (1965), «Становление социали-

стической литературы в Польше» (1979), «Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки» (2005), «Польская литература XX века. 1890–1990» (2009), а также главы в фундаментальных академических трудах по истории польской литературы (1969), всемирной литературы (т. 8, 1994), литератур Восточной Европы после Второй мировой войны (1995, 2001).

Виктор Александрович был инициатором и в течение многих лет руководил комплексным международным проектом «Россия – Польша. Взаимное видение в литературе и культуре», в рамках которого прошло более десятка конференций с участием филологов, историков, искусствоведов. Материалы их были опубликованы в коллективных трудах, где В. А. Хорев выступал в качестве ведущего автора и ответственного редактора: «Поляки и русские в глазах друг друга» (2000), «Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре» (2002), «Миф Европы в литературе и культуре России и Польши» (2004), «Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура» (2006), «Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре» (2007), «Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой» (2008), «Русская культура в польском сознании» (2009), «Юлиуш Словацкий и Россия» (2011), «Отзвуки Шопена в русской культуре» (2011). Этот многолетний масштабный труд Виктора Александровича был по достоинству оценен Президиумами как Российской, так и Польской Академий наук, и отмечен премией и медалью «За вклад в науку».

Говоря о заслуженных наградах юбиляра, следует упомянуть также и орден Дружбы (1997), польский Командорский крест со звездой Ордена Заслуги перед Польской республикой (1999), медали «За заслуги перед польской культурой» (1996), «Медаль Комиссии народного образования» (1997), «Мицкевич и Пушкин» (2002), медаль и почетный диплом Объединения Европейской культуры (Societe Europeenne de Culture – SEC – 2006), награду Посла Польши в РФ «Польский Пегас» (2010), золотую медаль «За заслуги в области культуры Gloria Artis» Министерства культуры и национального наследия республики Польша (2010), диплом министра иностранных дел Польши «За выдающиеся заслуги в пропаганде польской культуры в мире» (2010).

Глядя на польскую литературу XX века глазами русского полониста (так называлась одна из его статей в вышедшем в 2005 г.

сборнике «Москва–Варшава: 1900 – 2000»), Виктор Александрович исследовал творчество многих польских писателей и поэтов, составивших славу своей национальной литературы, – С. И. Виткевича и З. Налковской, В. Броневского и К. И. Галчиньского, С. Дыгата и К. Филиповича, Л. Кручковского и Т. Брезы, Я. Ивашкевича (монография о творчестве которого осталась, к сожалению, незавершенной) и Л. Шенвальда, Т. Ружевица и С. Мрожека, Б. Чешко, Ю. Кавальца, В. Мысливского. Этот перечень может быть продолжен: исследовательский интерес В.А. Хорева привлекали такие значимые фигуры польской литературы более раннего периода, как А. Мицкевич, Ю. Словацкий, Г. Сенкевич, Я. Каспрович; проблемы сравнительного изучения литератур и русско-польские литературные связи, стереотипы национального восприятия и взаимная рецепция культур; польская проза так называемого «второго круга обращения» (работа 2000 г.); современные парабеллетристические жанры – эссе, дневники, мемуары, то есть литература «человеческого документа», как он назвал одну из своих статей, подводя «литературные итоги XX века» (2003), и др. Его обращение к исторической прозе и мемуаристике было тем более закономерным, что он был прекрасным знатоком истории Польши XIX–XX вв., профессионально обсуждавшим ее проблемы с коллегами-историками, был приглашен полноправным членом в комиссию историков двух стран и принимал активное участие в ее работе. Все статьи по новейшей истории Польши, приходившие в журнал «Славяноведение», членом редколлегии которого он много лет состоял, неизменно показывали Виктору Александровичу. Его приглашали и на обсуждение важнейших монографий по истории. В 1998 г. молодые коллеги-историки подвигли Виктора Александровича заняться архивными штудиями в области российско-польских и советско-польских литературных и культурных связей. В течение ряда месяцев он прилежно ходил в архивы, а результатом его исследований стал целый ряд научных работ, с интересом прочитанных и в Польше.

В Польше было опубликовано много трудов В. А. Хорева. Среди вызвавших наибольший отклик можно назвать статью о восприятии польской культуры в России в 1945–1990 гг. в сборнике «*Dusza polska i rosyjska. Spojrzzenie współczesne*» (Łódź, 2003) или исследование «петербургского текста» Ярослава Ивашкевича в издании «*Album Gdańskie. Prace ofiarowane profesorowi Józefowi*

Bachórzowi» (Gdańsk, 2009). Многократно он публиковался и в других странах (упомянем, например, его исследование роли культурных клише в истории, опубликованное в вышедшем в 1993 г. в Дюссельдорфе томе «Polen und Deutschen»). В.А. Хорев был в числе авторов не только российских энциклопедий, но и многотомного труда ЮНЕСКО «История человечества. Научное и культурное развитие» (Том VII. XX век. Под ред. С. Гопала и С. Тихвинского. Русскоязычная версия: М., 2005. Англоязычная версия: History of Humanity. Vol. VII. The Twentieth Century. UNESCO. Routledge, 2008).

Все годы своей научной деятельности Виктор Александрович принимал активнейшее участие в международных конференциях, Съездах славистов, публикуя свои доклады в сборниках их материалов (в качестве примеров можно привести его доклад об иматологическом аспекте изучения литературных связей на Межрегиональной конференции славистов 2005 г. или доклад о восприятии Достоевского в сознании польских писателей второй половины XX в. на XIV Международном съезде в 2008 г.).

Научную работу профессор В.А. Хорев десятки лет совмещал с педагогической, он воспитал несколько поколений молодых исследователей (российских, белорусских, польских). Под его руководством подготовлено и защищено множество кандидатских диссертаций. С. Ф. Мусиенко, И. Е. Адельгейм, Л. А. Мальцев и другие его ученики стали докторами наук. Для многих Виктор Александрович был и останется Учителем с большой буквы. Ведь он был не только выдающимся исследователем, строгим и авторитетным, но вместе с тем доброжелательным и чутким критиком работ своих коллег. Он принадлежал к поколению тех шестидесятников, для которых не были пустым звуком интересы отечественной науки и ее международный престиж – поэтому он стал хранителем лучших традиций российской полонистики, литературоведения и – шире – гуманитарного знания. Он был разносторонне одаренным и трудолюбивым человеком, тружеником науки и ее новатором.

При этом В. А. Хорев обладал редким даром душевной щедрости, оставаясь в любых перипетиях судьбы (а их у него было немало), жизнерадостным и энергичным человеком, добрым и отзывчивым – он всегда готов был поддержать в сложной ситуации, помочь не только советом и участием, но и конкретным делом –

не считаясь при этом со временем. Он в равной мере умел держать удар и делиться радостью, побеждать и проигрывать с честью. Яркость личность, незаурядный организаторский талант, человеческое обаяние, чувство юмора, неизменная доброжелательность притягивали к Виктору Александровичу людей, в том числе и совсем других поколений, создавали вокруг него неповторимую атмосферу. Мало кто из его коллег обладал столь же сильной харизмой, как он.

Особенно тесное сотрудничество связывало В. А. Хорева как педагога со своей alma mater – филологическим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова: это и организация проведенных вместе с Институтом славяноведения научных конференций, и читавшийся студентам спецкурс по современной польской критике, оппонирование дипломных и кандидатских работ. Виктор Александрович долгие годы состоял членом диссертационного совета кафедры зарубежной литературы крупнейшего вуза страны. Кончина помешала ему оппонировать хорошую кандидатскую диссертацию на историческом факультете МГУ – об общественно-политической деятельности великого польского писателя Г. Сенкевича.

Человек большого организаторского дарования, В. А. Хорев успевал выполнять множество функций, требовавших большой самоотдачи. Он состоял членом редколлегии ряда изданий, в том числе «Славянского альманаха», был председателем Мицкевичевской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН, долгие годы работал в обществе дружбы двух стран. Всю свою творческую жизнь Виктор Александрович выполнял и огромную переводческую работу, писал предисловия и послесловия к книгам польских писателей. Он был выдающимся популяризатором польской литературы в России, его по праву можно уподобить и мосту, объединяющему народы, культуры и страны, и «чрезвычайному и полномочному» послу польской литературы и культуры в России и странах, где читают на русском языке.

На панихиду пришла не одна сотня людей, включая видных деятелей российской и польской культуры, с яркой речью выступил С. И. Бэлза, долгие годы работавший вместе с В. А. Хоревым в руководстве российского Общества культурного и делового сотрудничества с Польшей.

В адрес Института славяноведения поступили многочисленные соболезнования – от Национального комитета славистов РФ,

от МГУ им. Ломоносова (кафедры славянских языков филологического и кафедры истории южных и западных славян исторического факультетов; кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения), от ИМЛИ РАН, Института культурологии Министерства культуры РФ, от кафедры польской филологии Гродненского университета им. Янки Купалы и др.

Скорбь близких, коллег и учеников Виктора Александровича разделили его многочисленные польские друзья и коллеги, о чём свидетельствуют поступившие соболезнования от Посольства Республики Польша в России, от постоянного представительства ПАН при РАН, от дирекции и сотрудников Института литературных исследований ПАН, из университетов Варшавы, Кракова, Гданьска, Познани, Быдгощи, Подлясской Академии в Седльцах, из Центра польско-российского диалога и согласия в Варшаве, из Национальной библиотеки, от Президента и членов Союза польских писателей и др.

Опубликованы многочисленные некрологи в польской прессе – скорбная весть в ведущем органе «Gazeta Wyborcza» вышла под заголовком «Ушёл посол польской культуры в России».

В своём интервью для Польского радио профессор Института Истории Варшавского университета, известный историк Иероним Граалья, много сотрудничавший с В. А. Хоревым в бытность директором Польского культурного центра в Москве, справедливо назвал Виктора Александровича «послом польскости» в России и «человеком-институтом», подчеркнув, что Хорев – это намного больше, чем один институт: «это Институт Польши в России и Институт России в Польше».

По инициативе Польского культурного центра Посольства Республики Польша в Москве в «Новой газете» (27. V. 2012) было помещено сообщение, в котором выражены и наши чувства: «Ушел из жизни выдающийся ученый, полонист и полонофил, наш большой друг профессор В. А. Хорев. Не стало замечательного, любимого друзьями, коллегами и учениками человека, деятельного ученого, воспитавшего несколько поколений полонистов, сделавшего очень многое для дружбы российской и польской науки. Нам будет трудно без него».

Коллеги, ученики

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА БУХАРИНА (1945–2012)¹

Известному российскому ученому-полонисту довелось начать свой жизненный путь в числе первых представителей послевоенного поколения. Страна только начинала отстраиваться, и вернувшийся с фронта отец получил направление восстанавливать систему образования в Советской Молдавии. Там, в городке Вулканешты и пришел на свет 12 декабря 1945 г. будущий ученый. Отец вскоре перевелся в другую советскую республику – Латвию, в переименованный в Даугавпилс древний Борисоглебск-Динабург-Двинск, с XVII века центр российского старообрядчества, где издавна обосновались родители матери. Дед, выборный священник общины старообрядцев, сам занялся формированием с раннего детства гуманистических черт личности, нравственного стержня любимого внука, его верности самым глубоким российским духовным и гражданственно-патриотическим традициям.

В этом главном русском анклав Прибалтики мирно соседствовала и дружила детвора давних окраин империи – русские, поляки, евреи, латыши... Закончив школу и имея возможность освоить лишь рабочую профессию на заводе «Электроинструмент», юноша вскоре принял смелое решение. Он уехал в 1965 г. в Москву и успешно прошел вступительные экзамены на исторический факультет МГУ. Пытливый интерес к сложным судьбам своего региона привел его на кафедру южных и западных славян. Вскоре он стал председателем Общества советско-польской дружбы МГУ и членом Студенческого совета Университета. Под руководством выдающегося исследователя проф. И. М. Белявской Бухарин выбрал темой дипломной работы сотрудничество первых российских и польских социалистов и продолжил работу над ней уже в Варшавском университете (куда был направлен как выдающийся студент-дипломник) у известнейшего польского специалиста проф. Ж. Кормановой. Итогом прекрасной защиты проведенного анализа истории движения и развития общественной мысли стала вы-

¹ Редакторы и авторы «Российско-польского альманаха» присоединяются к соболезнованиям по случаю кончины Н. И. Бухарина.

шедшая в свет в издательстве «Наука» первая монография «У истоков польского социалистического движения» (1976 г.).

В аспирантуре Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (1970–1973 гг.) под руководством блестящего исследователя Я. Б. Шмерля он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, которая вышла из печати в виде монографии «Интеллигенция Польской Народной Республики» («Наука», 1977 г.).

В 70-е годы, весьма успешные для расширения проблематики ИЭМСС АН СССР, концентрации в нем квалифицированных и смелых в научном отношении кадров, по воспоминаниям руководителя нового отдела политических и идеологических проблем проф. А. П. Бутенко, вокруг ареопага руководящих кадров «группировалась главная думающая сила научного коллектива», его «золотые кадры», к которой он отнес в числе первых и председателя совета молодых ученых Н. И. Бухарина¹. А проф. Д. Фурман с особой симпатией упомянул его в числе тех, благодаря кому в институте работалось и дышалось легче, чем «во многих других научных учреждениях»². Вскоре его зачислили в сектор ПНР, которым он определенное время и заведовал, существенно расширив общественно-политическую тематику.

В нескольких коллективных трудах Института, пафосом которых в то время было укрепление идеологием «дружбы, сотрудничества и взаимной помощи», он, как аналитик и эксперт, сосредоточивается на показе реального наполнения культурного и научного вектора сотрудничества. Вскоре молодой ученый получил предложение участвовать в совместном проекте о двустороннем научном сотрудничестве и издал в Варшаве, в издательстве «Книга и знание», вместе с польской исследовательницей О. Вышомирской монографию о российско-польском научном сотрудничестве (1978)³.

Назревшие в начале 80-х годов перемены требовали освобождения от штампов и мифологем, поиска научных основ даль-

¹ «Это было недавно, это было давно...». М., 2010. С. 87.

² Там же. С. 201.

³ 30 лет Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР. ИЭМСС, 1975; ZSRR-Polska: przyjaźń, współpraca, pomoc wzajemna. Warszawa. Książka i Wiedza. 1976; Советско-польские отношения 1944-1975. Москва – Варшава, 1978 и др.

нейшего развития в опоре на конструктивные традиции. В 1986 г. в издательстве «Наука» вышла его книга (в соавторстве) «Польское рабочее движение в борьбе за социализм»¹.

Когда под руководством заместителя директора И. И. Орлика в институте в 80-е годы в новой геополитической ситуации менялись название и структура института (уже как Института международных экономических исследований – ИМЭПИ), Н. И. Бухарин одним из первых соединил в себе в большом, новаторском четырехтомном коллективном труде Института «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века» качества страновика и проблемника. За этим последовала серия коллективных трудов, в которых он брал на себя обязанности не только одного из основных авторов, но и организатора.

Руководя исследованиями по теме «Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», издал с использованием текстов коллег, как основной автор, монографию², а затем приступил к разработке темы «Типы политических трансформаций (Россия, страны Центрально-Восточной Европы и СНГ)». Одновременно он написал десятки разделов в коллективные монографии и ежегодники («Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков», «Россия и Центрально-Восточная Европа в конце XX – начале XX в.», «Страны Центральной и Восточной Европы в 2003 году: результаты социально-экономического и политического развития», «Страны Центральной и Восточной Европы в период подготовки к вступлению в Европейский Союз», «Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2004–2005 гг.», «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы: системные трансформации, социально-экономическое и политическое развитие в 2006 г.» и др., а также в «Ежегодник рабочего движения» (Будапешт) и др.), серии статей в рецензионные журналы и другие издания.

Когда Отделение международных экономических и политических исследований Института экономики РАН отметило два-

¹ Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. Польское рабочее движение в борьбе за социализм. М., Наука, 1986.

² Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Наука, 2005.

дцатилетие преобразований региона сводной публикацией материалов своих авторов «Трансформации на постсоциалистическом пространстве» из журнала «Новая и новейшая история», в подготовке многих из которых по разным аспектам преобразований участвовал Н. И. Бухарин. Как регионал-проблемник, он раскрыл процессы становления гражданского общества, как полонист – вместе с коллегами-страновиками И. С. Синицыной и Н. А. Чудакковой – движение по пути реформ Польши, как международник – представил российско-польские отношения в 90-е годы XX – начале XXI века¹. В основу этой темы были положены результаты авторской монографии на эту тему².

Под эгидой МИД российско-польская Группа по сложным вопросам подготовила совместный труд «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях»³. Н. И. Бухарин, который ранее читал лекции в МГИМО, органично вписался в этот коллектив как автор раздела по проблемам двусторонних отношений периода «оттепели» и Польского Октября 1956 г. Из относимых к разряду «белых пятен» в этом издании польская печать особо отметила его базирующийся на обширных социологических материалах раздел о динамике роста взаимопонимания общественности России и Польши, который был дополнительно распечатан авторитетным журналом «Политика».

Будучи верен исследованиям проблематики польской истории, Н. И. Бухарин принял приглашение участвовать в коллективном труде Института славяноведения РАН «Польша в XX веке. Очерки политической истории»⁴. Он взял на себя исполнение наиболее неразработанных и сложных разделов «Окончательный отход от Октября 1956 г. «Сермяжный социализм» Гомулки» и «1970-е годы – десятилетие надежд, иллюзий и разочарования». Институт Европы РАН, также отмечая юбилей 20-летия системных трансформаций, пригласил его в свой юбилейный коллек-

¹ См.: Трансформации на постсоциалистическом пространстве. СПб.: Алетей, 2009.

² Бухарин Н. И. Российско-польские отношения: 90-е годы XX в. – начало XXI в. М., Наука, 2007.

³ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. Отв. ред. А.В. Мальгин, М.М. Наринский. М., 2010.

⁴ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., Индрик, 2012.

тивный труд как ведущего полониста – специалиста и по сквозной тематике процессов перемен в Польше¹.

Ведущий научный сотрудник и член Ученого совета ОМЭПИ ИЭ РАН, член редколлегии журналов «Мир перемен» и «Международный диалог», член комиссии историков России и Польши, Н. И. Бухарин последовательно расширял свою научную специализацию, комплексно охватывая различные сферы гуманитарных наук – выходя за рамки исторического знания в трансформирующиеся области общественной жизни региона – экономику, политологию, социологию, культурологию, право. Его творческое наследие насчитывает более 250 научных трудов.

По запросам из Государственной Думы РФ, Совета Федерации, МИД РФ и других российских государственных органов ученый готовил аналитические материалы и информационные записки, которые получали высокую оценку заказчиков; являлся востребованным экспертом в ряде средств массовой информации.

Скоропостижная смерть прервала высокий творческий взлет многогранного, глубокого и разностороннего исследователя в момент подготовки защиты комплексной докторской диссертации, подводящей итоги российско-польских отношений эпохи двадцатилетия трансформационных преобразований и намечающей оптимальные пути их дальнейшего развития.

Коллеги

¹ См.: Вишеградская Европа: Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. М., Весь мир, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьев Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного технического университета.

Васильев Алексей Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Российского института культурологии Министерства культуры РФ (Москва).

Волобуев Вадим Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Горизонтов Леонид Ефремович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

Домбровски Дариуш – доктор, Высшая школа управления «Эдукация» (Вроцлав, Польша).

Ёлкин Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Ковальчик Малгожата Эва – доктор гуманитарных наук, адъюнкт Исторического института Отделения исторических и педагогических наук Вроцлавского университета (Польша).

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории, декан факультета истории, философии и искусств Северо-Кавказского федерального университета.

Лихачева Т.Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических наук Центра международного образования Харьковского национального университет В. Н. Каразина.

Маркс Богуслав Петр – доктор экономических наук, адъюнкт Университета кардинала Стефана Вышиньского (Варшава, Польша).

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета.

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Цихорацки Петр – доктор хабилитованы, адъюнкт Исторического института Отделения исторических и педагогических наук Вроцлавского университета (Польша).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. Польша и Россия в интеллектуальном пространстве Европы

<i>Горизонтов Л.Е.</i> Российские истоки академика Александра Гейштора	3
<i>Крючков И.В.</i> Венгерский Миллениум 1896 г. в публикациях Л. Василевского на страницах «Мира Божьего»	14
<i>Васильев А.Г.</i> Культ героя и национальная идентичность: изучение коллективной памяти в социологии культуры С. Чарновского	26
<i>Цихорацки П., Домбровски Д.</i> Политическая печать межвоенной Польши о проблеме Подкарпатской Руси в 1938-1939 годах	47
<i>Волобуев В.В.</i> Литературная оппозиция и «оттепель» в Польше	56

РАЗДЕЛ II. Российско-польское взаимодействие в восточноевропейском контексте

<i>Галямичев А.Н.</i> Международные связи средневекового Кракова в зеркале его архитектуры	120
<i>Ковальчик М.Э.</i> Путешествие Урсулы Мнишек в Киев в 1787 г. для встречи с царицей Екатериной II	129
<i>Ананьев С.В.</i> Политика администрации М.Н. Муравьева по русификации Северо-Западного края в 1863-1865 гг.	136
<i>Птицын А.Н.</i> Учителя-галичане в Царстве Польском в последней трети XIX века	149
<i>Лихачева Т.Н.</i> Комитет великой княжны Татьяна Романовой и помощь польским беженцам в годы Первой мировой войны	164
<i>Ёлкин А.И.</i> Польская восточная политика и русские воинские формирования в Польше (1920–1924 гг.)	177
<i>Ким И.К.</i> Проблема пересмотра конституции в польском Сейме 1928-1930 годов	191

<i>Стыкалин А.С.</i> Президиум ЦК КПСС в поисках путей разрешения венгерского кризиса 1956 г. Влияние польского и ближневосточного факторов на принятие решения (черты группового портрета на фоне внешнеполитического вызова)	211
<i>Маркс Б.П.</i> Диагностика состояния научно-технического сотрудничества Польши со странами Совета Экономической Взаимопомощи в 1949-1971 годах	221
Рецензии	
<i>Стыкалин А.С.</i> Н.В. Гоголь и славянские литературы. Отв. редактор Л.Н. Будагова. М., «Индрик», 2012. 568 с.	234
Памяти Виктора Александровича Хорева	240
Памяти Николая Ивановича Бухарина	247
Сведения об авторах	252

Научное издание

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск VII

Редактор, технический редактор Л. Г. Ерицян
Компьютерная верстка Ю. Г. Ибрагимова

Формат 60x84 1/16	Усл.печ.л. 14,88	Подписано в печать 14.01.14
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Уч.-изд.л. 14,07
		Заказ 171

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
Северо-Кавказского федерального университета
г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2

